

Виктор Астафьев

Виктор Петрович Астафьев Нет мне ответа...

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3027465
Нет мне ответа...: Эксмо; М.: 2010
ISBN 978-5-699-43540-1*

Аннотация

Книга представляет собой эпистолярный дневник большого русского писателя Виктора Петровича Астафьева. Дневник, составленный из нескольких сотен его писем, почти ежедневно из года в год отправляемых им в разные уголки страны родным и друзьям, собратьям по перу, начинающим авторам, в издательства и редакции литературных журналов. В них с предельной искренностью и откровенной прямоотой отразилась жизнь выдающегося мастера слова на протяжении пятидесяти лет: его радости и огорчения, победы и утраты, глубина духовного мира и секреты творческой лаборатории прозаика. В них страдающая мысль и горестные раздумья сына своего Отечества о судьбе его многострадальной Родины и ее народа, великой частицей которого он был.

Большинство писем Виктора Астафьева публикуется впервые.

Содержание

Вечно наш	4
Эпистолярный дневник	8
1952	8
1953	10
1954	14
1955	18
1956	19
1957	24
1958	25
1959	27
1960	31
1961	37
1962	42
1963	45
1964	53
1965	58
1966	71
1967	85
1968	116
1969	123
1970	134
1971	143
1972	146
1973	152
1974	163
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Виктор Астафьев

Нет мне ответа...

Вечно наш

Когда бываю в Красноярске, я всегда еду в Овсянку к Виктору Петровичу – пройти по его селу, заглянуть в его домик, зайти в его библиотеку, в его церквушку... И обязательно поднимаюсь к нему на Манскую гору, где у подножья раскидистых берёз, растущих из одного корня, на бывшей крестьянской пашне, окружённый красотой енисейских гор нашёл он упокоение рядом с дочерью и с земляками посреди России.

Виктор Петрович явился на свет 1 мая 1924 года, в день памяти воина-мученика Виктора, а пройдя через сиротство, бездомность, кровь, раны и грязь войны, через цепь нескончаемых наших «гражданских» войн, перенеся всю боль и каторжные муки писательского труда, оставил нас поутру 29 ноября 2001 года, в день памяти евангелиста Матфея. И каждый раз, глядя на полированную черноту каменного надгробия, где золотом озорной извилистой линии такого родного почерка высечен его автограф, а внизу, на отдельной плите, указаны годы его жизни, возвращаюсь к мысли, уколотившей меня в тот далёкий студёный день прощания с ним, когда я впервые увидел эти стоящие рядом даты: 1924—2001. Мысли о том, что жизнь человека – это и есть маленькая чёрточка между двумя датами и что нет в ней ничего случайного – всё исполнено глубокого смысла: и каждая дата, и длина этой чёрточки. Вот и эта книга, которая составлялась все восемь лет после его ухода, тоже есть эта чёрточка, вместившая в себя его жизнь, его боли и радости, сомнения, разочарования и открытия.

Он никогда не вёл дневниковых записей. У него была изумительная память, поражавшая своей глубиной и необъятностью. В ней умещались не только полчища имён и дат, но и названия сотен земных существ и растений, их краски и запахи, несчётное количество поэтических строк и мелодий музыкальных шедевров, глубинное знание быта людей, природных явлений – все детали и оттенки жизни. «У меня до войны была редкостная память, – писал он в одном из писем Валентину Курбатову, – которая меня избаловала до того, что я ничего другого делать не хотел – ни учиться, ни трудиться – мне всё давалось «просто так». Маленький, совсем малограмотный, я уже сочинял стихи и разного рода истории, за что в ФЗО и на войне меня любили и даже с плацдарма вытаскивали, но там, на плацдарме, осталась половина меня – моей памяти, один глаз, половина веры, половина бездумности, и полностью остался мальчик, который долго во мне удобно жил, весёлый, глазастый и неунывающий. Работа в литературе, огромное перенапряжение самого себя (ведь одновременно и грамоту, и всё-всё надо было постигать самостоятельно) так меня износили, что потекли остатки памяти, но и с половиной того, что было, что не отшибло на войне, жил я вольно и припеваючи – никогда много не записывал, сочинённое в лесу год-полтора назад восстанавливал до звука, когда доходило в писанине именно до этого, где-то сочинённого места».

Помню, Виктор Петрович доставал иногда крохотный блокнотик, в котором лишь одному ему понятным «шифром», буквально несколькими буквами отмечал только что увиденное, услышанное или что-то вспомнившееся. Этих словесных крючочков вполне хватало ему, чтобы при необходимости выудить из памяти нужную деталь или точное слово.

Когда в 2002 году вышла книга переписки В. Астафьева и В. Курбатова «Крест бесконечный», меня, составившего её, и Валентина Яковлевича, давшего согласие на публикацию своих писем, не все тогда поняли. Говорилось, что не надо было столь поспешно публиковать эти письма, что прошло ещё крохотно мало времени, удаляющего нас от дня кончины Виктора Петровича, что должно отойти поколение, когда в дело вступит история, и тогда –

всё можно и ничего не страшно... Но я понимал, что переписка этих двух замечательных людей, за нас несущих крест бесконечных поисков причин бед и горестей, происходящих с нами, поисков ответов на вопросы, мучающие нас, будет важна не только литературоведам. Она будет важна, может быть, в первую очередь простым людям, пока ещё что-то читающим, над чем-то ещё размышляющим в этой слетевшей со всех колёс и опор жизни. И широкий читательский интерес к книге, не ослабевающий и по сей день (о ней по-прежнему говорят, спорят, цитируют её авторов), подтвердил это и всё расставил на свои места, а многие наши бывшие оппоненты согласились, что с поколением уйдём и мы, знавшие и любившие Виктора Петровича, и пытливый литературный исследователь никогда не заменит нас, сегодня сохраняющих живую память о нём, искренне желающих поделиться первоисточным знанием, честно выполнить свой долг перед навсегда ушедшим другом.

Сразу после выхода в свет «Креста бесконечного», а вслед за ней книги «Твердь и посох» (переписки Виктора Петровича с его другом и критиком Александром Николаевичем Макаровым) ко мне из многих уголков России начали стекаться астафьевские письма от людей, с которыми у Виктора Петровича в разные годы была большая или малая переписка. Иногда это могло быть всего лишь одно письмо, как, к примеру, Валентину Непомнящему, которое Виктор Петрович написал, не будучи с ним лично знаком, а просто по-человечески неравнодушно откликнулся на его публикацию о Пушкине в «Литературной газете». И таких «разовых» посланий было немало. Люди присылали копии писем Астафьева, как, может, самую дорогую в их жизни реликвию, нередко сопровождая их полезным и душевным пояснением. Я понимал, что это был и отклик на выход «Креста бесконечного», и что люди делают это не из желания отметить в тени знаменитого имени, а искренне хотят мне помочь в многотрудной работе по собиранию эпистолярного наследия классика.

И когда объём этих писем достиг некой «критической» массы, разместив их по полочкам-годам в хронологическую шеренгу, я увидел – это и есть дневник Виктора Петровича, который он по листочку изо дня в день, из года в год посылал разным людям во все концы страны, да и за её пределы тоже. Сам был не раз свидетелем тому, как он, отложив свои литературные дела, разгребая завалы накопившейся почты, отвечал в день сразу на несколько писем. А иногда и само писание письма приносило ему удовлетворение – отвлекало от тяжкого труда, «переключало» что-то внутри, настраивая на дорогие воспоминания, на желание поделиться с близким человеком радостью, а то и огорчением.

Казалось, жизнь делала всё, чтобы не было у нас такого писателя, – изувечила его детство, кинула в мясорубку войны, добивала вернувшегося с фронта солдата послевоенной нищетой и голодухой, мучила сознание идеологическими догмами, кромсала безжалостным цензурным скальпелем лучшие строки. Он выстоял! Не сделался ни озлобленным обывателем, ни диссидентом с кукишем в кармане, ни литературным барином вроде тех, чьи имена как-то мгновенно исчезли и забылись в наши дни. Он всегда оставался самим собой, не считаясь с пустыми и бездарными мнениями, с «веяниями» времени, с навязываемыми нормами. Астафьев сам по себе был и норма, и правило и, как доказало время, стал истинно национальным писателем в самом высоком смысле этого трудного понятия.

Все мы, кто знал его, был в переписке с ним, дружил с ним, как-то привыкли к тому, что есть вот такой у нас Виктор Петрович – мудрый, весёлый, рассудительный, горячий. Мы могли написать ему письмо и быть уверенными, что обязательно получим ответ. Могли запросто позвонить или зайти в гости, порой забывая, что отвлекаем его от работы, ломаем творческий настрой. Ибо мы всегда знали, что есть человек, на которого хотелось равняться, доверять ему свои сомнения, перед которым может быть стыдно и который всегда ответит на твои «глобальные» вопросы. Хотя знаю, что жадной своей услышать от него однозначный ответ на мучившие всех вопросы многие люди смущали его: «Кабы знал я ответ на вопрос, как жить, я бы написал его на листовках и разбросал с вертолёта...»

И всё же пока он был на земле, меня не покидало ощущение духовного порядка. Съездить к нему в Красноярск, поговорить в тиши писательского кабинета, посидеть под его любимым кедром в маленьком овсянском дворике – как причаститься, прочитать его новую повесть или рассказ – как глаза промыть и заново почувствовать жизнь с её реальными ценностями и заботами. И потому именно к нему, в Овсянку, словно к жившему в свете Евангелия оптинскому старцу, устремлялись все – от провинциальной учительницы, тащившей из иркутской дали своих учеников, до академиков, народных артистов и президентов. Просто он был Астафьевым – чьим именем, без всяких регалий и званий, называлась эпоха, в которой все мы жили.

Его письма не просто искренни, они во многом исповедальны. Перед нами как на глазах вырастает великий писатель и мощный прямой и свободный человек. Однако тут же понимаешь, что это в письмах всё так внешне быстро и просто, что они для тебя лишь мелькающие кадры, за которыми большая, тяжкая, полная драматизма жизнь и судьба Богом одарённого и бесконечно трудолюбивого человека. И потому мы ещё долго будем постигать уроки этой жизни, преподанные нам мудрым учителем. И не только уроки литературы. Астафьев учил нас прежде всего свободе и сам был свободным – и в жизни, и в творчестве. Помню, на одной из встреч его спросили: «Как стать свободным человеком?» Виктор Петрович с улыбкой ответил: «Начните с того, что перестаньте врать самому себе и прогибаться перед начальником».

Усталый, больной, иструдивший душу до дна, он каждое утро садился за рабочий стол, чтобы не только успеть дописать задуманное (сколько ещё осталось нерождённых сюжетов и героев, с которыми нам уже никогда не встретиться!), но и для того, чтобы честно заработать свой хлеб, кормить семью, поднимать сирот-внуков, помогать сыну и его семье. «Какая тяжкая, сжигающая нас, как на огне, наша работа! Да мало кто знает об этом – видят лишь, когда шляемся, пьём и Ваньку валяем!» – пишет он в отчаянии Александру Макарову. А в другом письме: «... даже кувалда, которой я в своё время орудовал в литейном цехе, не брала столько здоровья и не выматывала так, как «лёгонькое» писательское перо. Но и, конечно же, ни одна работа и не приносила мне столько счастья и восторга, как это литературное дело. Когда вдруг из ничего, из обыкновенного пузырька с чернилами извлечёшь что-то похожее на жизнь, воссоздашь из слов дорогую себе, а иногда и другим людям картинку или характер и замрёшь, как художник перед полотном, поражённый этим волшебством – ведь из ничего получилось! Господи! Да неужели это я сделал?»

В постперестроечное время о нём писали и говорили много и по-разному – от надеколоненных фраз («Наша совесть... Наш свет... Наше всё...») до словесных нечистот злобы («Клеветник... Очернитель... Приспособленец...»). В последнем особенно преуспевали те, кого он просто выкормил с щедрой писательской руки – давал рекомендации в Союз писателей, писал предисловия к книгам, проталкивал их «шедевры» в журналах и издательствах, потому что всегда верил в добро. «Я, конечно, знал цену их творениям, – говорил он мне позже, – но когда-то и мне, полуграмотному и литературно несовершенному, помогали добрые люди. Что поделаться, если в этих оказалось больше зла, чем таланта».

И никогда не жаловался на журнально-газетную истерию, разве самым близким людям, чаще всего и не отвечал на эти крысиные укусы. Так было и с историей, раздутой вокруг рассказа «Ловля пескарей в Грузии», и с резонансом на его единственный и откровенный ответ на письмо Н. Эйдельмана – до сих пор желающие возводят его до «высот» их якобы переписки (такое впечатление, что она и сегодня меж ними продолжается). Конечно, бесследно всё это не прошло и, несомненно, сократило его земные дни.

«Это не может не влиять на писателя, – говорил он мне в одной из наших последних с ним бесед. – На исходе жизни задаёшь себе вопрос: зачем? Зачем я жил, зачем работал, зачем круглыми сутками горбился за столом? Люди от этого лучше стали? Мир улучшился? Зачем

эти миллионы книг, картин, написанных нищими художниками, которые шли под пули, на расстрел, на костёр, – зачем они создавались? Когда эти вопросы подступают к тебе – становится страшно жить».

Последний год его жизни был омрачён безобразной выходкой, которую учинили депутаты-коммунисты краевого Законодательного собрания. Они проголосовали против того, чтобы тяжело больной, умирающий писатель-фронтовик получал к пенсии от своих земляков прибавку в три с половиной тысячи рублей. Случилось всё, как в недалёкие памятные времена – с писателем попытались свести счёты «от имени народа».

Коммунистам, конечно, всегда было за что не любить Астафьева. Речь не о тех рядовых коммунистах, которые, как и он сам, кормили вшей в окопах войны, а потом поднимали страну из разрухи – этим людям обижаться на писателя не за что. Они для него – народ, тот самый народ, который в своём творчестве он защищал каждой строкой. Просто правда всегда приходится по нраву не всем. «Я порой думаю, – писал он, – неужели тяжкие времена и страшные беды нас, русский народ, ничему не научили? Неужели желающие нового помрачения российского разума, новой свалки и братоубийства снова зачернят здравый смысл, с таким трудом, через такое горе, такие громадные потери к нам возвращающийся? Новой смуты, ещё одной свалки нам не пережить, не хватит на это наших ослабевших, редеющих рядов, повреждённого, если не надорвавшегося, российского здоровья. Не поддавайтесь сатанинским силам, русские люди! Постарайтесь жить по справедливости, быть милосердными друг к другу и нетерпимыми ко злу, разрушающему души...»

Конечно, не все письма Виктора Петровича удалось собрать. Это просто невозможно. Я знаю, тысячи их частичками его души развеяно на просторах Родины. Но даже те, что вошли в этот объёмный том, выбрали в себя полвека жизни не только самого Виктора Петровича, но и сотен тех, с кем он общался, дружил, о ком переживал, кому спешил подставить плечо.

«Душа хотела б быть звездой» – поставил он строчку из Тютчева эпитафией к своей «попытке исповеди» «Из тихого света». Душа Астафьева, звезда Астафьева будет вечно светить настоящим и будущим его читателям. И он вечно будет наш, как вечны будут и эти, полные добра, любви и сострадания, его эпистолярные строки.

Много, очень много больных и важных вопросов оставил нам Виктор Петрович. Он и сам всю жизнь ими терзался, так и не найдя ответа на многие. Вот и тебе, читатель, листая сегодня этот своеобразный эпистолярный дневник, мучиться неравнодушной душой и искать ответы на эти непростые вопросы. Мучиться самому и ответы искать в самом себе, потому как адресат его писем теперь навсегда – все мы.

Это будет нелёгкое чтение и проверка для нас, сегодняшних. Кто мы? Где мы сейчас? Что осталось от прошедшего времени? Что в нас сбылось, а что, увы, кануло в Лету? И справедливо ли кануло? И может, нам всё же ухватиться за его правду, горько, а где и озорно сказанную нам? Ведь правда его вопрошает и мучает нас. И значит, она жива.

Геннадий Сапронов

Эпистолярный дневник 1952—2001

*Всё течёт, всё изменяется – свидетельствует седая мудрость.
Так было. Так есть. Так будет.
...Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?
Нет мне ответа.
Виктор Астафьев. «Царь-рыба»*

1952

9 декабря 1952 г.
Чусовой
(В. А. Черненко)

Многоуважаемый Владимир Александрович!

После разговора с Вами пришёл с работы и ознакомился с отредактированным рассказом¹. Вы совершенно правильно сделали, что заменили у него название. Я, откровенно говоря, даже не задумывался над заголовком, а теперь понял, что стоило подумать как следует. С Вашей правкой согласен полностью, кое-что я уже и своим «нюхом» учуял, переделал, но многое пригодится. А вообще даже отредактированный вариант бледен по сравнению с тем, который имеется сейчас у меня. Ну ничего, утешает, что в сборнике будет рассказ лучше.²

Прошу Вас, Владимир Александрович, исправить всюду слово «байя» на «бойе». Я, как видите, написал его по слуху и неверно. Слышится «а», но пишется «о». Мне думается, лучше заменить слово «аргиш» простым словом «переход». Колорит достигается не употреблением северных слов, а речевой интонацией. Я это понял позднее, и теперь у меня северяне говорят по-северному, а не как закоренелые русаки. Кажется мне, что последняя фраза в рассказе лучше будет звучать так: «Это ладно. Надо такие подписи у сердца хранить» (слова Айгичема). Можно и слово «сокуй» пустить без пояснений, а написать так: «Тимкоуль через голову натянул меховую доху-сокуй...», и, по-моему, будет понятно. Вот, в основном, у меня и все замечания по тому тексту, который Вы прислали.

Насчёт «Гражданского человека» я подумал, и, пожалуй, Вы правы. Именно таким рассказом следует открывать сборник. Он будет преддверием от человека, тоскующего на войне по мирному труду, к людям, занимающимся мирным трудом, защищающим мир. Но вот беда, у меня дома нет никакого текста этого рассказа. Восстановить же по памяти я его не смогу, так как он написан давно. Если у Вас имеется какой-нибудь текст «Гражданского человека», вышлите мне, пожалуйста.

Работа над сборником продвигается успешно. Сейчас потею над последним рассказом «В одном ряду». Хочу написать короткий-короткий рассказ, но пока не получается, мучает многословие. Трудно судить о своих произведениях, но, кажется, один рассказ я сделал ничего, во всяком случае, меня трогает. Это рассказ «В новую семью». Может быть, он получился лучше других потому, что тема близка сердцу и выдумки в нём нет.

¹ речь идёт о рассказе «Тимкоуль». – Сост.

² речь идёт о первом сборнике рассказов В. П. Астафьева «До будущей весны», который выйдет в Молотовском книжном издательстве в 1953 г. – Сост.

Ну, я, кажется, расписался. Закругляюсь. Привет всем Вашим коллегам и пожелание успехов в труде. С приветом, В. Астафьев

1953

6 июня 1953 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Дорогой Володя!

Ждали мы от вас обещанное, рассердились и... родили сами разворот³. Правда, шапка у разворота не совсем скромная, но спорить с начальством – дело тяжёлое, и я вынужден был отступить. Надо было писать «начинающих авторов», а не писателей.

Между прочим, открыли мы нового автора – Белугина. Люди читали его повесть и называли талантливым. Вчера и я прочитал её и тоже присоединяюсь к этому мнению. Парень одарённый. Работает он крановщиком в мартеновском цехе, бывший моряк. Сейчас у нас начал работать литкружок, и мы эту повесть Белугина будем обсуждать. После чего, очевидно, он её доработает и мы её отправим в Союз⁴. Ещё этот автор работает над повестью из жизни завода, так что он заслуживает внимания и писательской организации, и издательства. Поговори о нём с Людмилой Сергеевной⁵ и с Клавдией Васильевной⁶, покажи наш разворот и напиши, когда нужно будет выслать повесть Белугина, чтобы её обсудили в издательстве. Она небольшая, всего 73 страницы.

Да, неплохо было бы, если бы в отношении работы кружка нам дали кое-какие указания (пока он работает при редакции, без руководителя и всяких инструкций, но, надо сказать, более активно, чем раньше).

Ну, будь здоров, спешу тут на одно собрание. Пиши.

Крепко жму руку. В. Астафьев

1953 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Здравствуй, дорогой Володя!

Сейчас только моя жена прислала мне на работу твоё письмо и рассказ. Пишу коротенький ответ. «Королёва»⁷ я отослал с Поповым, он позавчера был в издательстве (только не мог увидеться с тобой), а Рождественская в тот день болела, но стихи он передал и мою писанину Вагнеру тоже. Насчёт твоих вопросов. Я лично склонен к тому, чтобы ты включил «Кандидатскую карточку»⁸ и «Кузнецовку», но смотри сам. Насчёт «Магарыча» я полностью «за». А вот насчёт «Земляники» стоит подумать. Не лучше ли будет рассказ с уральской темой «До будущей весны»? Но я полагаюсь на твоё чутьё и буду согласен с тем, что покажется тебе лучшим. Я, право, сейчас, кроме «Магарыча», не знаю, как оценить свои рассказы.

³ речь идёт о литературной странице в газете «Чусовской рабочий». – Сост.

⁴ имеется в виду Пермское отделение СП СССР. – Сост.

⁵ Римской. – Сост.

⁶ Рождественской. – Сост.

⁷ имеется в виду рассказ «Тот самый Королёв». – Сост.

⁸ здесь и далее в письме названия рассказов. – Сост.

Вообще, конечно, пока страшно вато печататься в другой области. Словом, и страшно вато, и заманчиво. Но всё, что ни совершается, к лучшему, если даже один рассказ напечатают, и то хорошо.

Я после твоего отъезда в тот же день съездил в командировку в Пашню⁹, собрал интересный материал для очерка, но пока за него не принимался, запутался в домашних делах.

Да! Набросал один детский рассказ в период командировки. Думаю все рассказы писать от лица мальчишки, чтобы не подделываться под ребячий тон.

Ну, Володя, будь здоров. Виктор

1953 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Добрый день, дорогой Володя!

Получил твоё письмо и рукопись. Ждал письма с нетерпением и волнением, всё ещё был в великих сомнениях насчёт сборника¹⁰. Жалковато, как и любому смертному, своё произведение, выкинутое из сборника. Ну да, может быть, это и к лучшему, авось сделаю из него что-то порядочное. В общем, когда ты поедешь к нам, захвати, пожалуйста, исправленный экземпляр этого мученого рассказа. Посмотрел «Землянику»¹¹. Рассказ стал лучше. Но как бы и меня не стали звать захребетником, вроде ставропольских писателей, за которых дописывают редакторы. Если такой правке подверглась только «Земляника», то я считаю, что это ещё не беда, но если все рассказы, признаюсь, мне будет совестно называть книжку своей. «Дерево без корней» – это хорошо и даже здорово. Только скудоумие моё помешало мне найти эту строчку в рассказе для названия.

Интересно мне узнать, Володя, когда приблизительно наберут мою книжку? А ещё интереснее узнать, когда вышлют аванс, ибо в деньгах имею большую нужду. Если сумеешь ускорить это дело, буду очень благодарен тебе. Ну, это между нами, издержать деньги всегда, конечно, успею. Машинку пишущую хочу купить, и поэтому хотел бы поскорее получить гроши. В общем, пока рад и тому, что книжка прошла все стадии перед набором. Гора с плеч.

Ходил один раз на рыбалку, клюёт хорошо, давай приезжай скорее. В огороде редиска и лук поспели. Ы-ых, хороша закуска!

Ну, будь здоров. Держи меня в курсе дел (с книжкой), передай большой привет Надежде Николаевне¹², Владимиру Васильевичу¹³, Лёвке¹⁴ и всем, всем. Крепко жму руку. Виктор

Р. S. Обязательно позвони, когда поедете, чтобы встретить вас, а то ещё нападут чусовские бандиты.

16 ноября 1953 г.

Чусовой (В. А. Черненко)

Здравствуй, дорогой Володя!

⁹ рабочий посёлок в Пермской области. – Сост.

¹⁰ имеется в виду сборник рассказов «До будущей весны». – Сост.

¹¹ здесь и далее в письме названия рассказов. – Сост.

¹² Арбеновой. – Сост.

¹³ Воловинскому. – Сост.

¹⁴ Давыдычеву. – Сост.

Всё собирался тебе черкнуть, да тут мы сколотили литературную страницу¹⁵, хотели попутно выслать и её. Однако материалы с пресс-конференции вытеснили нашу страницу, и её отложили до следующего выходного, поэтому пишу, не дожидаясь номера.

Ну, первое, что меня интересует, ты уже, наверное, догадываешься, книга, конечно¹⁶. Сегодня шешнадцатое, а моя «будущая весна» всё ещё не зацвела. Не бачу я её, что с ней, горемышной? Идёт она или нового года дожидаться? Успокой душу любителя вёсен, напиши, долго ли ещё будет осень? Это одно. Теперь немножко о себе. Штуку ту, о которой тебе говорил, вчера закончил и, как только Марья¹⁷ напечатает, вышлю тебе читать. Рассказ «Личность несознательная» положил «перевоспитываться» в ящик, мне его не переделать в том духе, в каком требуют звездинцы.¹⁸

Как ты живёшь, друже? Чего нового на ваших творческих и издательских горизонтах?
Ну, будь здоров. Жму руку. Виктор

P. S. Да, не написал ли тебе Боголюбов конкретно, чьи рассказы приняты в сборник? А то Реутов меня спрашивает, как дела с его рассказом?

22 ноября 1953 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Здравствуй, Володя!

Как видишь, я разродился! Вещь написана, но не отшлифована, поэтому на частности не обращай большого внимания.¹⁹

Попрошу вот о чём: свежим взглядом заметь, где имеются смещения во времени. Как тебе известно, это мой грех. Теперь, не лишка ли природных описаний и сравнений в тексте, понятны ли будут ребятам написанные сравнения, нет ли в тексте таких мест, которые тормозят движение? Надо ли подбавлять в вещь больше трудностей и приключений? Я лично за то, чтобы меньше было выдумки. Мне кажется, для мальчишки и этих испытаний достаточно. Самое главное, Володя, помоги мне разобраться вот с чем: повесть это или рассказ?

Сейчас тот период, когда эта штука должна отлежаться. Видимо, с месяц я в неё заглядывать не буду, поэтому особенно не торопись, а когда будет время, тогда и прочтёшь. Если сумеешь подсунуть прочесть её собратьям – тоже будет хорошо. Чем больше советов и замечаний я получу в процессе работы, тем меньше будет возни с вещью потом.

Да, насчёт языка. Как видишь, я не особенно подделывался под детский язык в авторском тексте. Старался писать просто, но почти так же, как и для взрослых. На этой почве, видимо, у меня будут потом схватки с издательством, однако я буду отстаивать именно такой, не сюсюкающий характер писания, а строгий и немного грубоватый. Как ты на это дело смотришь?

И ещё вот что: как Васютка? Получился ли пацан? Может быть, надо ещё оттенить какую-нибудь его сторону? В общем, безо всякой пощады критикуй – пойдёт на пользу. Можешь прямо в тексте на полях делать пометки. Всё равно ещё перепечатывать придётся не раз.

¹⁵ литературная страница выходила в воскресном номере газеты «Чусовской рабочий». – Сост.

¹⁶ речь идёт о книге «До будущей весны». – Сост.

¹⁷ Мария Семёновна Корякина-Астафьева, жена писателя. – Сост.

¹⁸ редакция областной газеты «Звезда». – Сост.

¹⁹ речь идёт о рукописи книги «Васюткино озеро». – Сост.

Получил наконец-то свою «Весну»²⁰. Спасибо тебе! Книжонка получилась аккуратная и выглядит неплохо. Уже поздравляют и критикуют меня людишки. Редакционные коллеги скептически поздравили, а большинство знакомых искренне трясут руку.

Не надумаете ли в Конституцию приехать к нам? Было бы хорошо. Если да, то черкни заранее.

Ну, Володя, будь здоров!

Жму руку. Виктор Астафьев

²⁰ имеется в виду книга «До будущей весны». – Сост.

1954

Май 1954 г.

Чусовой

(В. А. Черненко и В. Г. Александрову)

Дорогие Володя и Володя!

Если вы желаете посмотреть на настоящий Урал и отдохнуть по-настоящему, вам колебаться не надо. Берите отпуска и айдате ко мне. Какая перспектива вас ожидает? Жизнь на лоне природы – раз! Трезвость (ибо там, куда мы поедем, близко магазина нет) – два! Временное избавление (а я считаю для отдыха настоящего джентльмена это очень важным фактором) от спутницы жизни – три!!! Ну, я думаю, этого уже достаточно, чтобы соблазнить вас, если вы, конечно, поэты и вам осточертел город.

Вильва²¹ снова мутная, но это не должно смущать вас, как не смущает и меня. Мы можем подняться на лодке выше на шесть километров того старика-метеоролога, о котором я говорил, и там устроить жильё, допустим, шалаш, или займём пустую хату. Там Вильва уже светлая. Можем подняться и вверх по Усьве²², например, в посёлок Бревно, в коем живёт 109-летний старик. Словом, поживём, как настоящие «робинзоны», наберёмся вдохновения, а место, где нарыбалить, мы всегда найдём. Насчёт лодки я уже договорился, насчёт отпуска тоже – с 1 июня. Дело за вами. Но, право, если вы надумаете, вам позавидуют не только живые молотовские писатели, но и мёртвые. Не знаю только, дадут ли вам разом отпуск. Ну, настаивайте. Смелость города берёт, а вы ребята бравые и уж маму-то Римскую²³, думаю, одолеете. Давайте, действуйте.

Так что дело за вами. Пишите, когда, как, что? Чтобы я был начеку.

С приветом, В. Астафьев

13 июля 1954 г.

(В редакцию журнала «Новый мир»)

Уважаемая редакция!

Я – начинающий автор. Писать начал три года назад. Ещё в первый год я написал рассказ о мальчике-сироте, который обрёл новую семью в детдоме. Рассказ так первоначально и назывался «В новую семью». После него я написал уже порядочно рассказов, некоторые из них напечатаны. Но, видимо, у каждого начинающего есть такие вещи, которые нуждаются в том, чтобы их переделывали и переделывали. Рассказ этот я много раз переделывал, но отправить куда-либо не решался. Читал людям – нравится, но меня в нём что-то смущает.

Недавно я взялся за него ещё раз и сделал не от первого лица, как он был написан, а от третьего. Но разобраться в нём, увидеть его со стороны мне до сих пор трудно. Дело в том, что рассказ этот почти автобиографического характера. Когда я его читаю, к написанному примешиваются мои чувства, воспоминания, я волнуюсь. А волнует ли этот рассказ читателя, сказать не могу.

Мне очень хочется разобраться в этом рассказе и получить квалифицированную помощь, поэтому я впервые решил отправить свою рукопись в толстый журнал. Может

²¹ река в Пермской области. – Сост.

²² река в Пермской области. – Сост.

²³ Л. С. Римская. – Сост.

быть, кто-нибудь из писателей не откажется прочесть этот рассказ и указать на его недостатки. Я не обижусь ни на какую критику, буду за неё только благодарен.

В. Астафьев, г. Чусовой Молотовской области, ул. Партизанская, 76.

1954 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Здравствуй, дорогой Володя!

Посылаю ещё одну литстраницу, как видишь, трудимся! Решили делать почаще странички, да, к сожалению, из нашего полку убыло. Уехал в Свердловск хороший писака Алексей Степанович Новосельский. Так что письмо твоё его не застало, а он рад бы был, но ничего, он обещал писать мне, поэтому я не теряю надежды переслать ему письмо. И Никольскому передам обязательно, парень тоже будет рад.

А письмо, которое пришло на моё имя от Назаровского (ты, вероятно, знаешь, о чём в нём речь), озадачило меня²⁴. Я же в сельском хозяйстве ни бельмеса, редьку от брюквы с трудом отличаю, поэтому откажусь от участия в сборнике, тем более что сейчас и в колхозы мне ехать негодь. Пепеляев у нас уехал на год учиться в г. Молотов²⁵, вместо него Толстиков. Так что в редакции не хватает двух человек (нет ещё человека на сельхозотделе) и работы, конечно, по горло. Возможно, я найду кого-нибудь, кто согласится написать этот очерк.

Ну, как ты поживаешь? Что нового? Пиши.

Жму руку. Виктор

1954 г.

Чусовой

(В. А. Черненко, В. Г. Александрову)

Здравствуйте, орлы-курортники!

Шлю вам виды. Комментарии к ним, как говорится, излишни. Поэтому сразу перехожу к делу. Как моя книга?²⁶ Брать мне с собой ружьё, когда поеду в Молотов, или миром обойдёмся? Смотрите, ребята! Я тут за отпуск щук множество съел, так что со мной шутки плохи. Ясно?

Чем вы порадовали за отпуск себя и Родину? Я думаю, о себе-то не забыли, слышал, что «караул» насчёт денег кричали, а как насчёт творчества?

Я отпуск провёл дома. На рыбалке был только пять дней и настолько удачно, что вдругорядь не потянуло. Далеко и тяжело. Работал, конечно, марал бумагу. Намарал много, оттого и здоровьишко нисколько не улучшилось, всё ещё шумит в голове. Это меня начинает беспокоить не на шутку. Ну, да ничего, бог не выдаст, свинья не съест. Кормиться надо.

Из журнала «Смена»²⁷ мне настойчиво протежируют литературный институт, но для этого надо сдать экзамены за 10 класс, а у меня сейчас, пожалуй, силёнок не хватит. Я совсем ослаб в математических науках, надо начинать почти с третьего класса.

Ну вот, хотел трохи черкнуть и расписался.

²⁴ В. Астафьев получил предложение принять участие в работе над сборником «Корни уходят в землю. Очерки колхозной жизни». Книга выйдет в 1955 г., в ней будет напечатан очерк В. Астафьева «Идёт весна». – Сост.

²⁵ в 1940—1957 гг. название Перми. – Сост.

²⁶ Вероятно, речь идёт о книге «Огоньки», которую планировало издать Молотовское книжное издательство. – Сост.

²⁷ в 1954 г. в нём был опубликован рассказ В. Астафьева «Заноза». – Сост.

Только что вернулся из командировки. Ездил по лесам и долам, видел много интересного.

Да, братцы! Вы, конечно, сейчас народ издержавшийся до невозможности, но тем не менее раскошеливайтесь, если не трудно, пришлите мне альманах № 18²⁸, который, по слухам, вот-вот должен выйти.

Жму крепко ваши лапы. Виктор

1954 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Привет, Володя!

Тебе, наверное, неизвестно, что я страшный лентяй писать письма, ну так вот, в силу этой лени я даже не ответил на твоё письмо. Теперь вот потянуло потолковать с тобой в час послетрудовой, я и взялся гвоздить.

Только что прочёл рецензию в «Звезде»²⁹, где меня абзацем отметили, и выражаю страшное недовольство тем, что обошли, в общем-то, неплохой очерк. Забывчивость некрасивая, ведь человек печатается впервые, ждёт, поди, критики, ночей не спит, а тут на тебе, ни слова.

Насчёт критики на Ваньку Реутова³⁰ судить не берусь. Но наш «злопыхатель» Толстиков ковырнул этот роман с точки зрения исторической, и оказалась там такая ересь, что надо дальше, да некуда. Он написал спокойную и убийственную рецензию с доказательствами, ссылками на первоисточники. Очевидно, на днях она будет напечатана в нашей газете, и я тебе её пришлю. Она могла бы, разумеется, и не появиться, если бы автор романа не мнил о себе чёрт знает что и не нуждался в том, чтобы его спустили на землю. Реагировал он на критику по-реутовски: каждому встречному и поперечному объяснял, что ляпусы эти и ошибки наделали издательство и редактор, а он-де давал рукопись, куда с добром. Словом, готовит он на нашу редакцию жалобу от горкома и вплоть до ЦК.

Сегодня 11-е число, а денег до сих пор из издательства я не получил. Тоскливо. Между прочим, журнал «Смена» по этой части аккуратностью не блещет, тоже не прислал мне гонорар, и я сумлеваюсь, уж не забыли ли!

А как ты существуешь? Всё редактируешь? Брось ты это занятие к чертям и приезжай ко мне, глядишь, хоть чего-нибудь здесь напишешь, там, как я погляжу, тебе не дадут взяться за перо. На самом деле ты ведь не для того же ушёл из издательства, чтобы батрачить снова. Здесь, на отшибе, не больно до тебя докричаться, и ты сотворишь чего-нибудь. А то я, откровенно говоря, боюсь, как бы ты не отвык работать над своими вещами и не превратился в вечного редактора. Черкать же таких, как Кривооченко – Астафьев или Недоуменко – Реутов, не совсем приятно. Они наворочают, а ты зализывай, не твоё это призвание.

Так, это всё беллетристика. Теперь о деле. Филоню я страшно и за последнее время почти ничего не написал, думаю с сегодняшнего дня взяться, так как погода настала самая писучая. О деньгах ты не беспокойся, потому что всё равно мне, очевидно, скоро пришлют из издательства 60 процентов, и тогда разбогатею. Но о книжке, я думаю, беспокоиться надо³¹. Напиши мне всё-таки, когда мы сумеем взяться за неё, чтобы я подготовился к этому времени, прикончил свои дела.

²⁸ речь идёт об альманахе «Прикамье» (1940—1960) Пермского отделения СП СССР. – Сост.

²⁹ областная газета. – Сост.

³⁰ речь идёт о романе И. Реутова «На уральской реке», напечатанном в альманахе «Прикамье», 1954, № 18. – Сост.

³¹ имеется в виду книга «Огоньки». – Сост.

Будь здоров. Жму руку. Виктор

Декабрь 1954 г.

Чусовой

(Семье В. А. Черненко)

Здравствуйте, Черненко!

Поздравляем вас с наступающим Новым годом, от души желаем того, чего хочется, а также здоровья, дружбы, а Володе больших творческих успехов. Навидавшись в Москве всяких разностей и наслушавшись литературных богов и божков, он, наверное, здорово вдохновился и нагвоздит теперь большой том, как дом, да ещё крепче «Кольчуги».³²

Слушай, Володя! Говорил тебе В. Александров или нет относительно нашего литкружка? Если нет, то я вот что хочу сообщить. Мы решили возобновить работу кружка, ибо молодая поросль осаждает и требует к себе внимания. На сей раз мы решили поставить наш кружок на твёрдую ногу. Наметили избрать старейшиной А. М. Толстикова. Первое организационное занятие думаем провести 7 января. Вернее, не думаем, а уже дали объявление в газете. Я очень бы просил тебя переговорить с Клавдией Васильевной Рождественской относительно присылки на это первое занятие кого-нибудь из отделения Союза писателей. Было бы очень хорошо, если бы приехали ты или она как участники съезда³³. Помогли бы нам практически. Кроме того, неплохо будет, если приедет кто-нибудь из издательства, посмотреть здесь на месте кое-что, познакомиться с авторами. А авторов этих, паря, всё прибавляется и прибавляется, скоро дойдёт, наверное, до того, что, куда ни плюнь, в писателя попадёшь.

Я думаю, Володя, что приехать сюда к нам в интересах не только наших, но и писательской организации. Кроме того, нам надо с тобой решить в отношении книжки³⁴. Я, например, совсем охладел к ней, и как теперь быть, не знаю.

Ну, ещё раз поздравляю с праздником и крепко жму руки. Виктор

³² имеется в виду роман В. Черненко «Кольчуга». – Сост.

³³ речь идёт о II съезде Союза писателей СССР, участниками которого были К. В. Рождественская и В. А. Черненко. – Сост.

³⁴ вероятно, речь идёт о сборнике рассказов В. Астафьева «Огоньки». – Сост.

1955

1955 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Привет, Володя!

Письмо твоё получил и рад тому, что ты – хоть и беден, но бодр. Я тоже бодрюсь и тружусь, а иначе нельзя, потому как роман³⁵ надо дописывать, дабы и впредь лапу не сосать.

Ну, говорить тебе о том, что живётся после отпуска туго, я думаю, не надо. До того сделалось туго, что позавчера звонил в издательство, говорил с какой-то женщиной. Она сперва напугала, а затем пообещала... мол, скоро гроши вышлют. Цену таким обещаниям я приблизительно знаю, но всё же надеюсь, что издатели не обойдут своей милостью страждущего человека, у которого, по заверениям «Звезды», «богатая кладовая», да он якобы ею пользоваться не умеет³⁶. Я теперь держу ружьё заряженным. Так как уверен, что чусовское жульё, вычитав насчёт моей кладовой, обязательно ночью полезет, а в кладовой-то Секлетинья³⁷ спит, ещё пострадает девка из-за неосмотрительно оброненного рецензентом слова.

Как ты живёшь? Погодка-то вай-вай, только в «Каме»³⁸ и сидеть. Думаю, что в конце августа я привезу в издательство книгу на обчитку, и, пока её там листают, можно будет податься на Яшу³⁹. Шибко охота! Тут я несколько раз бывал в лесу по ягоды, грибы и раз на рыбалку. Поймал четырёх щурят – одного приличного. Читал в «Литературке», как разгвоздили Фрадкина?⁴⁰ Чёрт его знает. Наша организация такая, которая заслуживает больше внимания, чем тульская и им подобные. Ты бы хоть натравил Молчанова написать статью перед совещанием молодых.⁴¹

Ну, будь здоров, лист кончается. Жму руку. Виктор

³⁵ В 1955—1957 гг. В. П. Астафьев работал над романом «Тают снега». – Сост.

³⁶ имеется в виду статья А. Романова «Рассказы для детей», опубликованная в областной газете «Звезда» 17 июля 1955 г. – Сост.

³⁷ няня детей В. П. Астафьева. – Сост.

³⁸ ресторан «Кама». – Сост.

³⁹ река в Пермской области. – Сост.

⁴⁰ Речь идёт о книге пермского прозаика В. Фрадкина «Дорога к звёздам», рецензия на которую была опубликована в «Литературной газете». – Сост.

⁴¹ Всесоюзное совещание молодых писателей. – Сост.

1956

26 апреля 1956 г.

Чусовой

(И. Степанову)

Здравствуй, Иван, а также твои ребята – Олег и Серёжа и супруга Анна Дмитриевна. С приветом к вам Виктор с семейством.

Получил твоё письмо, Иван. Спасибо за память. Рад, что ты устроился и все твои мучения, я не имею в виду творческие, позади. За фотографии особенное спасибо. Это большая память о Родине моей, о которой я никогда не переставал и не перестаю тосковать. Но что сделаешь. Есть несовременная, однако добрая пословица – «Не живи, как хочешь, а живи, как бог велит!». Пока приходится мириться с дымным и не очень приветливым дедушкой-Уралом.

По возвращении из Красноярска я принялся основательно за свой роман и к ноябрю закончил первый вариант. В конце ноября его толково обсудили в отделении Союза писателей и дали мне крепкую зарядку на доработку вещи. Увы, я так безжалостно расходовал здоровье в былые времена, что на систематическую работу меня уже не хватает. С ноября и до середины февраля я лечился электричеством, уколами, микстурами и прочей дрянью. Добился очень немногого. Немножко меньше сделались головные боли и звон в ушах. Поэтому если не критики-перестраховщики, а коллеги-контрики растащат по листику мою книгу, то я, наверное, размозжу свою голову, наполненную гипертоническим звоном, о первый же телеграфный столб.

Так, ну что ещё тебе рассказать о своих литделах? Наклёвывается переиздание детских рассказов в Москве. Со дня на день жду вызов. Там к моим рассказам отнеслись более благосклонно. Вот, может быть, твои замечания удастся учесть при доработке рассказов. Здесь местная критика излишне захваливает мои вещи. Хорошо, что у меня крепкий рассудок, а то бы охмелел, пожалуй. Недавно журнал «Смена» напечатал два моих очерка и обещает ещё один напечатать (смотри № 5). Да, рассказ «Васюткино озеро» Молотовское издательство издаёт отдельной книжкой. Вообще-то рассказами я сейчас занимаюсь мало. Лежит их целая папка, все требуют доработки, а сил и времени нет. Очень я жалею, что много труда и сил убил на вещи легковесные, отдавая дань тому духовному течению в литературе, в котором захлебнулся не один начинающий автор.

А вообще чаще и чаще нападает на меня какой-то творческий столбняк. Вот, к примеру, прошло два дня, а я ни строчки не сделал, поэтому и взялся за письма. Раздумья, раздумья, раздумья. И всё больше горькие. То ли здоровье шалит, то ли мудрее становлюсь, сам не знаю. И поговорить не с кем, и душу излить некому. Чужая сторона ушей не имеет.

Вот под настроение видишь, как расписался. Пора и честь знать. Пиши мне. Может быть, не всегда своевременно, но всё равно с удовольствием отвечу.

Крепко жму руку и желаю всех благ земных.

На этом письмо заканчиваю. Время позднее, и мысли расплываются, как дождевики на стене. Устал я за день крепко и потому закругляюсь. Погода у нас отвратительная. Всё время дожди и снег. Грязь, слякоть непролазная, а летом, наверное, всё стгорит от жары. Что-то в природе, как и в народе, запуталось, утратило закономерность. Ну, кланяйся родной земле в день весенний. Целуй своих ребятешек и половину.

Пиши, что нового в Красноярске вообще и в литературном мире в частности. Извини за почерк. По сравнению с твоим – его вообще нельзя назвать почерком. Но, надеюсь, как-

нибудь разберёшь, хотя и знаю, что это трудное дело. Кстати, я теперь совсем собрат с тобой – выписал очки. Зрение село здорово.

Ну, будь здоров. Обнимаю тебя, твой земляк Виктор

1956 г.

(И. Степанову)

Здравствуй, Иван!

Получил твоё восторженное письмо, благодарю за него. Ты, конечно, перехвалил мои очерки. По-видимому, твоя натура подобна моей – она состоит из сплошных крайностей и способна или восторгаться беспредельно, или подвергать беспрекословному уничтожению то, что не поглянулось. Человек без середины – это характерная черта нашего поколения. Причины этого кроются очень глубоко, в неправильном воспитании. Недаром же мы только сейчас начинаем прозревать и смотреть на свет белый удивлёнными глазами. А вот Писарев, батенька мой, к 28 годам уже был величайшим мыслителем, ярчайшей кометой на тёмном небосводе. Н-да, поуродовали нас в детстве, крепко поуродовали сверхидейные воспитатели, а это стоило многих ошибок в жизни, в людях оставило немало рубцов на наивных сердцах, которые всё принимали за чистую монету. Надеюсь, ты понимаешь меня?

Но я несколько отвлёкся.

Подходит мой праздник, 1 мая. Я называю его моим потому, что он трижды мой. Во-первых, весна, во-вторых, на 1 мая мой день рождения, мне исполнится 32 года, в-третьих, просто праздник, с которым я вас от всего сердца поздравляю и желаю детишкам, тебе, жене всех благ земных и радости весенней. Иван, если ты хочешь мне сделать приятное в день рождения, пришли, пожалуйста, в конверте подснежник. Ну, тот самый, с кремовыми мягкими лепестками в форме чашечки. У нас здесь такие не растут, а только беленькие, мелкие, как пуговицы. Вообще нет ничего краше сибирских цветов и края сибирского!

За фотографии спасибо. К сожалению, я сейчас не могу тебе выслать своих. Готовых нет, а сам я фотографировать не умею. Руки деревянные. Как-то были с другом на рыбалке, и я поймал спиннингом здоровенную щуку на семь килограммов. Ну, естественно, друг приказал мне стать в позу и запечатлел меня на фоне уральских гор с чудовищем в руках. А потом навёл аппарат, взял мою щуку и говорит: «Ты только чикни, там всё сделано». Ну я и чикнул, так что он даже в объектив не попал. Он проявил плёнку, кроет меня на чём свет. А я ему говорю: «Бог-от кривду видит. Ты чьей щукой хотел фасонить? Моей!» Он на меня в драку. Весело было. Словом, сколько мне ни доверяли аппарат, ничего путного не получалось...

Окончание письма утрачено

Май 1956 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Здравствуй, Володя!

Сегодня приехал из Лысьвы⁴² и сыскал в ящике извещение на перевод, аж на полтора рубля. Понял, что от вас, очень кстати эти карбованцы. Спасибо. Сие событие послужило поводом к написанию сего письма.

Живу я неходко. Дела продвигаются плохо. Что-то очень нерабочее настроение. Или наступила «пора серенад», как это отметил в своё время небезызвестный Андрияша Ромашов,

⁴² город в Пермской области. – Сост.

или надвигается рыбачий сезон, только не пишется – и баста! Подготовил, правда, «Васюткино озеро» для отправки, по вашему совету, в Москву, и всё.

Володя, был тут без меня Балахонов и довёл до сведения моей Марьи такие новости: в издательстве денег нет, и будут лишь 10 июля. Я вот что тебя прошу: пусть Володя Александров узнает, сколько мне придётся получить всего и за очерки, и из сборника сатиры, и сообщит, когда это можно сделать, т. е. получить гроши, или сообщи ты. Мы бы с Марьей тогда приехали в Молотов получить гроши, а то, пожалуй, ни грошей, ни времени не останется.

Между прочим, если не смотрел картину «Папа, мама, служанка и я» – обязательно посмотри. Картина эта из числа грустных комедий на бытовую тему, которые умеют мастерски делать французы и, увы, совсем разучились делать наши. Правда, тут некоторым она не нравится, потому что, как и всякая французская картина, она немножко скоромная, да мы ведь великих постов тоже не признаём, хотя подчас и стараемся делать вид, что причастны к лику святых.

Ну, будь здоров. Знаю, что будешь плевать, разбирая каракули, да что сделаешь. Жму руку. Виктор

Октябрь 1956 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Дорогой Володя!

Я так и не собрался поехать в Молотов. Главная причина сам знаешь какая. Время у неработающего писателя есть всегда, а вот деньги – редкие гости. А тут Маня придумала болеть каждый месяц, и без «кормилицы» туго совсем. Я, собственно, сегодня и писать-то начал от отчаянья, чтобы спросить у тебя, не знаешь ли ты кого-нибудь из наших сознательных писателей, кто мог мне дать тыщонку взаймы месяца на два-три? Может быть, у Бориса Ширшова или у Саши Макарова есть? Пришла пора подписываться на газеты и журналы, за ребяташек платить – и хоть реви. Из-за проклятых денег работа идёт туго. Не сделал ещё и половины книги. Всё думаешь, чего завтра жрать? Чтоб она пропала, эта наша доля!

Ну ладно. Теперь изложу вторую, более светло-радостную причину, которая побудила меня написать письмо. Ходил я недавно на охоту. В верховьях одной из речек мы обнаружили лося, пойманного в петлю. Ну я, разумеется, заявил об этом в милицию. Дали мне милиционера, председателя охотобщества и ещё человека, и мы пошли, но лося нашли уже убитого. Браконьер половину его, в том числе рога, сумел стаскать и спрятать, другую же половину мы нашли и забрали. И вот, если у тебя есть желание попробовать лосятины от пуза, забирай поллитра (в нашем городе сухо) и двигай ко мне, хотя бы на день. Можешь прихватить с собой Ширшова, и, если погода будет ничего, сходим в лес с ночёвкой. Там есть избушка хорошая.

Вот так. Новостей у меня больше нет. Из «Смены» пока ничего насчёт очерков не сообщили. Московский редактор пока тоже помалкивает насчёт сборника⁴³. Тишь да гладь, и роман⁴⁴ дорабатывается со скрипом. Надоел он мне и разонравился, а это основная беда, тормозящая работу. Ну и хрен с ней. Картошка есть, мясо есть, разве это не житуха.

Приезжай, старина. Жму лапу. Виктор

P. S. Да, если у вас в Молотове будет идти картина «Седьмое небо», то обязательно посмотри, иначе много в жизни потеряешь. Таких картин на свете очень и очень мало. Я вот вчера вечером посмотрел, и она мне сегодня всю ночь грезилась. Изумительная вещь!

⁴³ вероятно, речь идёт о сборнике рассказов В. Астафьева «Тёплый дождь». – Сост.

⁴⁴ «Тают снега». – Сост.

1956 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Дорогой Володя!

Ждал я, ждал, когда у меня появится настроение дорабатывать «Чижики», и не дождался. Своим наплевательским отношением к рукописи вы, очевидно, надолго убили во мне охоту дорабатывать этот рассказ. Думаю, для того чтобы согласиться со мной, тебе надо представить себя на месте того автора, которому пришлют его рукопись в таком виде.⁴⁵

Говорю всё это, может быть, и грубо, но, как всегда, прямо. Желая, чтобы начало этого письма ты зачитал членам своей редколлегии. Вообще-то мне нужно было встать в оскорблённую позу, но я надеюсь, что случай с моей рукописью был единственный и последний. Губить в авторах их добрые побуждения неряшествами нельзя, за каждой рукописью стоит труд человека, и не всегда праздный труд. Ты это понимаешь лучше меня и, думаю, не возьмёшься опровергать мои доводы или, тем более, обижаться на них.

В наказание же за ваши грехи я посылаю вам новый многотрудный рассказ «Мечь» и фельетон для раздела сатиры. Первых экземпляров нет дома, где-то братцы читают, а потому шлю вторые. Я сейчас, несмотря на болезнь, много и упорно тружусь над романом. Чего у вас нового?

Жму руку. Виктор

Ноябрь 1956 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Добрый день, Володя!

Как ты там, живой? У тебя ли ещё пребывают гости? А я, брат, после всех тревожных при обсуждении⁴⁶ захворал, с головой сделалось хуже, и до сих пор ничего не делаю. Работать хочется здорово, а не могу. Читать тоже нельзя, но как удержаться – читаю, отчего голове лучше не становится. Надо бы использовать это зря пропадающее время на поездку в колхоз, а мне почему-то не шлют из Союза⁴⁷ обещанных командировочных вот уже скоро месяц. Я не выдержал и написал письмо Рождественской с просьбой объяснить, что сие значит, но и она отмалчивается. Ты не в курсе дел, а? Если да, то черкни, отчего такая задержка. Без поездки же в колхоз мне за рукопись приниматься невозможно, и, если с командировкой там ничего не получилось, пусть они душу не томят, я буду тогда сам что-нибудь изобретать.

Мне тут, правда, присылали кус из Свердловска за очерк сорок процентов и шестьдесят процентов за рассказ, который они взяли в детский сборник (очевидно, «Тольку»), но, будучи невыдержанным от природы, я эти деньги растрёс в течение суток: послал немного отцу, который вот-вот должен нагрнуть, раздал долги, и всё. При желании можно было, конечно, выкроить на поездку, но я понадеялся и теперь сижу на мели. Очерк в «Смене» что-то тянут, не печатают⁴⁸. Возьмут да раздумают. Им что, никакого урону, а мне таковой сюрприз даже не по нюху будет.

⁴⁵ листы рукописи рассказа были загрязнены, помяты. – Сост.

⁴⁶ романа «Тают снега» в областной писательской организации. – Сост.

⁴⁷ Пермского отделения СП СССР. – Сост.

⁴⁸ речь идёт об очерке «Любовь к жизни», который будет опубликован в № 15 журнала «Смена» за 1956 г. – Сост.

Однако есть у меня и отрады. Я ведь тебе говорил, что издательство взяло переиздать «Васюткино озеро». И они мне поставили превосходные условия, с помощью коих я думаю относительно безбедно доработать рукопись романа. Дали они двойной тираж и оплату, как за новое произведение, словом, оплата за лист получается в три тыщи с лишним. Такой «дерзости» я от них не ожидал, знаю, что всё это сделано для того, чтобы я смог дотянуть книжку, и таковая чуткость меня ко многому обязывает. Вот почему надо поспешить в колхоз.

Жму крепко руку. Виктор

1956 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Володя!

Только запечатал тебе письмо, является почтальонка и вручает от тебя пакет. Спасибо тебе, Володя, от души за искреннюю оценку рассказа. Ведь на таких вещах легко споткнуться и уйти в сторону. Будем считать, что я написал её не зря.

Даже неудачная вещь многому учит. Иногда, пожалуй, больше, чем удачная. Лишний раз это меня убеждает в том, что надо поменьше выдумывать. Ведь моя биография – это кладезь, который едва ли за жизнь вычерпаешь. Она и должна быть источником дальнейших трудов. Вот и будут следующие рассказы о моём товарище детства. И вообще мне надо писать больше о ребятах. В этом я убедился, работая над романом. Моя стихия – быт, семья, ребяташки. Производство не для меня.

Бувай. Виктор

1957

Апрель 1957 г.

Чусовой

(В. А. Черненко)

Привет, Володя!

Давно от тебя ни слуху ни духу. И я не подаю признаков жизни. Трудимся, брат. Трудимся так, что огонь из-под пера. Вчера поставил точку, и Марья начала печатать рукопись на машинке.⁴⁹

Ну что тебе сказать о работе? Рукопись увеличилась на сто страниц. Это первое. Великолепная получилась, на мой взгляд, последняя глава, в которой Серёжа воскрес. Вот, пожалуй, всё, что я могу сказать о рукописи. Она ещё не отстоялась, не отлежалась, и я, разумеется, не могу взглянуть на неё трезво-критически. Думал я её доставить в Молотов перед праздником, однако воздержусь это делать. 10 мая выезжаю на курорт и завезу попутно. Это время использую на то, чтобы лучше подчистить текст, выловить, что можно. Думаю один экземпляр прихватить с собой, может быть, в Москве кому-нибудь суну почитать.

Да! Есть немаловажное событие в моей творческой жизни. «Детгиз» серьёзно заинтересовался моей персоной и заключил со мной договор на издание сборника. При этом получились такие казусы, которые удивили меня, и, вероятно, не оставят равнодушным и тебя. В «Детгизе» начисто забраковали «Только»⁵⁰, с большим скрипом и под вопросом оставили в сборнике «Васюткино озеро». Лучшими рассказами они признали «Схватку» и «Землянику». Во, брат, какие вещи! Это лишний раз подтверждает, что единого мнения на литературное произведение не может существовать. Когда поеду в Ялту, остановлюсь на несколько дней в Москве. Побываю в «Детгизе», выясню всё окончательно.

Весьма понравилась мне статья Антокольского в «Литгазете» о конференции уральцев⁵¹. Мудрый мужик. О конференции до меня дошли лишь печатные отголоски, по которым судя, я сделал вывод, что молотовская литература была рыбой на безрыбье. Так ли это? Однако не буду суров. Уже одно то, что нашу область наконец-то заметили, щекочет самолюбие и патриотические чувства. Да! Володя!

Вот пока всё. Марья у меня придумала нынче болеть часто. В связи с этим сидим на могучей финансовой мели. И если Олег Селянкин там пошевелится и ускорит перевод сорока процентов, возражать не станем.

Жму руку. Виктор

⁴⁹ имеется в виду рукопись романа «Тают снега». – Сост.

⁵⁰ здесь и далее названия рассказов. – Сост.

⁵¹ речь идёт о межобластном совещании уральских писателей. – Сост.

1958

13 октября 1958 г.

Чусовой

(И. Степанову)

Здорово, Иван, здорово, заблудшая душа!

Рад был получить весточку о том, что ты жив и к тому же здоров, и принят в партию, и живёшь в Ачинске! Я завидую всем, кто живёт в Сибири, а значит, и тебе. В письме ты известил меня, что принят в Союз журналистов, на что у меня, брат, есть козырь – я на днях принят в члены Союза писателей. Событие в моей жизни немаловажное!

За эти времена временного затишья нашей переписки событий произошло много, и я боюсь, что в письме их не описать. Первое и главное событие, из-за которого я бросил писать не только тебе, но и всем на свете, – это то, что у меня свалилась жена с диагнозом туберкулёз кости, а следом за ней сын, и с подозрением на этот же диагноз. Тут уж, брат, не до писем. К тому же затеяли покупку дома, да работал я собкором областного радио и ездил тут по всем краям. Сейчас Маня дома, сын тоже, работу в радио я к чертям собачьим бросил – надоела, и вот отвечаю на гору писем. «Расшиваюсь», как говорят железнодорожники.

А в Красноярске я больше не был и стосковался до жути. Но есть шанс убить медведя. Я закончил работу над первой частью повести «Перевал» и собираюсь писать вторую часть, а действие её происходить должно в Игарке. Летом я налаживаюсь туда и, поскольку нынче ты живёшь на пути, видимо, заверну на денёк-другой к тебе. Вот тогда поболтаем. Пока же коротенько о моих делах.

В прошлом году вышли в свет три мои книжки. Одна маленькая для детей в Перми и там же роман «Тают снега», сборник рассказов «Тёплый дождь» в «Детгизе». Его ты мог увидеть, он продавался по всему Союзу, так как издан был большим тиражом. Что же касается романа «Тают снега», то он до Сибири, надо думать, не дойдёт, так как издан всего пятнадцатью тысячами и, насколько мне известно, распродан в пределах области. Но дело поправимое. Для друзей у меня сыщется экземпляр, и я тебе вышлю его на днях, чего не могу сделать с другими книжками, запас каких иссяк.

Сейчас заканчиваю работу над сборником рассказов. Один из них передавался по радио из Москвы с музыкой и тому подобными атрибутами и произвёл фурор, так как после этого наше областное радио уже трижды повторяло передачу его по просьбе радиослушателей. Называется этот рассказ «Ария Каварадосси». Но вообще стало мне работать трудно. Литературная выучка даёт себя знать, да и здоровьишко никудышное. Безумно болит голова. Работаю лишь утром, а к вечеру полный дурак и немощный, как Казанова в старости.

На днях был у меня работник журнала «Молодая гвардия». Сделали совместно с ним большой очерк. Место для него оставлено в 12-м номере, но поместят ли – не знаю. Заострили мы очерк здорово. Потихоньку печатаюсь в нашем новом журнале «Уральский следопыт». У нас ведь ещё кроме него сейчас выходит и журнал «Урал». Печататься есть где – знай пиши, да получше. Но, к сожалению, «лучше» в наши дни понятие растяжимое, не всегда лучшее попадает в печать, а чаще почему-то худшее.

Вот, Иван, пока коротенько о себе и о своих делах. Видимо, я написал далеко не обо всём, но надеюсь встретиться и тогда «выложимся».

Что же касается тебя, газеты и т. д., то могу сказать, что голова у тебя болит именно от пятиразовой газеты, будь она неладна, а писать тебе нужно, несмотря на это. Я до сих пор помню твой рассказ «Чёрный крест» и думаю, что придёт твой день, хотя бы потому, что ты печатаешься и недоволен собой. Всем, кто остаётся доволен своей писаниной, можно смело

ставить крест – это уж я знаю по той литературной братии, с которой знаком. Самодовольство – это крыша, ну а с крыши писать легко. Так что больше всего бойся быть довольным написанным – это уж на собственной шкуре испытано. Пока я недоволен всем, что написал и издал, и радуюсь тому, значит, ещё карабкаюсь «на крышу» и не хочу, чтобы она была как на бане – шагнул и на ней.

Жму крепко лапу. Виктор

Адрес мой изменился. Я переехал всего лишь на квартал в сторону, и звучит он ныне так: Пермская область, г. Чусовой, ул. Нагорная, дом 60.

1959

8 марта 1959 г.

(И. Степанову)

Здравствуй, Иван!

Ты прости, брат, что я так долго тебе не отвечал. Лишь на днях появился дома.

Вернулся из Коми округа, и сразу вызвали в Свердловск – сдавать в набор первую часть повести. Она должна появиться в № 5 журнала «Урал». После Свердловска в Пермь, там уже утвердили творческую командировку в Игарку – писать вторую часть повести «Перевал», которая печатается в «Урале». Так что нынче снова увижу Сибирь. Рад – безмерно.

Ну-с, теперь о самом главном – о твоих рассказах. Прочёл я их, Иван, и не хотелось тебя огорчать (ведь друзьям хочется говорить только приятное), но кривить душой я не умею и прямо скажу: плохо.

Меня поразила не сама, так сказать, техника письма (тут ты уж поднаторел кое в чём), не литературщина даже, которая так и хлещет через край в обоих рассказах, а их убожество. Ты только прикинь мысленно, о чём рассказ «Последняя встреча», и получится: «Водка бяка – её пить вредно!» Ну мелко же, Иван, мелко! А второй, длинный рассказ, о чём? О том, как парни тёткам домишко соорудили, сюрприз роженице преподнесли? Слащаво, по-бабьи сделано и высосано из пальца. А этого я никому не прощаю. Так какого же дьявола, ты – парень бывалый, тёртый, свет и людей повидавший, уподобляешься эстетикам-белоручкам? Ведь есть же у тебя за душой настоящие образы, настоящие сюжеты – почему их бережёшь? Газета давит, газета требует? Пиши для газеты – это тоже дело нужное. Но в литературе не поступайся, не разменивайся по дешёвке. Копай глубже. Пусть будет это ещё неумело, по-топорному сделано, однако это будет твоё, твоя кровь, твоя плоть. И тогда слова будут другие, тоже твои, а не стёртые до дыр газетные штампы. Пишешь ты эти рассказы, как «Чисто золото» и «Последняя встреча» (одни названия чего стоят! – вытрепанные, затасканные, как парижские проститутки!), левой ногой (если надо, я тебе когда-нибудь это докажу). И потому столько в текстах ляпсусов и галиматый, что я не знаю даже, какие примеры приводить.

Ну, вот первый попавшийся: «Ничто не останавливало преобразователей Сибири – ни мороз, ни пурга. Рос новый посёлок и т. д.». «Прибавляя газу, он задумался над тем, как оправдать попойку» – ну разве можно так всерьёз писать, душа любезная? Это же издевательство над словом «рассказ» и над русским языком!

Ты мне можешь возразить, ссылаясь на читателей: им, мол, понравилось. Но меня этот аргумент не убедит и не обескуражит. Я работал в газете и знаю, как ещё падки наши читатели на дешёвку. С этой точки зрения «Последняя встреча» – товар ходовой. Но есть закон в литературе и для всех закон, кто взял в руки перо: пиши в расчёте на самого умного и взыскательного читателя!

Вот и не забывай о нём. А меня извини за то, что я нашумел. Иначе не могу и не умею. Да и сам ты просил объективной оценки своих вещей. Не подумай, что я поучаю. Горький говаривал, что надо много знать, многому научиться, чтобы получить право не учить, а лишь осторожно подсказывать.

Поэтому считай моё письмо как дружеский разговор. Пиши настоящие вещи. Пусть в год один рассказ, но настоящий, и я с радостью прочту его и буду гордиться тем, что вот Иван колупнул так колупнул. Пусть клюют зёрнышки другие писаки. Их немало. Не гонись за ними. Не в этом счастье и творческая радость.

Ну, будь здоров. Привет семье. Обнимаю, Виктор

5 июля 1959 г.

Чусовой

(П. В. Чацкому)

Уважаемый Павел Васильевич!

Извините, что я не сразу ответил на Ваше письмо. Катался по Вашим родным местам на пароходе – от Перми до Астрахани и вот только прибыл домой со своим семейством.

По Каме и Волге я ездил первый раз и ревниво сравнивал их с Енисеем. Сам я сибиряк, родился близ Красноярска, неподалёку от того места, где сейчас строится Красноярская ГЭС. Конечно, «всяк кулик своё болото хвалит», но Енисей, несомненно, величественней и изумительный по красоте. Волге повезло прославителями и только. Это говорится без желания умалить в Ваших глазах Волгу. Всякому своя родина и милей, и краше.

Я буду рад переписываться с Вами, а затем и познакомимся лично. Иногда, изредка, правда, я бываю в Москве. И считаю, что часто там бывать не следует. Хотя Лев Никулин и уверяет, что житьё в Москве якобы возвышает людей культурно над периферийщиками, я всё же остаюсь ярким приверженцем «бескультурной», но и не объевропеившейся, в худшем смысле того слова, периферии. Старый пердун он, этот Лев, если так позволяет себе думать о так называемой периферии. Она ему всё ещё кажется сирой Русью, какой была до отмены крепостного права.

Ни хрена-то он не знает, окромя литературных архивов, если занимается такими утверждениями. Он даже на семинаре-то не был, а пишет о нём тоном неоспоримого судьи. Я был на этом семинаре и убедился воочию, что молодые «культурные» москвичи, имеющие под боком первоклассные библиотеки, академиков, маститых писателей и т. п., ничего за душой не имеют, кроме цинизма, пошленьких анекдотов, литературных сплетен и беспрецедентного апломба. Они и научились-то только тому, чтобы плюнуть в руку, которая даёт им хлеб. Рабочий для них – быдло с жерновами вместо мозгов.

Ах, отрывка нового времени! И сивый Никулин возносит эту отрывку! Ведь не они дали рассказы-то на-гора во время работы семинара, а всё те же периферийщики, умеющие работать и не говорить красиво, не удивлять блестящими верхушками, нахватанными повсюду.

Ну ладно, разбрюзжался я, как истерик.

А мне ещё 35 лет, и я считаю себя молодым, не в литературном смысле, разумеется. А то у нас слово «молодой» обязательно ставится рядом со словом «снисходительность».

Пишу я девятый год. До этого был самым распоследним «быдлом»: работал литейщиком, грузчиком, плотником, чистил помойки, выгружал вагоны, работал на сплаве. А до войны жил в детдоме, потом закончил школу ФЗО и трудился составителем поездов возле Красноярска.

В 42-м ушёл добровольцем в армию. Там мне кое-что подбили, в том числе и глаз. Составителем я уже не мог работать. Образование шесть классов, здоровье подорвано – вот я и мотался. А в 1951 году неожиданно для себя и для всех написал рассказ, который имел успех, и немалый, тут, на периферии. Потом написал много плохих рассказов, и они доселе лежат в столе. В 1953 году вышел мой первый сборник рассказов. Сейчас на моём счету шесть книжек. Одна из них большая и довольно слабая – это роман «Тают снега». Его, правда, хвалят. Были пяток рецензий, читательские конференции, но сам я хвалить его не могу. После того написал я две повести – «Перевал» и «Стародуб», продолжал работать над рассказами и очерками.

Повесть «Перевал» напечатана в № 5 журнала «Урал», и если у Вас сыщется время, прочтите – это моя любимая вещь. Нынче она выйдет отдельной книжкой в Свердловске, и

я Вам её непременно пришлю. «Стародуб» с рассказами выходит на будущий год в Перми. Все эти вещи о Сибири, к Уралу я плохо прирастаю, хотя и написал на уральском материале роман и ряд рассказов.

Вот видите, какое Вам длиннющее письмо наката. Может, Вас интересует что-либо – спрашивайте. Могу выслать нашу газету «Чусовской рабочий». Уровень её, конечно, низкий, но фактический материал бывает интересный. Сам я месяца на полтора уеду в творческую командировку в г. Игарку, где я жил в детдоме, и стану работать над второй частью «Перевала».

Вашу книгу «Лешегоны» я видел в магазине, но, к сожалению, не читал. Постараюсь прочесть, чтобы иметь представление о Вашем творчестве.

Город наш очень дымный, чёрный и неблагоустроенный, но стоит в очень живописных местах. Здесь сливаются три реки: Вильва впадает в Усьву, а Усьва – в Чусовую. Город в основном расположен на стрелке и за реками.

У нас большой металлургический завод, крупный железнодорожный узел. Богатый историей и промышленностью пригород. Здесь есть всё: алмазы, цемент, руда, уголь, лес, сельское хозяйство, ферросплавное производство, рыбалка, охота и многое, многое другое.

Сам я рыбак и ярый охотник. Много брожу. Леса здешние и округу знаю отлично. Все реки проплыл и обходил. Красота на них не поддаётся описанию. Так что я богатый человек. Темы и замыслы меня одолевают постоянно.

Никак не могу выбраться на ровную линию, чтобы работать над одной, двумя вещами. Вечно в работе ворох рукописей. Теперь Вам станет понятно, отчего меня не тянет часто в столицу. Иногда разве только встряхнуться и сплетен послушать – это тоже время от времени нужно, дабы нюх обострялся и скушное житишко взвеселялось.

Кстати, Вы писали, что жили в Кирове. Из Кирова на семинаре был интересный и весьма культурный (как это ни покажется странным Никулину!) парень по фамилии Лубнин (его рассказ напечатали в № 2 «Нашего современника»). И вообще на семинаре было немало интересных ребят. Были, правда, и такие, коим следовало бы заниматься в литкружке при районной газете, ибо они ещё азов не знают.

Ну, Павел Васильевич, всего Вам доброго. Знаю, что почерк у меня ужасный и Вам придётся помучиться, но жена утатила на рынок и перепечатывать письмо некому. Сам я не печатаю. Уж не обессудьте, если я что и неладно сказал. Я стараюсь быть со всеми откровенным. Попадает мне за это, да ничего, терплю.

Дружески жму руку. В. Астафьев

1959 г.

Москва

(Жене и детям)

Маня и ребята, здравствуйте!

Получил рукопись и письмо. А вчера вам отправил тоже рукопись и письмо. Вчера же ходил по делам. В «Детгизе» редактор опять исчеркал «Дядю Кузю», опять надо много править. Насчёт путёвок я писал. С ними вроде бы всё в порядке, нужны деньги. А насчёт стипендии ты ослышалась – я её действительно получил, но лишь за 10 дней, когда посещал занятия⁵². Я купил тут книги из «ЖЗЛ» – «Рублёва», «Эдисона» и «Артёма». А «Стендаля» нет, если увидишь, купи. Я ещё купил «Сабанеева» – о рыбной ловле, так что Толстиков пусть не хвастается, есть теперь эта книга и у меня.

⁵² с 1959 по 1961 г. Виктор Петрович по рекомендации Пермского отделения Союза писателей учился на Высших литературных курсах при Московском литературном институте им. М. Горького. – Сост.

Погода гнусная – то дождь, то снег. Слякоть, одним словом. Ходили на просмотр фильма «Женщины». Коротко о нём не скажешь. Сегодня всем курсом пойдём в мастерскую скульптора Вучетича, должно быть интересно. На днях встречались со специалистом по кибернетике, и много удивительного.

...В «Молодой»⁵³ рассказ сдали в набор, а договор пока не подписали. Издательство перетрясает план изданий на будущий год. Хоть бы меня не выкинули, тогда уж будет дело. Ждать осталось считанные дни. Встреча у скульптора Вучетича была очень полезной и интересной. За «Перевал» ещё не принимался, после лекций не могу – болит голова, и пропускать занятия нельзя – строгости, а в творческие дни занимаюсь редактурой.

Виктор

⁵³ здесь и далее в письмах имеется в виду издательство «Молодая гвардия». – Сост.

1960

*Февраль 1960 г.
Москва
(Жене и детям)*

Маня и ребята, здравствуйте!

Ну вот, я уже несколько дней в Москве и, как всегда по приезду, перемагаюсь, всего ломает, боюсь, что грипп.

Дни эти были очень неорганизованны. Кроме института и «Детгиза» нигде пока не был. Вчера в «Детгизе» получил две тысячи рублей! И говорят, мол, ещё не всё, что пока вышел из печати первый тираж – сто тысяч, за него вот и выдали, остальные потом. Попытаюсь в воскресенье купить костюм. В институт сегодня не поехал, сиюю долблю Шишкова. Фамилия моя меня опять подвела – первому нужно выступать с докладом, вот и готовлюсь.

Предположения мои насчёт общежития сбылись: запретили всё-таки приходить к нам – это и хорошо, и плохо. Хорошо, что меньше будут мешать работать, но плохо, что на тюрьму похоже. А запретили из-за одного дурака-студента: выбросился в окно с пятого этажа, протрезвел и пока живой, но на ладан дышит.

Справку Ирине для музыкальной школы пришлю – сегодня только вспомнил. Сейчас поеду в редакцию газеты «Литература и жизнь» отдавать рассказ «Эхо войны» и оттуда заеду в «Советский писатель».

Звонил в «Роман-газету». Редактор, который должен читать рукопись, заболел, и мне сказали, чтоб время от времени звонил, но разговаривали со мной любезно.

Из Свердловска вестей пока нет, что-то на финише они затоптались.

Между прочим, сегодня на скучной лекции я задумался, взял бумажку и стал вспоминать, сколько мы в нынешнем году получили и истребили денег, и был страшно поражён: около восьмидесяти тысяч! Каково?! Какая дорогая жизнь, ведь ничего крупного не покупали. Костюм-то себе я куплю. Но на ближайшее время получек не предвидится, а как вам без денег жить? Поэтому расходуйте деньги по необходимости, не особенно ударяясь в тряпье, но на еде не экономьте. И хватит занимать, а потом думать, чем и как рассчитаться. Я хочу поработать над тем, над чем хочется, и не ради денег. Машинку я тоже потом здесь куплю, это уж где-то перед самым новым годом.

...Вчера получил письмо из «Уральского следопыта» и от тебя – перепечатанную рукопись. Стихи Светозара Барченко мне понравились. Лучшими из них в редакции считают «Таёжный сруб» и напечатают его непременно, а остальные – будут смотреть. Они очень обрадовались, что я прислал им стихи, и просили поискать для них ещё рукописи. Ну что ж, поищу, только читать много придётся всяческой макулатуры.

Рассказ «Старый да малый» идёт во втором номере «Следопыта», просят что-нибудь ещё и настаивают, чтобы я сделал игарский материал. А я тут одну работу взвалил на себя – взялся переводить трагическую повесть одного кавказца – карачаевца. Повесть интересная, и мужик он хороший, не в пример другим чеченцам. Но взялся, наверное, зря, когда до своих дел руки не доходят. Вот отправлю в Башкирию рассказы и начну доделывать рассказ «Родная кровь», который теперь называется «Кровь человеческая», а потом стану доделывать «Дядю Кузю» и продолжать писать рассказы для «Зорькиной песни». Работы, работы! Когда возьмусь за повесть?

Будет экзамен скоро – надо почитать Л. Толстого.

...Вчера после длительного перерыва получил твоё письмо, и получил очень оригинально. Весь день я был на пленуме. Приехала целая шайка уральцев: из Перми трое и из Свердловска четверо. Протрепались допоздна. Домой приехал около двенадцати ночи. Мне говорят, мне письма были. Я цап-царап – нету. У нас иногда делают медвежью услугу: возмут, чтоб отдать, да и забудут. Я вышел на середину коридора и закричал: «Паразиты! Кто взял письма? Отдайте!» Бесполезно. Тогда я закричал ещё громче: «Бляди! Кто взял письма? Отдайте!» Тут проснулся Мирза – мой сосед и спокойнѐхонько говорит: «Я бзял. Чего кричишь? Я тебя пят раз стучал. Тибы нету. На, биры свою письма».

Я так им обрадовался, что и наматерить его забыл. В одном конверте был договор из Перми. В другом твоё письмо. Теперь ты уж получила моё письмо и знаешь, когда выезжать и что нужно мне выслать деньги. Я уж тут всех обстрелял: по полсотне да по сотне.

Дела мои неважны. Болели ноги, а теперь руки, но всё бы ничего, но вот «Молодая гвардия», кажется, мне шило в жопу вставит. Наша бумажная промышленность не выполнила план, в издательстве бумаги нет, и оно сокращает сорок процентов изданий. Остаются только те, кто заключил договора и получил авансы, а нашего брата или на следующий год, или вовсе в мусор. Москвичи рыскают, нажимают на кнопки, а мне идти некуда. Даже редактор мой в командировке, как нарочно лешаи его унесли!

Ну ладно. Я и так не сплю и делать ничего не могу. Вчера похвалил меня в докладе Соболев, но даже и это не утешило. Пленум завтра заканчивает работу. С большим трудом достали билеты в Большой театр, на «Хованщину».

...Сегодня получил от вас письмо и рад, что у вас всё ничего.

Встречались с композитором Новиковым и с С. Смирновым, нынешним редактором «Литгазеты»... Разговора о газете не получилось, проговорили о героях Бреста. Новиков играл нам и ругался, потом Володя Харитонов, мой сосед, пел свои песни, написанные Новиковым. Мы подхватили. Новиков говорит: «В старое доброе время комсомольцы и всякие курсанты пели везде, даже на собраниях, хотя песен имели меньше. А сейчас заседают с умными лицами». Сам Новиков похож на Макарова, рожа у него не музыкальная, но дядька он обаятельный. Хорошие это были встречи.

Сегодня была лекция Мотылёвой. Чем дальше я её слушаю, тем больше обожаю. Ты знаешь, Маня, дух захватывает – так умно и здорово она читает о Толстом. Вроде бы всё давно известно, ан нет, Мотылёва заново открывает нам этого русака-гиганта! И как открывает! Чудо!

Уже есть вёрстка «Дождя» (тѐплого), но редактор ложится на операцию – будут чинить ему ухо, значит, вёрстку с ним будем вычитывать позже, ибо к Новому году книга должна увидеть свет. Во темпы! Это значит, у меня одна за другой выйдут три книги. Тоже неплохо! «Перевал» ещё не прислали, жду со дня на день. В «Роман-газету» ещё не звонил. Узнавал окольно, но в отделах ничего не знают. Видимо, Ильенков просто положил рукопись в стол, потом вернѐт её мне со своей кислой мордой, с какой и принял. Вот что значит быть автором неизвестным. В «Советском писателе» рукопись тоже ещё не прочитали.

А серию «ЖЗЛ» покупай всю и читай – это интересное чтение. Я купил Хемингуэя и Ремарка. А «Следопыт» обязательно выпиши...

И вот ещё что: возьми моё коричневое пальто и серый пиджак, зашей и отправь в Игарку, Анатолию Петровичу Астафьеву. Думаю, объяснять тебе ничего не надо. Отцу деньги тоже вышли. Спасибо за газету.

Целую, Виктор

15 августа 1960 г.

Москва

(В. М. Бахметьеву)

Глубокоуважаемый Владимир Матвеевич!

Долго ждал я подписки на собрание сочинений Вячеслава Шишкова. Наконец, сегодня моя давняя мечта осуществилась – я оформил подписку. Оформил и тут же решил написать в «Гослитиздат», нет, не благодарственное письмо, а давно наболевший вопрос, почему в наших издательствах, у наших литературных властей такое отношение к замечательному писателю, в ряд с которым можно поставить только одного-двух советских писателей? Почему после долголетних обещаний «Гослитиздат» решил «удивить» читателей восьмитомником? Это же, по существу, повторение посмертного издания избранных произведений Шишкова, с той только разницей, что там было уложено всё в шесть томов.

Вам-то хорошо известно, что ещё при жизни Шишкова издавалось двенадцать томов его сочинений – это, если мне память не изменяет, ещё до написания им «Угрюм-реки» и «Пугачёва». Так неужели же сейчас нельзя было сделать хотя бы двенадцатитомник? Снова не включён в издание роман «Ватага», снова нет ряда малоизвестных произведений Вячеслава Шишкова. Читатели снова должны верить на слово, что «Ватага»-де ошибочное произведение, что и в ряде других произведений Шишков ошибался и т. д.

Было время, когда у нас всё творчество Достоевского считалось ошибочным, узнавать Сергея Есенина людей вынуждали подпольно, по альбомчикам и блатным песням, а за книгу Джона Рида сажали в тюрьму. И вот до сих пор ещё живы кое у кого эти тенденции, и они не доверяют читателям, боятся, что те не разберутся в ошибках и срывах того или иного писателя.

И вот слабые, в сравнении с другими произведениями, написанные в спешке, пусть нужные в своё время военные рассказы Шишкова печатаются без конца, включаются во все издания, а многое из творчества писателя замалчивается, утаивается от читателей. Мне, человеку, воспитавшемуся на книгах Шишкова, безмерно любящему этого силача в русском языке, великого выдумщика и недостижимого мастера в изображении людей, больно и обидно за покойного писателя, которого и при жизни-то замалчивали да поругивали время от времени.

Да и как не будет больно, если на втором съезде писателей Шишкова упомянули один раз! Упомянул его Натан Рыбак в своём выступлении. А на съезде российских писателей, где я присутствовал, его этак, мимоходом, хвалили за «Емельяна Пугачёва». Диво дивное! На этих же съездах воскурялся фимиам до небес таким писателям, которые и сами-то себя никогда не решатся поставить вровень с Шишковым.

Когда-то в письме к Вам Вячеслав Яковлевич сетовал на то, что у критиков он не в чести, зато радуется вниманию и интерес читателей к его произведениям и что, в конечном счёте, это для писателя главное.

Да, это так, писатель пишет для того, чтобы его читали. И Шишкова читают, да ещё как! Все последние издания «Угрюм-реки», а их было довольно много, в нашей районной библиотеке постоянно на руках. А тут народ в основном трудовой живёт и если уж что читает, так, значит, это действительно интересно. Пустяки тут не любят читать. И всё-таки знают Шишкова больше как автора «Угрюм-реки». Слов нет, это книга книг, и я уверен, что ещё придут такие времена, когда по ней будут изучать историю русского капитализма, но не должно так быть, чтобы знали у нас Шишкова только наполовину. Писатель этот достоин того, чтобы его знали лучше, читали больше.

Вот поэтому-то я и не написал в «Гослитиздат», а Вам. Надеюсь, что Вы принимаете участие в подготовке подписного издания и, возможно, сумеете как-то воздействовать на издательские власти и увеличить объём издания. Это крайне необходимо, на мой взгляд.

Ведь даже многие из наших литераторов думают так, что Шишков и написал лишь то, что издаётся.

Я вот учусь на Высших литературных курсах и делал доклад на уроках по теории литературы о творчестве Шишкова, видел, как люди удивлялись, слушая о жизни и творчестве этого исключительно даровитого писателя и широкодушного человека. А ведь я рассказывал-то о Шишкове литераторам! Да и пользовался-то я теми скудными материалами, которые есть в библиотеках и которые, в общем-то, лишь повторяют Вашу книжку о Шишкове.

Больше хочется знать об этом прекрасном писателе, больше и шире читать его. Шишков заслужил своим творчеством и своей жизнью заботливое, любовное внимание к себе, а о нём пишут лишь в дни юбилея его друзья, которых остаётся всё меньше и меньше.

Извините, Владимир Матвеевич, за длинное письмо и за некоторую сумбурность. Дойдёт ли моя просьба до издательских властей – не знаю, но пусть хоть Вам будет известно, что у Вашего покойного друга есть искренне любящий его поклонник, который восхищается его творчеством и не устаёт у него учиться трудному литературному делу.

С глубоким уважением, Астафьев

1960 г.

Москва

(Жене и детям)

Дорогая Маня и астафьята, здравствуйте!

Я очухался и вчера был в «Молодой», купил журнал с повестью⁵⁴. Повесть прилизали не так уж и безобразно, как я ожидал. Там же узнал печальную весть. Умер Панфёров. Уважал я его, и жаль его мне страшно. Завтра все пойдут прощаться с ним.

Купил две книжки из «ЖЗЛ» – «Улугбек» и «Полководцы Гражданской войны». Тут опытные люди мне очень посоветовали есть больше винограда и лимонов, чтобы укреплять сердце, что я сегодня и сделал и делюсь опытом с тобой. Купил хорошую книгу – «Фауста» в переводе Пастернака. А «Желябова» в продаже нет, увидишь – купи.

Береги себя, Маня, особенно своё сердце. Ни о чём не думай и не волнуйся. Ты для всех нас слишком дорога, поэтому щади себя как только возможно.

Обсуждение моего рассказа назначено на 15 сентября, а в «Урале» ставят его в 12-й номер, но просят доделать конец⁵⁵. Пока я это сделать не в состоянии. Примусь уж после обсуждения. По телевизору смотрел матч «Локомотив» – «Динамо». «Паровоз» расколотил «Динамо» начисто – 4:1! Из четырёх мячей три забил мой любимец Бубулин, да мячи-то такие, что Яшин только глянуть на них мог, а взять было невозможно.

...Ездил в Литфонд, чтоб уплатить деньги за путёвки, но у меня их пока не приняли. 16-го будет правление Литфонда, и там решат вопрос о скидке стоимости путёвки. Если бы скинули, было бы хорошо.

В «Молодой» пока ничего не решилось, ждём-пождём. Приезжал ко мне Юрка Сбитнев, выпили малость. Вечером смотрели «Иванова» в исполнении артистов Малого театра. Снова убедился в том, что наши зрители видят на экране самодеятельность и настоящих актёров не знают. Пьеса-то хлипкая, и люди как все у Чехова – хлипкие. В этом спектакле не симпатичный доктор, а Царёв, Велихов, Жаров, Светловидов играют удивительно. Просто потрясающе! А как стал играть Жаров, которого я не любил по кино за болтовню.

⁵⁴ журнал «Молодая гвардия» № 9, 1960, с повестью «Звездапад». – Сост.

⁵⁵ «Дикий лук». – Сост.

О покупке – ты пишешь, что купили холодильник. Не ко времени у нас покупки случаются! Я хожу с мокрыми ногами, не могу купить туфли, думаю, вдруг не хватит денег за путёвки. Когда будете собираться, прихватите по пятку книг «Зорькиной песни» и «Стародуба». На бокс сходили. Зрелище это пробуждает в человеке зверя, измененные, жестокие его инстинкты. Люди кричат: «Добивай!» Кровь с лица не дают утереть. Бьют так, что брызги во все стороны! Московские психопаты и смотрят, и визжат с горящими глазами, аж судороги их берут! Я бы запретил глядеть на такое женщинам и весь этот бокс в наш нервный век. Зрелище это адски-захватывающее, жестокое, бесчеловечное. А тут ещё наши с немцами, чувство такое, что сходятся уж не спортсмены со спортсменами, а враги. Наш три раунда лупил немца, а тот уж шатается, но всё лезет в драку, характер показывает... Избиение да и только.

...Дела обстоят так: стоит вопрос о снятии Твардовского с поста, но редакция жива, работает. Был у Берзер. Сказала, что повесть мою хочет прочесть новый зав. отделом прозы, и потом она будет читать вторично, с карандашом, и мы начнём совместную работу. А пока вычитываю рукопись. Рассказы отнёс в «Литературную Россию» и в «Огонёк». В «Сельской молодёжи» меня обрадовали только что вышедшим томом приложения, где и я. Тут же написали договор и сделали расчёт. Книжку мою на днях подписали в печать – мучила цензура. Сняли рассказ «Горсть спелых вишен» и заставили сделать «Два солдата» по журнальному тексту. Обстановка в «Литературной России» жуткая.

Вышло около пяти листов, по 300 рублей за новое и сколько-то за старое. А там старого – повесть, то и получилось рублей около 800. Небогато, но всё же. Деньги я велел перевести в Пермь, на мой счёт, а за рассказ просил оставить здесь, и мне их выдадут только в конце месяца. Но я пока живу, в крайности, перехвачу у кого на недельку. Пока не забыл – идёт подписка. Ты сходи в Союз и заплати деньги: «Новый мир», «Наш современник», «Вокруг света» и «Наука и жизнь». Из газет: «Литературная Россия», «Комсомолка», «Футбол», и этого хватит с лихвой. Сходи на базар, купи груш, моркови и картошки. В понедельник, наверное, побываю в Хотьково. А во вторник – в редакциях, насчёт рассказов станет ясно. Рецензия на Носова в наборе. Вычитываю рукопись. Никого нет. Хорошо.

...В Москве я, наверное, задержусь. Повесть в «Знамени» пока прочитал только Макаров. Он «за», но он ничего не решает, как не решает и следующий чтец Козлов, а начальства нет, оно занято. Все советуют подождать чего-нибудь определённого и тогда уезжать. Я так и сделаю. Пока заплатил за комнату в общежитии до 1 декабря, дальше будет видно. С режиссёром писать некогда, набросок сценария буду делать сам, дома. Сейчас иду с рассказами в издательство «Советская Россия». На воскресенье, возможно, уеду в Калугу, чтоб здесь зря не болтаться и не попасть в объятия пьяных студентов.

Один экземпляр рукописи пока передал одному из редакторов «Роман-газеты».

А как ты? Ребята, помогайте матери.

...Только что вернулся из института – сдавал иностранную литературу. Говорил о Ремарке. Сдал на пятёрку. После этого заехал в «Молодую гвардию» и имел беседу с В. Фёдоровым. Он меня удивил, вернее, его разговоры о моём «Звездопаде». Тут он совсем не тот Фёдоров, который нам известен по поэмам «Проданная Венера» и «Белая роща». Я вынужден был забрать повесть из редакции, ибо если только сделать так, как того хочет Фёдоров, то я перестану уважать себя, а он (в душе), вероятно, меня. Очень, очень казённое, очень перестраховочное и совершенно не литераторское отношение с его стороны оказалось. Диву даёшься, как чины портят людей!

Ну а настроение, прямо скажу, препаршивое. И не потому только, что с повестью так получилось (в ней-то я совершенно уверен), а просто по-человечески обидно, когда рушится идеал на глазах... А я ведь ещё не совсем потерял веру в такую старинную штуку, как идеал. Сейчас буду править рукопись, отдам затем на перепечатку и отнесу Дементьеву в «Новый мир», после чего, если она там не «покажется», вынужден буду ехать дня на два-три в «Неву» к Эльмару Грину, по совету Ивана Падерина, который остался при своём мнении и очень хочет, чтобы повесть увидела свет. Сейчас у меня на столе гранки, которые я должен вернуть послезавтра в редакцию, ибо мне велели «подумать». А думать-то, собственно, нечего, да и некогда – экзамены и ещё «Дядя Кузя» на столе, который почти вперёд не продвигается.

Я рад, что вы хорошо отдыхаете. А я устал. Устал от дум, от повести. Хочу в лес. Очень плохо мне сегодня. Ну да ладно. Такова писательская жизнь, таков наш хлеб, проклятый всеми писателями, которые зарабатывают его честно.

Целую вас. Виктор

1961

1961 г.
Москва
(Жене)

Маня!

Получил от вас письмо с газетной вырезкой.

Я отболел гриппом. Вот только первый день был на занятиях. Получил приглашение от Нины Михайловны⁵⁶ в числе ещё нескольких побывать у неё дома. Этой чести у нас удастаиваются немногие. Человек она чрезвычайно интересный, и у неё имеется редкостная коллекция иконографических работ.

Деньги лежат на книжке и будут ждать твоего приезда, чтобы с пользой их израсходовали. С трудом и не всегда успешно отбиваюсь от любителей. Раздал уже порядочно, как-то буду собирать!

Сегодня познакомился с художником – хорошим парнем. Обещает хорошо оформить книгу. Вечером двинем в клуб литераторов на празднование 30-летия журнала «Знамя». А на «Мёртвые души» сходить не получилось – был у нас солдатский вечер в общежитии, читали стихи, вспоминали, пели фронтовые песни. Было больше грустно, чем весело.

Накупил уйму пластинок. И сейчас звучит, что бы ты думала? Ария! Да, да, ария Каварадосси, и поёт, кто бы ты думала? Марио Ланца. И я счастлив! Как много и немного нужно человеку для счастья! Купил и «Чио-чио-сан»... Все наши любимые вещи. А «Мёртвые души», говорят, восхитительны. Но не всё потеряно. Следующий спектакль через неделю, приедешь, ходим в театр непременно. Ещё обязательно постараемся посмотреть «Первый день свободы».

Хорошо, что ты съездила в Пермь, встряхнулась и всё узнала. Лёва тебя понял совершенно правильно. «Квартира будет», «Всё в порядке», – это ведь пока только слова и ничего конкретного. Когда, что и где – вот главное. Ну, теперь уж всё равно, поди-ка, дадут. Желательно, чтобы скорее.

...Сегодня выслал в Пермь отредактированный «Звездопад» и подписанный договор на него. В «Молодую» рассказ тоже наладил, и завтра его сдадут в набор. Очерк доделал и прошу, как сможешь, скорей его напечатать. Съездил в Литфонд, дал заявки на путёвки. Поедем в Ригу. 30-го нужно уже выезжать из Москвы, чтобы 31-го быть на новогодней ёлке в доме творчества. Значит, из дома вам надо выезжать 27—28 числа. Деньги мне нужно нести за путевки 10—15 декабря, значит, к тому времени переведи мне 4500 рублей, а на остальные пока живите. Прислали ли те 2800 рублей, что обещали из Перми, а то ведь вам и жить не на что станет. Я напишу в Пермь письмо и попрошу об этом, а там, даст Бог, получите из «Мурзилки», потом из «Урала», словом, поживёте.

Завтра иду в «Детгиз» добивать с редактором «Дядю Кузю», вечером пойдём на просмотр фильма «Жемчужина» – это по изумительной повести Стейнбека. Завтра же пойду в издательство «Молодая гвардия» за договором, надеюсь, его уже подписали, задержка была за директором.

Ребята, я получил ваше письмо. Рад, что хорошо учитесь. Так и надо. Иринushка, я помню о том, что тебе нужна готовальня, но у меня пока нет денег. Приедете, и всё купим. Будь умницей и не порти маме нервы. Я постараюсь до нового года свернуть все свои дела,

⁵⁶ речь идёт о преподавателе литинститута. – Сост.

и мы все вместе будем хорошо отдыхать и часто ездить в Ригу, до неё от дома творчества 20 минут езды.

...Сегодня, после длительного перерыва, я получил от вас письмо и рукопись. Это очень хорошо, а то я уж начал беспокоиться. Не знаю, почему вы не получаете от меня письма. Я написал письмо, как прилетел, и оттого не давал телеграмму. Сегодня я купил посылочный ящичек, положил в него туфли, лекарства и яблок, добавлю яблок или свежих огурцов, тогда и отправлю.

Сегодня я весь день писал, на лекции не ездил. Рассказ⁵⁷ получается листа на два с половиной – в нём вся послевоенная и военная жизнь моего поколения. Это моя кровь, а не рассказ. Пишу и чуть не плачу – видать, нервы стали никуда не годные. Вот сейчас чуть не заревел над письмом дочери Моти Савинцева. Ах, сколько же вынес наш бедный и великий народ! Надо бы мне на неделю отключиться, чтобы вчерне выложить рассказ на бумагу, но нельзя – строгости. А это значит, я буду больше мучиться и психовать, а сон у меня и без того расстроился, и весь я не в себе. Во время такой дикой, захватывающей работы не хватает тебя и дома. Хотя вы иной раз и мешаєте, но привычка есть привычка.

А рассказ этот – начало какого-то второго этапа в моём творчестве. Есть в нём что-то и старое, но много и такого, что отличает его от прошлых вещей. Многие друзья не узнают меня в этой вещи. Ну да сама увидишь. Я, наверное, ничего путного тебе не написал. Я весь живу в рассказе и думать способен только о нём.

Пиши почаще и не обижайся, если какое-то время я не смогу писать вам письма.

...Сегодня пришли письма от тебя и от ребят.

Насчёт Коли – я, конечно, ошеломлён⁵⁸. У него вроде вот-вот должен быть ребёнок, может, уж есть. Но ведь на охоте он ещё дурнее меня, лезет куда надо и не надо... Вот беда так уж беда! Хоть бы оправился.

Ты сделай вот что: отправь рублей пятьдесят в Игарку по адресу: ул. Лесная, 2, Астафьеву Николаю Петровичу, и рублей десять-пятнадцать отправь бабушке по адресу: Красноярск, слобода Весны, 7-я Продольная, 8, кв. 2, Астафьевой Марии Егоровне; и отцу рублей двадцать – двадцать пять. Лететь в Игарку отцу не след, чтобы не было мирового скандала и драки, ибо с горя остальные ребята могут ему и наподдавать. Пусть лучше уж не проявляет запоздалой заботы, а напишет письмо или чем-нибудь поможет, и всё.

Ну и дурной охотник! Ох и дурной! Вон куда забрался! И чего ему там надо было? Работал шофёром, так вот понадобилось, а на работе не работалось... Не хватает всё-таки отца-то доброго. Самоуправством все живут. Вот чёрт! Ну ладно, что сделаешь.

Дела мои всё лучше и лучше. Сплю хорошо, брюхо растёт, как на опаре, зато голова болит меньше. Много хожу, и, видимо, от этого выступила крапивница. Погода так себе, то дождь, то снег, то солнце. Новостей нет.

...Вчера я послал вам письмо, в котором роптал, что «Звездопад» куда-то запропастился. А после занятий начались сплошные радости. Я получил стипендию и купил, что бы ты думала?! – купил подснежников, фиолетовых, у которых в чашечки будто угольки положены! Сейчас стоят в вазочке на столе. В общежитии меня ждал «Звездопад»! Я собрал ребят и начал им читать. В это время приносят мне письмо и пакет. Открываю: а там моя книжка «Стародуб». Это Борис Никандрович⁵⁹ лично послал мне один экземпляр, может, даже сигнальный. Я посмотрел и ахнул – так здорово получилась книжка. Красивая, аккурат-

⁵⁷ речь идёт о повести «Звездопад», которая первоначально писалась автором как рассказ. – Сост.

⁵⁸ речь идёт о сводном брате В. П. Астафьева из Игарки Н. П. Астафьеве. – Сост.

⁵⁹ Назаровский. – Сост.

ная, культурная! Есть ещё синонимы? Хватит. А то избалую издательство. Это моя пока лучшая по оформлению книжка. Сейчас и напишу Борису Никандровичу, что лучшего подарка к дню моего рождения нельзя было и придумать!

Сегодня начну править «Звездопад», но уж после того, как съезжу в магазин и куплю машинку.

... Закончил правку «Звездопада» и отвёз на машинку. Зав. отделом прозы журнала «Молодая гвардия», прочитав мой «Перевал», пришёл в восторг и просит во что бы то ни стало «Звездопад». После праздника отвезу. В шестом номере «Октября» дают рецензию на меня. Она уже ушла в набор.

Получил письмо от Б. Н. Назаровского. «Зорькину песню» они сдали в набор, убравши рассказ «Компания» – он им не понравился. За неё и деньги, те восемь тысяч, а за «Стародуб» потом. «Тают снега» к переизданию утвердили. Думают о том, как издать книгу массовым тиражом – 75 тысяч.

Борис Никандрович написал статью в «Звезду» о «Перевале» и «Стародубе». Пошли мне её. Я ожидаю от него разумных и толковых мыслей. До 10-го я, наверное, буду в поездке, если не удастся отложить её на вторую половину мая. Поездка предстоит в Серпухов с бригадой писателей. Погода похолодала, уже не топят, сплю под одеялом и пальто. Машинку ещё не купил – нет подходящих, а деньги опять расплываются. Беда. Ты, когда соберёшься ехать, возьми с собой аккредитив с запасом, а то без денег далеко не прыгаешь. Ну и всё.

... Маня, я сегодня получил письмо, в котором ты сообщила, что заболел Андрей. Что с ним? Поправился ли? Если это грипп да без осложнений, то ничего. Как мне жалко парня, прямо беда. А я сегодня видел во сне, что лодку стащили и ребята горюют по этому поводу. Что-то со смыслом сон-то получился.

Ну вот, Маня, получил я деньги из журнала. Как началось паскудно, так и кончилось. В редакции на номер не хватило денег, и мне начислили сначала 5100, а потом срезали до 4500. И получил я на руки чуть больше четырёх. Теперь я положу на них с прибором за такое отношение. Повесть поуродовали, да ещё так заплатили... Утешает одно: деньги эти я употребил на дело: вчера прямо из издательства я поехал в магазин и купил дорожку. Выбор был большой, но у меня разбежались глаза. Но дело было к вечеру, и дорожка оставалась уже кусками. Я купил остаток в 3 м 25 см за 910 рублей. Был кусок 3 м 40 см, но я остановился на этом – очень понравился орнамент. А сегодня вот только что купил машинку. Выбор тоже был большой. Мне больше других понравилась «Оптима». И мастера, и продавцы тоже советовали покупать её. Отдал 2000 рублей. Она более громоздка и тяжела против других, но зато очень мягко печатает – только пальцы положишь – и всё, кроме того, она – вечная. Говорят, эта марка лучшая в мире. А старую нашу машинку мы оставим на тот случай, если куда на лето будем уезжать, так чтобы не таскать её за собой.

Вот видишь, какие новости! Машинка-то уж больно хороша! Солидная, изящная и очень удобная. На ней можно печатать и таблицы, и всякую муру. А фрукты покупай. Я как-нибудь и на них заработаю, а как она, жизнь, пойдёт дальше, чёрт знает. Хоть сейчас поешьте.

... Деньги от вас вчера получил и ещё бандероль. Спасибо за то и за другое, особенно за деньги. Вы тяните как-нибудь, чтоб и на дорогу вам осталось. А уральцы пообещали послать мне гонорар сюда за рассказ. А «Дядьку Орла» я отвёз в «Литературу и жизнь». Сказали, что герой не магистральный, но вроде собираются печатать. Ещё просили меня, чтоб я куда-нибудь съездил и написал бы очерк в новогодний номер. Я пока согласия не дал, потому что есть ещё дела.

Пятнадцатого буду выступать в университете. Вчера после окончания пленума мы ужинали в ресторане, меня просквозило, и на занятие сегодня не пошёл – болит горло. На улице

слякотно и холодно, когда уж это кончится? После молодогвардейских неурядиц пытаюсь работать – начал писать рассказ. Идёт пока плохо. Вчера со мной разговаривала детгизовская редакторша насчёт «Перевала». Если окончательно сорвётся в «Молодой», попробую работать с ними.

Тринадцатого последний экзамен. У меня один хвост – по философии, и если я его аннулирую, то сразу же и уеду. Дам вам телеграмму, чтоб встретили – машинка, да манаток набирается. Сегодня купил Ирине плащ и у букиниста 4-томник Писарева. Кроме беготни занимался «Диким луком». Буду заканчивать «Тёплый дождь». Замыслов много. Старьё надоело, хочется писать новое.

...Я уж с неделю, однако, не писал тебе, закрутился. Нервотрёпка с книгой не кончилась. В главной редакции вырубил два рассказа: «Живую душу» и «Дикий лук». Осталось четыре, и потому раздел «Рассказы» оказался куцым привеском к повестям. Я отбиваю «Дикий лук», но требуют большой переработки, а я так уж износился за время, что вроде уж и не годен на серьёзную работу, сердце колет и колет, и воздуха не хватает. Книжка, по всей видимости, так и останется на 16 листов. Сейчас она у корректоров, и досылком можно бы сделать «Дикий лук».

Завтра выступаю в Доме искусств, это где мы смотрели выставку Кончаловского.

Настала последняя неделя занятий, потом экзамены, и домой. Всё надоело. Два дня кряду навещали меня Черненко и Альберт Яковлев из Свердловска.

Меня выбрали в состав актива журнала «Молодая гвардия», значит, предстоит ещё и рукописи читать.

Новеллы мои сдают в набор, но без «Лошади», в восьмой номер «Урала». Как Ирина? Бойтесь гриппа – такой страшный грипп ходит, с ног валит, спасу нет.

Что слышно о квартире? Переехать бы сразу⁶⁰. Придётся месяца на два-три пригласить к себе бабушку погостить⁶¹. У них что-то вовсе разладилось в семье, и ей некоторое время надо пожить в отдельности. Характерец-то у неё тот ещё, наверное, всё с этого и началось. Но это уж после того, как переедем. Да и нужна она мне будет очень в связи с работой над первой частью романа. Память у неё завидная, и она сможет многое мне порассказывать.

...Побывал в журнале «Октябрь». В редакции читают «Перевал» и просят для публикации новые вещи. Со мной беседовал редактор, и очень любезно. Говорил и о статье, которая ему понравилась. Он ещё сказал, что я зря на курсы поехал. Надо, говорит, писать – тут тебе и учёба. Мужик он, конечно, с загибами, но на меня произвёл очень хорошее впечатление. В пятом номере они дают рецензию на «Перевал», довольно объёмную и хвалебную. Вернувшись из «Октября», я основательно слёг.

Вчера по телевизору показывали фильм «Баллада о солдате». Затем была беседа с постановщиками и участниками фильма. Чухрай – очень красивый и умный мужик. А Володя Ивашов и его напарница Жанна Прохоренко! Володя в рубашке без галстука, застёгнутый на все пуговицы, как школьник, угловатый. Урбанский тоже был. Он – мужчина представительный.

...С книгой всё решилось благополучно. Оформляет книжку художник Сергей Куприянов. Будет цветной форзац, будет по три иллюстрации к повестям и заставки (по одной) к рассказам.

⁶⁰ речь идёт о получении квартиры в Перми и предстоящем переезде. – Сост.

⁶¹ М. Е. Астафьева из с. Овсянка под Красноярском. – Сост.

Здоровье хорошее, толстею не по дням, по часам. Дочитал роман И. Падерина. Слабый роман. Я, как всегда, прямо и грубовато покритиковал его, он обиделся и чуть было не впал в истерику. Я думал, он умнее.

Есть слух, что наши курсы преобразуются в трёхгодичную академию, и, кажется, на новый учебный год не будут набирать новый состав курсантов. Рассказ «Две матери» я переименовал, и теперь он называется «Кавказец». Абдулжалилов⁶² хочет перевести его на свой язык. Сегодня пойду в «Знамя» и узнаю о судьбе рассказов.

...Пишу вам, пожалуй, последнее письмо. Вчера я относил гранки в «Молодую гвардию», чтобы раскланяться и уйти, но тут меня схватили и потащили к главному, он беседовал со мной долго и толково. Замечания его были направлены на то, чтобы вещь была цельной и ещё более художественной. Я не мог не согласиться с его замечаниями и советами. После этого меня познакомили с художником, который делает рисунки к повести. С ним мы уехали домой, и там я пробыл до полночи. Очень интересный человек и талантливый художник. Пока я беседовал с его женой, он пастелью набросал мой портрет, по-моему, сильно схватил моё теперешнее настроение. Потом я приехал домой, долго ворочался, не выдержал и взялся за «Звездопад». Написал страшный кусок и боюсь, он вовсе испугает молодогвардейцев. Завтра утром должен идти с доработанной повестью в редакцию. Но я ещё не спал ни минуты, а осталось семь гранок, попробую сейчас лечь и утром рано встать. Пятого экзамен по философии – не читал ни строчки из-за срочных дел. Как буду сдавать – не знаю. Ну да ничего.

Сегодня был у редактора и отвёз ему больше половины исправленного «Дяди Кузи», остальное привёз и надо доделать к четвергу. В «Детгизе» мне ещё всучили рукопись на рецензию, отказаться было нельзя – это из той самой редакции, которая издавала «Тёплый дождь».

Денег мне не шлют ниоткуда. Беда. Иринка мне не пишет, видать, считает, что писать мне необязательно. Таковы дети! Что будет дальше?

Виктор

⁶² сокурсник В. Астафьева по Высшим литературным курсам. – Сост.

1962

9 июня 1962 г.

(А. М. Борщаговскому)

Уважаемый Александр Михайлович!

Не знаю, принято или нет благодарить критиков за рецензию, но мне очень захотелось это сделать после прочтения Вашей статьи о моей книге.

Я не так уже молод по годам и по творческому стажу (мне 38 лет, из них 10 я работаю в литературе), но ещё ни разу мне не доводилось прочесть о моих вещах столь заинтересованные и добрые слова. Не отписку, не «отклик», а именно заинтересованную статью. Вы написали, пытаясь дружески помочь автору, не избалованному вниманием, разобраться в своей писанине и в самом себе.

Конечно, с чем-то я и не согласен в Вашей статье, кое-что и сам «нащупал» и мог бы раскритиковать некоторые свои вещи шибче Вас, но не это главное, главное, что Вы читали мою книгу не равнодушно, и это дорого мне больше всего.

Спасибо Вам за добрые слова и за внимание! Желаю Вам здоровья и творческих радостей, которые не так уж часты в нашей жизни, и эти слова, слова благодарности написаны в минуты настоящей радости.

Всего Вам доброго! С приветом, В. Астафьев

29 октября 1962 г.

(А. Н. Макарову)

Уважаемый Александр Николаевич!

Наше эпистолярное знакомство началось с довольно-таки чудных странностей. Книжку Вам отправляла моя жена. Сам я спешно уехал на север Урала и забрался к чёрту на кулички. Аж на Кваркуш – это одна из самых больших вершин Урала, и там, на склоне его, находятся изумительные альпийские луга. Проездом был и в Березниках. Это сейчас большой, красивый и самый зелёный город в нашей области. В нём есть даже телецентр, сами понимаете, построен он не только для развлечения трудящихся.

Когда я вернулся чуть живой из похода, посмотрел на квитанции почтовые и ахнул. На одной квитанции стояло вместо «Макаров» – «Марков», такая малюсенькая опечатка, а так как я всех наших Марковых не очень люблю, мне было вдвойне не по себе.

Вскоре из Чусового я уехал (мне наконец-то дали квартиру в Перми) и так и решил, что книжка затерялась.

Письмо Ваше пришло давно, а в моём прошлом жилище поселились татары, которые на это дело смотрят с философским спокойствием: получит или не получит человек письмо, от этого, мол, в мире ничего не изменится.

И вот лишь вчера письмо Ваше мне привезли. Такая вот прелюдия!

Спасибо Вам за добрые слова. Сейчас я пишу повесть о детдомовцах⁶³. Годы сложные – 37-й в основном. Хочется написать правду, а правда тех времён страшная. Особенно страшна она была для детей, которые совершенно не понимали, что происходит, и, лишившись родителей, кричали: «спасибо любимому...» В общем, не хочется писать о сиротах так, как было писано в книжках с заголовками: «В родной семье», «Одной семьёй» и т. д. А так, как хочется, не очень-то получается, вот потому, наверное, мне и показалось, что Вы

⁶³ речь идёт о повести «Кража». – Сост.

меня перехваливаете. Но похвала ко времени – это для россиянина как яичко к Христову дню, и Вы приободрили меня здорово. Поднатужусь и, глядишь, одолею эту повесть, которой болею давно и которую охота написать хоть немного лучше предыдущих. Тем более что книжка «Звездопад» уже отошла в прошлое, живёт отдельно от меня, и многое в ней кажется наивным.

Попутно с «серьёзными» вещами я всегда пишу маленькие вещи о природе, вроде стихотворений в прозе – это для отработки слова, интонации, для тренировки глаза и памяти. Набралось их порядочно. Я собрал их в книжку и издал её в Свердловске под названием «След человека». Книжку мило издали, и я Вам её потом привезу или пришлю. Мне прислали анкету на совещание молодых. Если утвердят – приеду. Я говорю «если», потому что молодым уже не могу себя считать – мне 38 лет.

Буду рад познакомиться с Вами и, если Вы любите деревню, пригласить Вас когда-нибудь порыбачить в полунищее село за Камским морем, где я купил себе хату и бываю там, когда время позволяет. Картины там, правда, более грустные, чем в наших книжках. Всё заросло репьем и быльём, как в рассказах Бунина, только не было у него слов: «колхоз», «бригада» и плаката, написанного на старых газетах: «Мы за мир!» Это, так сказать, «приметы нового». Ну, да бог с ними, с такими мыслями, иногда от них и устаёшь. Ещё раз спасибо Вам за письмо и за тёплые слова.

Желаю Вам доброго здоровья и крепко жму руку. Ваш В. Астафьев

1962 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Спасибо Вам за доброе письмо. Оно пришлось как-то здорово кстати. Навалилась меланхолия, и не писалось, а всё только думалось. Может, виной тому были события в маленькой далёкой стране, которой, как пешкой, решили сыграть сильные мира сего. И слава богу, что не «принесли её в жертву», как писала одна датчанка потом в газете «Известия». И без того слишком уж много было жертв на нашей памяти только.

Вышла моя книжка⁶⁴, та, о которой я Вам писал. Раз Вы человек деревенский и любите природу, я и дарю Вам её на память. Затоскуете зимой в городе и полистаете вторую часть её, и может, она окажется хоть маленьким свиданием с простыми человеческими радостями, которые приносит нам природа. Она в этом деле безотказна и почти никогда не приносит горя. Возблагодарим её за это!

Вещи в сборнике собраны за много лет и потому неравноценны, но я шлю Вам книжку для дружеского прочтения и надеюсь, Вы будете снисходительны к моим, может быть, излишним восторгам и моему трепету перед каждым кустиком и зарёю, которые сплошь и рядом в книжке и, наверное, станут утомлять и даже раздражать. А может быть, и нет? Книжка-то моя, и судить мне о ней трудно. Словом, мне хотелось, чтобы она рождала в человеке только светлые чувства, хотя есть там вещи и шибко пессимистичные.

Повесть пишу. Туго, но продвигаюсь вперёд, авось и получится что. Пока судить не берусь. Таких сложных вещей ещё не писал.

Прочитал «Зиму тревоги нашей». Стейнбека я любил и раньше, за «Гроздь гнева» и в особенности за «Жемчужину», а теперь просто боготворю его. Вот ведь как «просто» умеет писать человек! И это ещё перевод, а как, поди, здорово в оригинале!

Да, после таких книг почешешь, почешешь думалку и начинаешь листать написанное и вдруг убеждаешься в собственном убожестве. Коварные эти мужики, мастера-то, нет-нет

⁶⁴ сборник рассказов «След человека» в Свердловском книжном издательстве. – Сост.

да и вышибут из седла самоуспокоенности, шпыняют под бока, гляди, мол, как надо писать-то. Ну, авось да небось, и мы свою полоску вспашем. Если в это не верить – пропадай моя телега, все четыре колеса! Может, я чего и не так написал, извиняйте. Немножко рад книжке. На рыбалку вот съездил и под настроение Вам написал.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего доброго. Ваш В. Астафьев

Сегодня прочёл Солженицына в «Новом мире». Потрясён. Радуюсь. За литературу нашу радуюсь, за народ наш талантливый и терпеливый.

1963

4 января 1963 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Извините, что отнимаю у Вас время, но по пустякам я бы не стал этого делать. В Перми живёт Ольга Александровна Волконская (далёкая и дальняя родственница знаменитых российских Волконских). Она была дитём вывезена за границу в смутное время и моталась по всему свету, как по Старому, так и по Новому. Там и выросла. Мечтала вернуться на Родину и вернулась. Она пишет. Печаталась за границей в прогрессивных изданиях. Печатаётся изредка и у нас. В частности, подборка её рассказов была напечатана в журнале «Урал». Наше Пермское издательство решило напечатать книгу её вещей. И вот несколько лет не может осуществить этого дела, и всё из-за того, что автор вернулся из дальних палестин. Наконец-то её оставили в плане, эту книгу, но, чтобы перестраховаться, «общественность» требует рецензии «сверху», т. е. от Союза писателей из Москвы (мы не пророки в своём отечестве), и вот теперь нам стало известно, что эту рецензию заказали Вам.

Александр Николаевич, если рукопись Волконской заслуживает того, чтобы её было возможно поддержать, поддержите, пожалуйста. Я пишу Вам не с целью оказать какое-то давление (как это пишется в газетах), а просто в порядке участия в судьбе этой очень культурной и в общем-то совершенно незащитной женщины. Она, конечно, счастлива и тем, что имеет – Родину. Но раз уж она пишет, и пишет не хуже, а лучше многих авторов, издаваемых нашим областным издательством, то как-то и неловко держать её в тених и затирать лишь из-за того, что она имела несчастье родиться в семье дворян, а не пролетариев.

Рукопись Волконской называется «Фиалки и волки», если это не против души, помогите и нам, и автору. О чём любезно прошу.

С уважением, В. Астафьев

P. S. Я много работаю. Начерно закончил повесть и теперь обстругиваю её. Думаю к лету доломить окончательно. Получилось вроде, чем и счастлив.

27 января 1963 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Я только что вернулся из знакомых Вам Березников. Была там передача по телевидению, и мне пришлось первый раз в жизни моргать от яростных ламп и глядеть в пустоту, разговаривая с читателями. Занятие не из приятных.

По возвращении домой прочёл в «Лит. России» Ваши заметки о моей книжке⁶⁵. Мне даже и не хочется их называть рецензией. Очень мне было приятно прочесть Ваши раздумья о книжке. Смущало одно: пославши Вам книжку, я вроде бы напросился на «отклик». Ну, может, это смущение проистекает от «провинциальности» или от «божьего человека», как обозвал меня однажды в Москве один бойкий поэт «из обоймы».

Я всё бьюсь, штурмую повесть. Задачу я себе задал почти непосильную. Работаю тяжело. Нервы уже на исходе. Усталость страшная. Вы мне помогли, поддержали рабочий тонус, и за это самое большое спасибо. Как и всякое яичко дорого ко Христову дню, так и Ваши заметки пришлись ко времени. Возможно, мне удастся захватить уже что-то более или

⁶⁵ речь идёт о рецензии А. Макарова «Прочитав «След человека» в «Лит. России», 1963, № 3. – Сост.

менее читабельное с собою. Черновики я, правда, не люблю читать и показывать, но в этой повести много такого, о чём надо бы посоветоваться. Словом, если ещё раз два или три перенесут совещание, и я уже приеду с почти готовой вещью.

С Волконской всё обошлось хорошо. Моего вмешательства не потребовалось. Достаточно было рецензии «сверху», и всё. Книгу её уже редактируют.

Ещё раз спасибо Вам на добром слове. Ваш Астафьев

23 апреля 1963 г.

Пермь

(А. М. Борцаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Поздравляю Вас с праздником весны. Знаю, что отравили Вам эту весну, клюют в темя птички-невелички. Ну, да кого у нас не клевали, не клюют и не клюнут! Авось переживём! Держитесь! Сожмите крепче кулаки, зубы стисните – это помогает.

Посылаю Вам любопытную заметку из нашей областной газеты о Вашем фильме. Кинотеатры у нас забиты. Я едва попал на фильм. Публика реагирует на события самым живым образом. Успех фильма у зрителей очень большой, но прессы на нём я не видел. Неужто от того, что Вы в «опале»? Ай-яй-яй! Что ж подделаешь. Нас тут, меня в частности, тоже помаленьку «прорабатывают», да я плюю на всё, работаю с удвоенной энергией, чего и Вам желаю. Крепко жму руку.

Привет Вашей семье. Ваш В. Астафьев

Май 1963 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Нонешний Касьян какой-то тяжёлый для всей земли – жара, землетрясения, бури, тревоги и масса черёмухи. Не к добру, говорят!

У меня год этот исключительно тяжёлый. Не успел я вернуться из Ессентуков и пережить обострение, как тяжело заболели жена и её племянник, воспитывающийся вместе с нашими ребятами. И у жены, и у племянша дело подкатывало к смерти от менингоэнцефалита. Леса заражены энцефалитным клещом до безобразных размеров. Больницы наши были забиты людьми совершенно разбитыми и надолго выведенными из строя с последствиями на всю жизнь. Были случаи укусов клещами даже в городском парке. Вот так природа мстит за истязание и разбой, учинённые нами.

Есть такая малая птица синица-московка. Она питается исключительно этим клещом и съедает его, говорят, до 45 кг в год. Но она любит боровые, густые леса, и в вырубленных, захламлённых местах не живёт. Её на обрубленном Урале почти нет, встречается только на севере и изредка возле нас, и вот, пожалуйста, не стало птицы малой, и пошёл мор на людей. Когда только у нас и научатся понимать и осмысливать цитаты, хотя бы того же Энгельса, насчёт того, что к природе надо притрагиваться осторожно, иначе она отомстит.

А какая уж тут осторожность. Весь Урал обрубил, засрала, разгромили на века. Куда ни сунешься, везде брошен лес, везде хлам непролазный и лесная зараза.

Но Вы всё-таки не бойтесь и приезжайте в августе или сентябре. Действие клеща кончается в июле, в конце, и я как охотник и рыбак ещё могу сводить Вас в неразбитые места. Кроме того, в деревушке, где я обычно обитаю, есть речушка с хариусами. Но их так быстро истребляют, что ныне я уже с трудом налавливаю на уху. На будущий год ещё, видимо, буду налавливать, а там уж на уклею, окунишек и ершей перейду, да ещё на лещей, ловить

которых не люблю, но развелось их в Камском море дивно и никуда не денешься, придётся превращаться в лещатника и ждать часами, ждать поклёвки. А я люблю побегать по речке, похитрить, поругаться и обмануть харюзишку. Вкусен, собака, и ловок! Ловить его дело хитрое, но и наслаждение ж!

Писать я нынче совсем перестал. Повесть никак не могу добить. Вовсе выбит из колеи. Сейчас вот жена уже дышит и начинает печатать. Я для разгона написал эту штучку, что кладу Вам в конверт, и ещё рассказ сделал на лист. Его посылаю в «Урал», там обещают быстро деньжонки заплатить. «Хлебозары» посылаю Вам просто так, для прочтения. Всё пробую «звук» отработать и писать, как наши славные россияне писали стихи, – складно и со смыслом. А то уж больно много развелось у нас модных прозаиков и, как ни странно, поэтов, которые пишут спустя рукава, оставляя писательскую работу в стороне. Стихи пишут длинные, нескладные. И для кого только? Вон Рождественский уж метрами стихи выдаёт. В каждом журнале его самодовольная личность. А стихи? У нас в детдоме говорили: «Ни складушки, ни ладушки, поцелуй её с задушки», так, видно, про такие стихи. Главное – ребятишек развращают. В провинции косяки студентов ходят со стихами, где развязность и хилософия заменяют всякий смысл и поэзию.

Ну, я чего-то разбрюзжался! Бывает.

Как мне хотелось бы сделать хорошую повесть! А сейчас вот заглядываю в рукопись, и всё кажется плохо до того, что и работать над нею не хочется. А знаю – надо себя изнасиловать, заставить. Ну, авось и перемогу себя, авось чего-то и получится.

Как Вам там живётся, в Тарусе? Как пишется?

Я весной, если – тьфу! – ничего не случится, поеду в город Белев. Я оттуда начинал воевать и, наверное, смогу и на Тарусу посмотреть – это, по-моему, по пути? А пока везу больную жену в деревню и вынужден буду ещё долго находиться при ней неотлучно. Она у меня мировая баба. Мы женились ещё в 45-м. Она тоже была в армии. Много перенесла. Умница, хлебосольница, и вот говорит – бог шельму метит, пока всё наоборот, всё наоборот.

Чего-то я Вам наворотил тут?

Желаю всего, всего доброго. Всегда рад Вашим добрым и душевным письмам. Читаю их и перечитываю. И всё больше и больше хочется встретиться и покалякать. Ну теперь, буду если в Москве, так дозвонюсь уж.

Жму Вашу трудовую, Виктор

4 июня 1963 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Я тоже был в деревне и провёл там всю весну. Это было для меня большим праздником и счастьем. Надышался, насмотрелся, отдохнул, посветлел душой и головой. Стало легче дышать и работать.

У меня куплен некорыстный домишко в умирающей, полузаброшенной деревушке⁶⁶. Рядом с домом речка. Ловлю в ней хариусов. Негусто, но ловлю. Пейзаж там чуть уральский, и больше среднероссийский: бугры, перелески, поля, но главное – чудная, студёноводная речка. В километре от деревни так называемое Камское море, захламлённое лесом деловым и смытым с берегов. Миллионы кубометров болтает волнами по морю уже несколько лет, и в окрестностях дорубают остатки и бросают их в воду – плавать, как бы специально, колоть нам этими огромными занозами глаза, чтоб мы лучше видели, что ли.

⁶⁶ деревня Быковка под Пермью. – Сост.

По возвращении прочёл Вашу повесть. Хорошая повесть. Зря Вы насчёт неё оговаривались. У меня есть свои претензии к ней, но они чисто вкусовые и субъективные, разумеется. Меня несколько подавило мастерство её. То есть она настолько гладко сделана в смысле писательского мастерства, что нигде и не споткнёшься. Это, наверное, хорошо, но это же и настораживает.

Я подумал, прочитавши Вашу повесть, кажется, впервые глубоко подумал о том, что критику начинать писать, пожалуй, даже труднее, чем обыкновенному смертному. Критик уже слишком хорошо знает, «как надо». Вот поэтому, видимо, Вы так строги в письме, а местами и очень сдержанны. Я люблю строгое письмо и считаю лучшей книгой о прошедшей войне лишь строгую, «железную» книгу Рихтера «Не убий». Он нет-нет да и «сфулюганит», вроде и не к месту «сфулюганит», вроде бы и переохмтит где-то, а читать как-то свободно, хорошо и радостно.

По душе мне и однобокий Ремарк, особенно его роман «Возвращение», хотя по стилю и по многому другому он мне чужой, а вот рассказывает о солдатах, о чужих, о немцах и вроде как обо мне. Целую страницу дует, собака, о том, как солдат помочился после войны и как струйка «серебром блестела под луной». Как будто озорует, но я-то понимаю, что именно вот так вот и можно помочиться с удовольствием, не стоя на коленях в окопе, и это заменит много сцен, написанных иными умильными писателями о том, как почувствовал себя солдат, увидев после страшных боёв дом родной, папу и маму, да ещё бабушку.

Но самым великим, самым моим любимым, моим богом является всё же Достоевский.

Чем больше читаю его, тем больше низко кланяюсь земле нашей русской, которая родила такого писателя. Нет у меня слов и чувств, которыми можно было бы выразить моё отношение к Достоевскому. Благоговение! У меня есть его десятитомник.

Я иной раз гляну на полку с книгами, и мне заплакать хочется. Кто я такой? А обладаю таким сокровищем! Вот могу запросто подойти и притронуться рукой, а это ж святыня!

И он дал мне такое счастье – прикоснуться к такой святыне! И чем хуже дела на земле, чем больше страдает человечество, тем чаще и чаще тянутся руки к «Карамазовым» – этой книге книг.

Да что я Вам всё это говорю! Вы же русский человек, и в Достоевском вся наша боль, все наши муки, все наши слабости и наше величие, и потому он до боли близок всем нам, хотя и обещает неутешительное будущее, но в этом не его вина. А если он был объективен, каковыми мы уже не умеем быть, и страдал за всех разом, то надо только удивляться крепости его сердца. У всякого другого человека, так постигшего мир и людей, сердце этого не выдержало бы и разорвалось на клочки.

Ну вот, увлёкся.

Возвращаюсь к повести. Здорово всё сделано, что касается отношений Маши и матери. Тонко сделано. Хорошо завершено, не сусально. Отец – мужик хороший, и вообще народу хорошего в повести много. Сочно, со вкусом и смаком написан север. Удивила меня лишь несколько раз повторенная фраза отцом Радика: «Алеут тоже человек!»

Я знаю немного этих бойе. Чтобы он так заговорил, надо сильно его обидеть. В повести не хватает сцены и куска, либо этот выкрик висит в воздухе. То, что его отправили как алкоголика «в отсидку», ещё ничего не значит.

А вообще после прочтения повести потянуло снова на север. Дружно там живут, семейно, и отношения сохранились ещё святые, не загаженные мелочами. Может, и соберусь ещё когда.

Послезавтра, точнее завтра, к нам приезжают латышские писатели и в придачу несколько москвичей. Судя по программе, хотят «изучить жизнь». Пока они её, грешную, будут «изучать», нам придётся с ними хороводиться. А потом я снова уеду в деревню, на

всё лето. Буду бывать в городе лишь наездами. Сделаю ещё один заход на повесть, после которого как-то надо решать и её судьбу.

Повесть⁶⁷ к августу или в августе я добыю. У меня к Вам большая просьба. Не сможете ли Вы её прочесть после того, как я её доделаю? Очень бы хотелось дать её Вам, прежде чем начинать определять её в журнал какой-то. В какой – я ещё и сам не знаю. «Уралу» её не осилить, зубаста она для него. А главное не это, главное, мне бы хотелось кое о чём посоветоваться с Вами. Если у Вас будет время в августе и желание прочесть рукопись, напишите, куда Вам её послать, и тогда я напишу обо всём, что меня тревожит, и о чём бы я хотел посоветоваться с Вами как со старшим товарищем.

Я, наверное, утомил Вас своим письмом? Почерк у меня очень уж аховый. Но так хотелось поговорить, да всё равно в письме всего не испишешь, да и не умею я их писать. Как-то сумбурно у меня всё получается. Ну, может, нам доведётся когда-то и так встретиться и поговорить очно. А пока всего Вам доброго. Здоровья и хорошей работы.

Крепко, крепко жму Вашу руку. Ваш Виктор

P. S. Читал Вашу статью в «Литературке». Читал в деревне и потом целый день ходил в лесу и думал. Да, молодым быть трудно, и не только в Риме или Стокгольме, и у нас тоже...

16 июля 1963 г.

Пермь

(А. М. Борцаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Я так рад Вашему письму! Его долго не было, и я уж подумал – не обидел ли человека, которому и без того тошно. А обижать и бить людей я уже не могу, хотя и делаю это иной раз произвольно. Такая жизнь.

Лет шестнадцать назад я ударил человека кулаком и с тех пор дал слово никогда не прибегать больше к этому способу действий. Может, оттого, что это произошло при мерзких, низменных обстоятельствах, а может, оттого, что в детстве приходилось отбиваться часто, чтобы выжить. Из рукописи, которую я пришлю Вам, скорей всего, в начале сентября, Вы всё это увидите.⁶⁸

А человека я ударил за кости. Да, да, за кости с колбасного завода. Привезли их в наш цех на делёжку, как «допитание», и начальство выбрало все мозговые кости, а нам оставило рёбра. Жена у меня лежала в больнице с умирающей маленькой дочкой, и ей не дали карточку. Есть было нечего. Дочка умирала от того, что её нечем было кормить, и умерла. А мы с женой (она тоже с фронта – коммунист, на войне и вступила в партию) такое горе мыкали – не приведи господь. И вот горе, беды и, главное, унижительное сознание того, что я, мужчина, не могу содержать семью, прокормить её, заставили поднять руку, и я дал в рыло начальнику цеха. А он парень-то тоже с фронта и потом жил хуже меня. Я пятнадцать лет встречал его на улице в Чусовом, и все эти годы мне было стыдно до чёртиков. Хоть бы он буржуем стал, тогда другое дело, а то такой же «пролетарья». Словом, с тех пор – всё, хотя иной раз и хочется взять по детдомовской привычке стул и обломать его об иную голову.

Живу я всё в деревне безвылазно. Погода у нас нынче одурела. В начале лета и вот уже больше месяца стоит куда тебе с добром. Всё растёт, цветёт, радуется, хлеба в рост. Хариусы клюют помаленьку. В деревне тишь и благодать.

Работаю много. Повесть уходит всё вглубь и вглубь. Не знаю уж, как и вынырну я из этой глубины. Бессилие иной раз охватывает. Не хватает грамоты, культуры, и отсюда – мас-

⁶⁷ «Кража». – Сост.

⁶⁸ речь идёт о повести «Кража». – Сост.

штабное мышление. Обруч какой-то в голове и на сердце. Ломает его – буквально. Стараюсь плюнуть на всё, ан воздухом-то дышать каким? Вот и не удаётся превозмочь себя до конца. А надо бы! Надо бы! Сколько надо рассказать! Сколько осмыслить!

Гнали мы в прошлом году с замечательными колхозными ребятишками на альпийские уральские луга скот. Я написал об этом очерк и попросил «уделить внимание» ребятишкам, которые бескорыстно, в разбитой обуви, худой одежонке ходят к чёрту на кулички в дождь и снег, помогая колхозу, а потом всё лето работают на полях.

«Взяли!» Журнал «Уральский следопыт» наградил школу грамотой, какими-то значками и пятью путёвками на слёт юных следопытов. Повезу их (путёвки) сам. Завтра и пора-дую село и ребятишек. Пусть хоть пятеро из них посмотрят кусочек света, поедят как следует. Ехать далеко на север области, но надо.

Я помню, как валялся на полу столовой одного дома творчества откормленный выродок, пинал в морду маму, плевал на официанток и кричал: «Я – внук Прокофьева!» И не могу с тех пор бывать в этих домах и очень хочу, чтобы кусочек сладкого пирога, хоть маленький, достался тем ребятишкам, которые его заработали, зарабатывают, но в глаза не видят.

Сегодня ночью я прочёл повесть своего друга по курсам, Анатолия Знаменского. Не слышали о таком? Это очень талантливый человек, и повесть его где-то посильнее «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына (она об этом же, но «припоздала»). Советую Вам достать его книжку рассказов «Прометей № 319» и прочесть там два рассказа: «Прометей» и особенно «Песнь песней». Остальное написано давно, случайно и «для хлеба». Нынче в «Урале» печатается его роман «Иван-чай», но повесть, которую я прочёл, сильнее всего. Он в 64 страницы «уложил» столько, что диво-дивное. В общем, не бедна земля наша талантами, да таланты-то на неё ропщут – неласковая, неподатливая. И сколько её роют, а всё тверда!

Статью о Достоевском прочту непременно, как вернусь домой. Я очень хочу во многом разобраться и не могу.

Пишу между «серьёзными делами» для ребят. Пишу с удовольствием, даже с наслаждением и на этих вещах «отдыхаю».

Ну вот пока и всё. Как хорошо, что Вы «появились» и я могу поговорить с Вами хотя бы в письме.

По существу, люди мы все очень одинокие. И страдаем, и радуемся, и даже боремся (чаще с собою) в одиночку. Как я завидую тому, что Вы – таким кругом! – читаете рукописи. А здесь провинция. Здесь зависть и напоольные интриги. Печатаюсь вне Перми, по существу, я один. А есть «свои классики», как и во всякой другой области. Выдают в год по пятидесятилистовой книге, и их, видите ли, не замечают! Что-то не то! А в общем-то, чепуха всё это. Каждый художник прежде всего сам себе судья. Ругаюсь я тут. Зуботычины, в виде рецензий, даю градомётом. Прикормили их возле литературы, как собак возле бойни.

Я тут ещё уполномоченный Литфонда. Ну и кормушка ж это! Обобрали меня как липку. Все «фонды» раздал, и скоро мне влетит «сверху». Ну, глядишь, «с поста» сымут за растрату. И то добро.

Всего Вам доброго, Александр Михайлович! Хорошей погоды! Хорошего клёва в прямом и переносном смысле! Крепко жму Вашу руку. Виктор

*Ноябрь 1963 г.
(И. Степанову)*

Дорогой Иван!

Когда русский человек говорит слово «вознёсся» или «зазнался», то он сразу ставит себя в положение обвинителя, а тот, кому он это говорит, следовательно, должен оправдываться и таким образом доставлять некую усладу обвинителю. Ни перед тобой, ни перед

кем другим я оправдываться не собираюсь, ибо вина моя перед людьми, и в особенности перед литераторами, которые начинали писать вместе со мною, либо гораздо раньше, вина моя перед ними состоит лишь в том, что я больше и лучше их работал. С некоторых пор друзьям моим прошлым и настоящим стало доставлять удовольствие говорить мне гадости, в особенности тем, кто принимал и принимает литературу вроде приятельской забавы. Я же давно знаю, что она не забава, а одна из тяжелейших работ на свете, и отношусь к ней только как к работе, а не к способу показать миру свою персону и удивить мир ею, а следовательно, ни «возноситься», ни фарисействовать мне некогда.

Кроме того, я два года живу в Перми, а до этого два года учился в Москве и никаких писем от тебя не получал. Если бы получил – можешь быть уверен, ответил бы. Я отвечаю на каждое письмо, и умное, и глупое, иной раз от сна отрываю часы, но всё равно отвечаю, дабы не давать лишнего повода думать о пишущей братии плохо и разносить по свету мещанские гадости. Я сужу о писателе по его произведениям, тут он весь на виду – это же советую и тебе делать.

Будь здоров. Виктор

12 декабря 1963 г.

(И. Степанову)

Иван!

Ты попал со своей открыткой не в добрый час.

Я приехал домой из Ялты (заболел там 8 ноября, а 9-го выехал). Хотел проехать Москву, но там как раз должны были принимать в Союз рекомендованного мной мужика и попросили остаться, так как его шансы были не очень. Я остался совершенно больной, аж на целых четыре дня, а потом выдержал бой на приёмной комиссии, заступаясь в лице подшефного за всю периферийную литературу. Его приняли, а я глотал валидол, на том и до дому доехал.

Тут сей друг с радости напился и немедля наговорил мне гадостей. Он мог их говорить на том основании, что переехал из подвала в новую квартиру. Её выхлопотал тоже я, как депутат и как уполномоченный Литфонда. Деньги литфондовские вкладывал в кооператив, на свой риск и страх. Он приходил потом извиняться и плакаться, потому что ребята ему рассказали всё же, как я бился за него в Москве и как добывал квартиру. Говорит: «Не знал, что так могут ко мне относиться». То есть думал, что уж если что для него сделал на копейку, так орать должен, что на рубль – это у нас заведено. Ну, махнул я на него рукой, контуженный он, да и «осознал» вроде.

Вот в сей период, лёжа в больнице, я тебе и накатал то злое письмо. Отвёл душу на тебе, ибо жены дома не было (она тоже была в больнице на очередной женской операции). Извинения не прошу, потому что считаю тебя мужиком, хотя и передёрнуло меня на словах «отвода не жду», это кокетство «бедного» периферийщика.

Меня обещают вылечить за полмесяца, печёнка и сердце у меня разболтались, и ещё голова шумит, ну к этому-то я привык. Думаю к новому году выбраться отсюда. Нервы подкреплю и прочее, а то уж и жене доставаться стало, а она у меня такая женщина, каких не на всяком меридиане земного шара найдёшь. Редкостного ума, такта, душевности и готова за меня голову свою отдать и сердце вынуть, если надо. Это не красивые слова, а правда. Только я ей никогда их не говорил – стесняюсь, а вот вернуть, пока не слышит, что-нибудь «творческое» – это ничего.

Работы много. Готовлю книжку в библиотеку «Огонька», сборник рассказов в «Советскую Россию» и, главное, к марту должен сдать в журнал и издательство «Молодая гвардия»

новую повесть⁶⁹, над которой бьюсь с 1961 года. Вещь уже читали, но предстоит большая доработка. Очень вещь серьезная. Действие её происходит в Игарке.

А ты, значит, в драматургию ударился?хлопотное, не очень благодарное и не для всех хлебное дело.

Ну, бывай! Привет семье. Виктор

⁶⁹ «Кража». – Сост.

1964

11 февраля 1964 г.

Пермь

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Вы, наверное, уже в Чехословакии? А у нас нынче хорошая сухая зима, тем не менее и до нас докатилась какая-то страшная эпидемия гриппа. Все медики на ноги поставлены. Не упася и я от болезни. Лежу вот уже пятый день, правда, не с гриппом, а с ангиной, но тоже хрен редьки не слаще. Единственное преимущество перед гриппом – можно читать и писать хотя бы письма. Вот я и пишу по письму в день.

Я очень рад, что Вы на меня не обиделись за то, что я не зашёл к Вам в Москве. Ну, да Вы ведь не провинциал и всё понимаете, как надо. И, наверное, хорошо, что Вы не остались на съезд. Право, всё это уже и утомительно, и удручительно не только для пожилого человека, знающего к тому же театр и основы, по которым создаются спектакли.

У меня самочувствие не очень-то хорошее. Перво-наперво устал с повестью и ещё потому, что распорядился я ею глупее некуда. У меня была телеграмма из «Нового мира» насчёт рукописи, но тут товарищ мой прислал мне письмо о том, как долго читали там его рассказ, как нудно редактировали, и я заколебался. Дело в том, что в издательстве «Молодая гвардия» повесть перенесена из 1963 года в первый квартал нынешнего года и мне, следовательно, нужно было поспешать. Бах! – письмо из «Знамени»: «Помним, любим, быстро прочтём и т. д.». Я всади́л им рукопись (хотя знал, какой это занудливый журнал, в смысле прочтения рукописей авторов, не являющихся секретарями и членами) и, конечно, попал на уд.

Сначала всё шло быстро и хорошо. Прочли, дали редакционное заключение работники отдела прозы и Александр Николаевич Макаров, член редколлегии. И вот уже скоро три месяца, как повесть в «Знамени», и начальство никак не соберётся решить её участь. Дней десять назад была телеграмма о том, что собираются обсуждать на редколлегии днями, и снова молчок.

Всё это может кончиться весьма печальным результатом – повесть не современная, не военная, и на этом, да и на любом основании мне могут отказать в «Знамени», и тогда я останусь вне журнала вообще, потому что издательство уже махнуло на меня.

Ну, век живи, век учись и так далее...

Ещё занимался киносценарием для ребят. Очень неуверен был, принимаясь за эту работу, ибо начитался статей о специфике, ракурсах, фокусах и прочем. Плюнул я на всё это и стал писать сценарий как литератор и кинозритель, умеющий кое-что запомнить, увидеть, кинозритель, в жизни которого кино играло, пожалуй, главную роль в смысле воспитания и отравления организма, просвещения и отупления – всего вместе.

Недавно приезжали ко мне на денёк режиссёр и редактор из студии, и оказалось, что я вполне владею этой «спецификой», ибо, сказали они, «самая наиглавнейшая специфика наша – это достоверная жизнь, а она в сценарии есть, а как снять, кверху ногами или на лету, это уже не ваша забота». Ну, тем и успокоили. Теперь буду работать уверенней. Вот только поправиться бы, и возьмусь за сценарий, потому что с повестью в очередной раз разделался (опять надеюсь, в последний).

Читал я всю полемику с Солоухиным. Я и по его книгам, очень талантливым, убедился, что он бессовестный человек, а теперь это моё мнение подтвердилось дискуссией. Мало того, он не просто бессовестный, он заигравшийся, беспардонный демагог, которому ради красного словца не жаль матери-отца.

О многом и многом мне хочется и надо с Вами поговорить. В письме этого не сделаешь. Да и отдыхать Вам надо, а я ещё тут со своею нудной тоской.

Будьте здоровы. Не работайте там. Отдыхайте. Шлю Вам привет с родной земли. Виктор

1964 г.

Пермь

(И. Степанову)

Дорогой Иван!

Не так давно я был в Москве и однажды вернулся в общежитие литинститута, где постоянно останавливаюсь и где у меня много приятелей, и заорал: «Я был в гостях у счастливых людей!» Мне не поверили, и я сказал: «Бля буду!» Всё равно не поверили. Я действительно был в гостях у людей, которых можно назвать счастливыми, братия литинститутская, как правило, с такими сложными, исковерканными судьбами, что ей, да и мне тоже, не верилось, будто бывают счастливые люди.

Я как-то говорил, что почти каждый человек – это герой большого романа, в крайности повести, а есть такие, что и с них хоть трилогию пиши.

Так усложнилась наша жизнь, что человечешку этого мотает, мотает, треплет, треплет, что он бы и не хотел, да в куделю превратится.

Я знаю несколько приличных писателей, которые в расцвете сил и творчества бросили писать: «А зачем?» – спрашивают. И действительно, зачем? Вон у меня на полке стоит двести книг из серии «Жизнь замечательных людей», стоят сочинения титанов! – Толстого, Достоевского, Бальзака и многих, многих страдальцев «за будущее», за человека. И что? Лучше стал человек? Жизнь его устроенной сделалась? Он высвободил ум и себя от забот о насущном хлебе для творчества и великих дел? Да ни хрена подобного! Всё стало хуже и человек тоже. Эта двуногая скотина сама себя поставила к стенке и не понимает этого. Дошла до морали «сдохни ты сегодня, а я завтра», загрязнила и разгромила природу, то есть предала и ободрала своего лучшего друга. Наши титаны мысли все в гробу поперевертывались, поди. Даже Карл Маркс вшу бородой метёт, а на что уж был активный демагог, которому ради красного словца не жаль было не только матери-отца, но и всех нас, детей его. И кабы одного меня.

А я, если отлежусь, на съезд поеду, посмотрю ещё один спектакль в жизни со многими явлениями и замаскированным карьеризмом и пр., и пр. Может, когда и в Сибирь соберусь. Если всё изладится – летом уеду на Енисей и отдохну хоть. А пока бодрюсь, старина, в меру сил.

Обнимаю. Виктор

8 сентября 1964 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

В последнем письме Вы мне писали о болезни тестя и о том, что в Мещёре горят леса и вообще чёрт знает что делается. Я получил это письмо тогда, когда у меня в семье двое лежали в тяжком бреду и на грани, как говорится, от клещевого энцефалита. Впрочем, я и сейчас, когда все беды остались позади, шибко сомневаюсь в диагнозе, ибо ни у Марии, ни у племянника её, который живёт у нас, впившихся клещей не было. Видимо, это какая-то тяжкая разновидность менингита, но списывают всё на клещей, которые и в самом деле нынче свирепствовали у нас и отправили на тот свет многих людей.

И если бы у меня не было друзей и мало-мальской известности в городе, то и жена моя тоже бы побывала чёрт знает где, скорей всего, дальше ещё, чем Тёркин Вася. Больницы были переполнены, врачи в отпусках, и с трудом уж через облысполком удалось устроить в больницу Марию – там её и спасли, и племяш тоже поправился.

Сейчас уже больше месяца мы живём в деревне, и Мария хорошо поправляется, а я наконец-то смог работать над «Кражей». До этого, чтобы совсем не выйти из колеи, кропал рассказы – сделал три – один, кажется, ничего.

А «Кража» идёт очень и очень туго. Запутался я и заплёлся. И хотя время и советы, особенно Ваши, очень пригодились, всё же хвастаться особенно нечем. Что-то мне кажется в повести плохим, и от этого вещь разлюбивается, и я начинаю от неё уставать, а это уж плохой признак – устанешь, скомкаешь и отпихнёшь от себя. Пока сдерживаюсь и заставляю себя работать. В общем-то, вещь, конечно, сделалась получше, ещё заход-другой сделаю и, может, выведу.

Лето у нас стояло засушливое, но в середине августа грянул холод и всё помёрзло, и листья сразу начали желтеть. Сейчас начало сентября, а всё уже дышит глубокой осенью. И печаль какая-то кругом, растерянность. Я много хожу по лесу с ружьём и радуюсь тому, что могу вот так ходить, и думать о чём угодно, и жить вдали от шумихи, суеты и раздражительности. Правда, и съездить уж хочется куда-нибудь.

Может, глубокой осенью приеду с повестью в Москву, а может, и сборник рассказов редактировать в «Советскую Россию». Лежит там мой сборник скоро уже два года, и ни слуху, ни хрюку из издательства. Рассержусь, наверное, да отдам его в «Советский писатель». У меня оттудова есть письмо с предложением что-нибудь им дать.

А что нового у Вас? Как киносценарий и роман? Как здоровье домашних? Вы, наверное, из Кузьминского уже вернулись, поэтому я пишу Вам на столичный адрес.

Читаю сейчас книгу статей Леонида Леонова. Мудёр мужик, но и хитёр тоже. Вышла у меня книжечка «Перевал» на латышском языке – вот и все мои новости. Говорят, вышла моя повестушка «Звездапад» в Чехословакии, но книжку мне не шлют отчего-то. Может быть, Вы когда-нибудь поедете в Чехословакию или Ваши знакомые? Будьте добры, попросите привезти один экземплярчик, если книжка в самом деле вышла. Охота взглянуть.

Ну всего Вам хорошего. Пусть хорошо работается. Жму руку. Виктор

P. S. Дорогой Александр Михайлович! Только я дописал Вам письмо, прискакали мои ребята на воскресенье в деревню и привезли от Вас пакет. В письме я отписал Вам свои жития и теперь, естественно, мои вопросы насчёт Ваших дел отпадают. Удивляюсь Вашей работоспособности. Вы, наверное, очень организованный человек.

А Ваше сетование насчёт критики я полностью разделяю. Действительно, странно, что о Ваших книгах ни звука! Я, например, уверен был, что последняя Ваша повесть в «Нашем современнике» вызовет споры в печати, ибо в ней есть о чём поразмышлять и поспорить. Так нет, критики тоже ищут чего полегче и ни с того ни с сего поднимут вой вокруг какой-нибудь лабуды. Вспоминаются мне горькие строки из писем Вячеслава Шишкова, который тоже при жизни был у критики не в чести, да и сейчас, после смерти, его особо не жалуют. О Крымове или Горбатове пишут и говорят больше, а читают всё же Шишкова. Такая уж штуковина непонятная эта литература. Так работать, конечно, тяжело. Хорошо, что за границей издают Ваши книги и читатели знают – это, в общем-то, самое главное. И всё же можно было и отнять чуточку внимания критики, спорящей об Аксёнове или Вознесенском.

К сожалению, без критики и без внимания иные писатели совсем изменяются. Есть такой писатель Борисов в Свердловской области. Он задолго до Шолохова написал рассказ «Луна над ячменным полем» (и не хуже, чем «Судьба человека»), но его так мутузили «внутри» писательской организации, что приучили писать так же безлико, как и они, чтоб знал край и не лез за него, не выделялся, а был тоже сереньким и безропотным.

Или вот у Константина Воробьёва вышли повести и рассказы в «Советской России». Отменная проза – и ни гу-гу о книжке. Я не хочу утешать Вас этими примерами и пишу о них лишь только потому, что и сам недоумеваю и не понимаю многих вещей.

Пусть Вам хорошо работается – это главное. Виктор

4 ноября 1964 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Прежде всего с праздником Вас и всё Ваше семейство!

Я только что из деревни. Повесть таки добил. Стоило это огромных усилий и перенапряжения невероятного. Если б не глухое село, не добрая осень, не отринутость от суеты и ошеломительных новостей, мне не справиться б было с этой вещью. Не всё, но вывез я в повести. Есть прогибы, есть места, где не хватило силёнок, а точнее таланта, но чувствую, что вещь получилась, и только звон в контуженной башке да усталость не дают как следует порадоваться этой моей победе над собою (я ведь несколько раз про себя киксовал и решал уж отступить от этой вещи).

Дома я нашёл в газете рецензию на Вашу повесть. Наконец-то! Я тут даю её, повесть, читать всем своим знакомым. Всем она нравится (даже не то слово немножко), и все говорят, что сами ни за что не стали б читать повесть под таким названием. Уж очень оно безлико и вяло. Кстати, один мой знакомый писатель, который страшно обрадовался, прочтя Вашу повесть, и целую неделю толковал со мною о ней, сказал, мол, хорошо, что «Литературка» не напечатала ничего о повести Борщаговского, рецензируя прозу «Нашего современника». Я спросил, почему. И он, на мой взгляд, резонно ответил, что больше двух абзацев она не могла бы уделить повести, а о ней нужно писать много и так же умно, как сама вещь написана.

Свою повесть я отправляю в «Знамя» – обещают быстро прочесть. Кроме того, я печатался когда-то в «Знамени» и меня там ещё помнят, судя по письму, пришедшему из журнала. Если чего-нибудь не стрясётся, то числа 20—25 ноября приеду в Москву и постараюсь сыскать Вас, вот потому и пишу коротко, что надеюсь потолковать. Очно!

Желаю Вам нормальной работы. Всего доброго. Виктор

25 декабря 1964 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

В самое расслонявленное время, в самую мокропогодь был я в Москве. Приехал в великой душевной смуте, или, как нынче говорят, с депрессией, ибо, закончив повесть, обалдел от неё и устал. В Москве я немедленно подхватил грипп и жалел себя, такого одинокого и несчастного, всё мне хотелось плакать, и даже были и другие сентиментальные мысли и намерения. Естественно, что в таком чисто российском состоянии, когда чувствуешь себя несчастеньким и сладенько упиваешься этим, ни видеть, ни звонить мне никому не хотелось.

В эти дни приехал из Челябинска в Москву Володя Кузнецов (сталевар, лицом и волосом похожий на Есенина) и привёз полный чемодан стихов, нигде ещё не печатанных и никем не слышанных. Лёжа на кровати, я переслушал весь чемодан и был поражён и обрадован, что наша земля, даже неудобренная, нет-нет да и родит овощь, и здоровую. Парню 28 лет. У него невероятно трудная биография, твёрдый характер и почти зрелая уже муза. (Я кладу Вам в конверт один экземпляр его стихотворения – посмотрите!) Захотите – ещё пришлю. Каковы его дела в Москве, пока не знаю. Думаю, что не очень хорошие. Ототрут его плечами

удалые молодцы, знающие ходы и выходы, да и не по зубам многим нашим журналам будет его умная и мужественная поэзия.

Я знаю Валю Волкова из калужской деревни. Он пишет так, что сердце стонет от скорби за землю нашу, и потому его не печатают. Утешает единственное, что настоящий талант всё равно пробьётся... Но как подумаешь – сколько не пробились!..

Так и не дождавшись результатов с повестью, чуть только выздоровев, я укатил из Москвы. В моё присутствие «Кражу» прочли в «Знамени» Макаров и Уваров. Оба они «за», хотя и сделали замечания, но они сказали, что с ходу, по «зелёной», у них печатаются только секретари правления Союза, и тем меня утешили. Начальство повесть не читало. Обещало как будто прочесть и быстро сообщить, но вот новый год на носу, а ничего не слышно. Боюсь, что «Знамя» подведёт меня и я останусь с повестью вне журнала, ибо в издательстве прочли повесть, написали договор, и я с трудом уговорил издательство перенести повесть из 2-го в 3-й квартал.

Мой вояж в «Знамя», кажется, рассорил меня с «Молодой гвардией», где я постоянно печатался. Во всяком случае, там сделали вид, что обиделись на меня смертельно. Но, хотя обещали объявить меня в журнале на будущий год, и... «забыли», зная, что я работаю для них. Ну я, может, из-за гриппа, а может, из-за депрессии высказал им все свои обиды, а обиды мне наносились всякий раз, как я печатался, то в виде ущемлений гонорарных, то усекновений текстовых.

Словом, жизнь катится вперёд, и настроение моё уже подладилось, и я снова весь в работе, а Вы на меня не обижайтесь. Это уж свойство моего характера – появляться на люди бодрым и здоровым, а в болезни и несчастье уходить в себя, в одиночество.

Маня моя, слава богу, тоже шевелится уже, печатает и варит, и високосный год кончается.

Сегодня отправлю четыре листа в приложение к «Сельской молодёжи» (предложили мне там напечататься), отправляю «Звездопад» и два новых рассказа. В Чехословакии книга моя действительно вышла. Какие-то дальние знакомые купили её там и передавали мне об этом через дальних же знакомых. Так что я Вас очень прошу привезти мне книжку. Она вышла как будто в молодёжном издательстве.

Я избран делегатом на съезд, следовательно, в начале февраля мы увидимся. Я покажу Вам новые рассказы и себя покажу, хотя мне и стыдно будет немножко, но Вы уж не браните меня. Я тут столько крови испортил своей, пока поправил дела домашние, отбил от должности секретаря отделения и закончил повесть. Работа и спасла меня от многих бед.

Ошарашили Вы меня сообщением насчёт болезни Яшина и Залыгина. Они ж ещё молоды для писателей, и на тебе! Мор идёт по земле, повальный мор. Вот разом несколько знакомых доканчивает рак в здешних больницах. Весёленький век нам выпал!

А теперь поздравляю Вас с Новым годом и желаю, чтоб он лучше и легче был, чем нынешний, и чтоб работалось, работалось. Ваш Виктор

1965

16 января 1965 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Я нахожусь сейчас в «своей» деревне. По возвращении из Москвы ездил в Свердловск на совещание, которое, по-моему, никому не нужно было и пользы от него никакой. Только и пользы, что банкет, где все упились и наговорились.

Вернувшись домой, работал над «Кражей», но устал, плюнул на всё и рванул «на лоно». Хорошее оно, это «лоно», прямо слов нет и сказать, как тут тихо, снежно, голубо и здорово!

А тут ещё и удача. В первый день, как приехал, взял зимние удочки, спустился на речку и в первой же лунке поймал шесть хороших хариусов. Впервые в жизни поймал зимой хариусов, да ещё сразу шесть! Потом мы с сынишкой рыбачили ещё три дня, и поймал он всего одного хариуска, а я ничего больше. На том, видно, и кончилась моя планида или фарт. А вчера ударили морозы. Радио говорит – кратковременные. Посмотрим. Я времени не теряю зря. Сижу и делаю набросок киносценария, за который уже давно получил и проел аванс. В успехе дела я шибко сомневаюсь, но аванс отработаю и от повести отдохну. А это уж немало.

После праздника я давал телеграмму в «Знамя», просто чтоб подшевелить немножко «машину». Ответа нет. Я беспокоюсь очень. Ведь если меня забодают, я могу остаться вне журнала вообще, ибо «Молодая гвардия» в лучшем случае будет ждать меня до лета, а потом возьмёт за бороду.

Ну да бог с ней, с этой повестью! Не стоит о ней и говорить. Хорошо уже то, что я её опять перетряс, пересмотрел и дорабатывать заканчиваю. Глядишь, лучше и завершённое станет. Это не так уж мало. И потому уже я благодарен Вам и никак не могу «охладеть». Это уж Вы зря. Я так просто с людьми не расхожусь. Повесть повестью, а дружба дружбой. И не стоит говорить об этом больше.

Я – делегат съезда. Получил карточку, заполнил. Значит, скоро приеду и мы ещё где-нибудь посидим в уголке и покалякаем, и, глядишь, и выпьем на этот раз, отменим «сухой закон», навязанный жёнами. В Новый год я грипповал. А сейчас чувствую себя хорошо и только об одном жалею, что дела вынуждают через три дня покинуть деревню. Так бы и жил здесь век!

Обнимаю Вас! Виктор

1965 г.

(Жене)

Дорогая Маня!

У тётки Таси⁷⁰ я пробыл два дня, хорошо выспался. С тёткой Тасей наговорились досыта. Она живёт всё так же, по-моему, до завидного земно и покойно, вся в буднях – трудах да хлопотах, тоже земных и неприятзательных. Глядя на неё, я ещё раз убедился, что быть при земле и жить ею – есть высшее наслаждение и не всем ведомое счастье.

Спасибо за рукопись! Жаль, что тебе снова пришлось быть в суете и штурме. Мне бы и хотелось, чтобы тебе было спокойней и нетрудно, но ни я, ни семья моя не умеем этого делать и всё получается как-то не по азбуке, а больше по течению.

⁷⁰ тётка Марии Семёновны. – Сост.

Повесть всё ещё читают в «Новом мире», а вот рассказы вроде бы двигаются: «Индия» идёт в «Литературной России», «Заклятье» – в «Сельской молодёжи», а в «Огоньке» – про оленей, говорят – хорошо, но лучше бы про комбригады, а так может и не пройти.

На следующей неделе начинается семинар в Чите, и успею ли я к нему? А хотелось бы съездить, развеяться малость. Сегодня поеду в Союз и переговорю обо всём, попутно узнаю, не выкинули ли рассказ из «Нашего современника», сейчас всё может быть. Идёт новая облава на литературу, а облавливать-то уж нечего и некого. В среде литераторов кроме рвачей и бездарей полное уныние. Ждали послаблений, а тут фигу с маслом. Ходил в прачечную, хотел сдать пару белья в разовую стирку, да постеснялся, больно уж черномазые грузины и иже с ними держатся там по-хозяйски. А вокруг лебезят банцики. Противно смотреть. Рукопись посмотрю после машинки и тогда отнесу в «Молодую гвардию». Повести там и там, видать, будут лежать, пока не отпразднуют 50-летие неповторимой нашей и любимой власти. Ну, лежат не только у меня. А вот насчёт нового сборника рассказов на 67-й год я в «Советском писателе» договорился на 12 листов. Времени тут даром не теряю. Надо работать.

Целую, я

Март 1965 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Повесть я доделал уже больше недели как и что-то прихворнул опять – ангина прихватила, да какая-то непривычно тяжёлая. Сейчас уже поправился почти, но ничего делать не могу из-за неопределённости с повестью, навалилась тоска, и от тоски вот и пишу Вам, ибо из-за болезни даже на рыбалку ехать нельзя, да и холода нынче стоят.

Вчера мои орлы ездили на рыбалку, и сын ознобил нос и также все брюшки пальцев, поймав при этом четырёх окуней и трёх сорожек.

Что же это «Знамя» так меня мучает? Была телеграмма дней с десять назад, скоро, мол, и опять ни гу-гу. Я уж извёлся весь, а главное, делать ничего не могу, и сомнения меня всякие одолевают, какая-то смута на душе и думы насчёт своей писательской неполноценности.

Всё это, в общем-то, блажь, и я не хотел писать о ней, да уж больно неважко.

Читал вчера Вашу статью в «Литературке»⁷¹. Меня как-то очень покоробили Ваши слова «и пусть автор не обижается...». Чего уж Вы с поклоном критикуете Вл. Солоухина? Он и без того избалован вконец и обнаглел от этого, судя по демагогии, разведённой в «Литературке» насчёт обрядов. Людям жрать нечего, они, крестьяне наши, пребывают в равнодушии и запустении, а Солоухин хлопочет насчёт обрядов и пишет сельские идиллии. Хитрец он, очень талантливый и оттого ещё более вредный хитрец-демагог.

Недавно был бригадир из нашего села и сообщил, что в клубе при демонстрации фильма «Председатель» к концу сеанса осталось два человека. Люди плюясь уходили из клуба и говорили, что им всё это и у себя видеть надоело, а тут ещё в кино показывают...

Я, в общем-то, был готов к этому, но очень хотел ошибиться в предположении и удручён был этим сообщением вконец. Так что деликатничать с теми авторами, которые вроде бы врать не врут, но и правды не говорят, не следует, наверное. Очень они много вреда принесли. И Солоухин – это тонкий перерожденец лакировщика, который видит каждую травинку и даже каплю росы на ней, но бревна не замечает, рыло в кровь разобьёт и всё равно не заметит, ибо за это не платят, за бревно-то...

⁷¹ *Художник – искусство – время. Лит. газета. 1965. 13, 25 февр., 2 марта. – Сост.*

Говорят, съезд снова перенесли. Может, его зажмут, как когда-то совещание молодых зажали? Если так, то в Москву я не скоро поеду, а чего-то так хочется потолковать. Ну да авось чего с повестью и выйдет. Сняли бы скорее камень с души – туда ли, сюда ли объявили, и делу конец.

Если съезд не скоро, Вы мне черкните маленько при наличии свободного времени, а если съезд скоро, то и писать не надо. Я, наверное, сбегу в деревню на недельку, как немножко потеплеет.

Что это происходит на литфронте? В правление Московской и Ленинградской организации не вошли Соболев, Прокофьев, Грибачёв, Софронов и иже с ними? Если так дело пойдёт, то можно дожить до того, что и правду говорить и писать станут?.. Даже страшно представить себе это!..

С приветом, Виктор

29 марта 1965 г.

Пермь

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Вчера я вернулся из град-столицы, где провёл двадцать чудеснейших и почти бесполезных дней. Дела мои с повестью так и не сдвинулись с места. В «Новом мире» новый заведующий отделом прозы читал сызнова повесть. Она ему понравилась, и он сказал, что давать будет и непременно, но сейчас не до последних номеров, сейчас надо сдавать 9—10 номера, а там уж, глядишь, и до меня очередь дойдёт.

У меня был полуторачасовой разговор по повести с начальством издательства «Молодая гвардия», и когда я его закончил, мне было так тяжело физически и морально, будто я тифом переболел. Тяжело от того, что люди требовали от меня и просили такое, во что сами не верят, что никому не нужно и всё-таки... В конце сентября все эти слова получают продолжение. Работа в «Новом мире», разговор в «Молодой гвардии»... Уж хоть бы отказали, я и то рад был, пожалуй.

Все двадцать дней собирался поехать к Вам, но Москва так умеет отнимать время и деньги, что у меня никак не получилось свободного куска хотя бы дня в три. Всё по-старому: «Приди завтра», «послезавтра», а телефоны обрывать и брать за горло я не умею, и поэтому до сих пор «Новый мир» мне договора не дал, хотя затребовал заявление на него ещё ранним летом. Да и не в договоре дело, но всё же. Устал я очень. Поеду на несколько дней к себе в деревню, а потом в Сибирь. Передохну.

Рассказ Ваш в журнале я видел. Соседство с Вами меня смущает. Рассказ мой сделан из старого этюда и как-то не получился, что-то в нём нагнетено, надумано, какая-то неправда есть, и я уж каюсь, что вынул его из стола, но было плохо с деньгами. Сделал я ещё три рассказа, два пристроил в Москве – в «Литературной России» и в «Огоньке», а третий надо крепко доделывать.

Из Ирбита мне есть письмо с извещением, что Вы дали согласие приехать к ним. Я, конечно же, составлю Вам компанию. Это будет приятная поездка и отличная встреча, хлебосольная, русская, радушная. Это единственный виденный мною город, где писатель свою глупость стесняется демонстрировать и не обзывает коллег дармоедами. Я в конце сентября буду в Москве, а затем поеду в Белгород на семинар и вас увижу. Договоримся. Рад, что Вы согласились побывать на Урале. Плохо, что зима будет, но что же делать!

Думаю, что настроение Ваше подналадилось уже? Рассказ-то в «Современнике» есть, а нашему брату, как дитю – для поднятия настроения нужно много и немного, иногда буквальный пустяк выбивает из колеи и пустяк же возвращает в неё. Ничто так не поправляет настро-

ение, как напечатанная вещь, если она, конечно, не истерзана до неузнаваемости. Подержишь другой раз в руке журнал, положишь в стол и дальше поехал. Пусть и у Вас так же будет!

Всего Вам доброго. Погода наладилась. Работайте и надейтесь на лучшее. Крепко жму Вашу руку. Виктор

1 апреля 1965 г.

Быковка

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Я в деревне! Но буквально перед самым отъездом мне принесли Ваше письмо и бандероль с книжками. Какая это была для меня радость! И как ко времени! С повестью-то ведь у меня всё осложнилось. Её не берут в журналы. И не потому, что она очень худа. Говорят: «здорово», «талантливо» и начинают толковать о том, что в ней не написано. А Никонов из «Молодой гвардии» так прямо и честно сказал – «нет». «Не пропустят тут многое, а ведь ты не захочешь её кастрировать?» Нет, конечно! Пусть уж лучше в столе лежит. Перед самым отъездом со съезда я отнёс повесть в «Новый мир». Там мужики прямые и с хорошим вкусом, и они мне скажут то ли, сё ли. А то вон в «Знамени» три с половиной месяца продержали, и ни ответа, ни привета. Всё заказывают, чтоб я зашёл к ним, чтоб не давать мне письменного ответа. Ловкачи! Обучил их Кожевников «политике»!

Остаётся у меня ещё один обход – в «Урал». Но там в своё время цензор получил из-за меня строгача и теперь дрожит при одном виде моей фамилии бычиной злой дрожью и готов в любую минуту забодать меня. Куда крестьянину податься?! В «Неву»? На съезде редактор её новый просил что-нибудь. Но «Кража» – это не «что-нибудь»... Всё же жду ответ из «Нового мира». Обещали в начале апреля его дать.

Со съезда я приехал абсолютно больной от виденного и выпитого. То, что я увидел там, заставило не одного меня напиться. Люди, по три года не пившие, горько запили. Но всё это было ягодками по сравнению с приёмом. Никогда не забуду, как писатели стадом бежали по древнерусскому Кремлю к столам и растаскивали выпивку и жратву. Такое видел только в запасном полку и на свинофермах!

Вот уехал в деревню, просидел четыре дня на льду с удочкой, загорел, отдохнул, губы от ветра потрескались, бородёнка отросла, и почувствовал себя маленько человеком. А то всё плакать хотелось. Выйти на площадь и завывать волком.

Сделал набросок рассказа о том, как осенью на северной уральской вершине⁷² дикий олень, не имеющий с кем подраться за любовь, пришёл в колхозное стадо оленей, сразился с вожаком стада, а тот встал перед ним на колени и пропорол ему отростком рога пылающее сердце... Научился кой-чему у людей!

Есть в задумке маленькая повесть («моя» по сюжету и по теме), есть несколько уже выношенных рассказов, но пока судьба повести не определилась, ни за что вплотную не могу приняться.

Дня через три поеду в Свердловск заниматься «кином». Набросок сценария там прочитали. Режиссёр и редактор говорят «добро», а директора студии смущают мои «архаизмы». Если учесть, что под этим словом у нас всё чаще и чаще скрыто подразумевают правду жизни, то ждать мне хорошего не приходится.

Сегодня же я дам ответ чехословацкому редактору и поблагодарю его за внимание. А наши-то, «молодогвардейцы»-то, какие свиньи! Какое всё же равнодушие к человеку! Все

⁷² рассказ так и называется: «На далёкой северной вершине». – Сост.

рецензии, где написано, что сия книга издана «Молодой гвардией», они собрали, подшили, а письма читателей и книжку, переведённую в Чехословакии, отослать мне забыли, да просто и не подумали об этом. О боже, куда мы идём, куда заворачиваем?!

А мы с Марьей и дочкой поедem нынче в Дубулты с 25 мая. Надо маленько встряхнуться, поглядеть хотя бы на пол-Европы и с латышскими друзьями встретиться. Они там перевели и издали мой «Перевал». Зовут «обмыть» это дело.

Ну, всего Вам доброго, Александр Михайлович. Хорошо, что Вы уехали от съезда. Крепко обнимаю Вас. Виктор

6 мая 1965 г.

Пермь

(Г. Семёнову)

Дорогой Георгий!

Недавно я был в деревне, лежал из-за хвори и читал оттого много. Прочёл и твои рассказы в «Знамени». Они мне, и особенно «Кушаверо», доставили подлинное наслаждение. И мне захотелось сказать тебе радостное, светлое спасибо за добрую радость при чтении, которая не так уж часто случается при чтении нынешних авторов, рассказчиков в особенности. (Пустяков шибко много!)

Радуюсь за тебя и за людей российских, ибо знаю, что истинный талант проверяется на такой вот отточенной штуке, как рассказ, где было уже столько русских мастеров, что после них вроде бы уж и делать нечего. А ты вот сумел! Молодец! Хорошо. По-русски густо и раздумчиво, по-толстовски мудро и зримо написано.

Ещё раз уверился, что жанр этот даётся тем, кто умеет слышать звук родной земли и язык родной не по грамматике учит.

Ну, дай тебе бог, Георгий, и впредь работать так же хорошо и густо, и если ещё поострее да посердитее, оно и совсем здорово будет, ибо время благодушного созерцания прошло, теперь оно требует от нас всех более строгого и мудрого одоления, чтоб вовсе нас в калач не согнули.

Жму твою трудовую пятерню. Виктор

2 июля 1965 г.

Пермь

(И. Степанову)

Дорогой Иван!

Я около двух месяцев не был дома. Ездил в Латвию, работал в Москве, где решалась судьба моей повести в «Новом мире» и в издательстве «Молодая гвардия». Как будто решилось, но снова – доделки, переделки и купюры перестраховочного редактора. Устал как собака, но надо дело доводить до конца. К концу июля должен сдать уже готовую повесть в журнал и в издательство, а там опять начнётся ещё редакция, ещё цензура и т. д. Но несмотря ни на что, к сентябрю я должен высвободиться и поехать в Читку на семинар и вообще в Сибирь.

Кстати, я совсем склонился к мысли переехать на Родину, обменять квартиру и прочее. Но для этого мне нужно побывать в Красноярске и ещё оглядеться. С их писательским начальником я познакомился на съезде. Он, конечно, не сахар, но у нас здесь есть подонки и похлеще. Да и не пить мне чай и кофеи с ним, а Родина тянет, и уже мне 41 год. Ещё лет пять-шесть, и уже не поднять задницу будет от Уральского камня.

Журнал я тебе посылаю один, свой. В киосках-то не видать его. Журнал этот⁷³ почти не попадает в розницу. Из редколлегии его я вышел. Ну их... далеко, далеко.

Как я пишу? Прописали мне очки, и вот я впервые пробую писать в них и читать. Надоедливо, но надо. Стало сильно болеть моё глядело последнее, а от него и голова. За фото спасибо, но ты, наверное, забыл, что уже посылал мне эти же картинки, однако без Красноярска.

Привет семье. Твой Виктор

1965 г.

Быковка

(И. Степанову)

Дорогой Иванушка!

Вчера моя супружница вернулась из города с хлебушком и разной другой пищей и привезла почту. Прочёл твоё грустное письмо и не знаю, чем тебя утешить и надо ли утешать. «Следопыт» плохой журнал, и потому я вышел из евонной редколлегии, а писать всё же надо, а то начнёшь рыбок в аквариуме разводить или марки собирать, а эти дела куда менее занятные и бесполезные вовсе.

В Волгоград-Сталинград правильно сделал, что не поехал, пропал бы ты с тоски в этом безлесном и покато-пустом краю.

Черкасова я однажды видел, но на знакомство я набиваться не люблю, а так не представлялось случая. Кроме того, он один раз принародно лобызался с Соболевым, а в моих глазах мало чего стоит человек, лобызающийся с этим литбарином, так что очень он упал в моих глазах, а романа я его не читал. Он вместе с Н. Н. Яновским должен был ехать в Петровск-Забайкальский, где были в ссылке декабристы, но перепил, сбрындил и не поехал. Н. Н. Яновского (чудесного человека) мы взяли в свою группу и поехали чудно. Были на границе Монголии, били шишки кедровые, ловили таймешков и ленков, а я сходил с ума от красот и простора земли нашей и ещё раз подивился людям, которые теснятся и суетятся в городах, а столько у нас пустой и прекрасной земли!

Там, в поездке, народ, конечно, выпивал, и я было присоседился, ну конечно, сразу же загулял мой верный геморрой и прочее, и я, минуя Родину свою, куда был твёрдо намерен заехать, ринулся домой и сразу же убёг в деревню. Жена моя, проявляя всю нежность и доброту свою, пытается вот уже больше недели оздоровить меня и не может. Тут, конечно, ждала меня куча рукописей, и вот я сижу да читаю. По глупости ума дал согласие быть на семинаре в Белгороде в середине октября, и они мне подвалили произведений, да ещё друзья не забывают, вот и становится всё трудней и трудней добираться до своих вещей. Уж по полгода иногда не могу написать ни строчки, а на ходу, урывками писать разучился, потому видно, что стал работать профессионально и серьёзно.

Можешь поздравить меня – мою многострадальную повесть «Кража» теперь уже твёрдо взял «Новый мир», и в первых номерах будущего года она должна увидеть свет. Если после редакции останется в ней даже половина того, что есть, то и всё равно вещь эта встревожит наше литературное болото. Мне отказали с повестью многие журналы, всё потому, что она очень серьёзна. И то, что «Новый мир» приглубил меня, я считаю большой для себя победой, ибо этот журнал настоящий и даёт настоящую литературу и кроме того, он высокопрофессионален и печататься в нём не так просто, нужно грызть нажить и выложиться до основания, а это многим щелкопёрам непосильно.

⁷³ «Уральский следопыт». – Сост.

Познакомился я уже в пути назад с Золием Яхниным из Красноярска, говорил о переезде. Он, конечно, «за», но тоже предупреждает, что тут всякое может быть. Ну, пока не к спеху, а уж помирать всё равно на Родину приеду.

Жду зимы. На обратном пути из Белгорода поспеет редакция повести, затем я освобожусь и начну писать. Много задумано, много бродит в голове – надежда на зиму.

Жму руку. Виктор

11 октября 1965 г.

Пермь

(Б. Ф. Лапину)

Здравствуй, Борис!

Не зная твоего адреса, пишу тебе на Союз, надеюсь, что письмо это тебя найдёт.

На обратном пути я задержался вместе с Лёвой Давыдычевым на сутки в Иркутске, и мне, да и Лёве тоже, отыскивали газету со статьёй о Читинском семинаре. Нас эта статья не обрадовала, и по приезде домой я всё как-то себя неловко чувствовал, хотя после разговора с тобою в коридоре гостиницы я порадовался за тебя и мне уж вроде и полегче чуток стало. Я понял, что ты парень не только с характером, талантом, но и умён, а это очень важная для писателя «деталь». У нас уж очень много на Руси талантливых дураков, из-за которых нас так и зовут – быдлом. И главное, есть ещё одна живучая российская привычка хвалиться своим бескультурьем и тем, что «мы университетов не кончали».

К сожалению, Читинский семинар не дал мне, к примеру, больших оснований думать, что «дело сдвинулось». В столовой, в коридорах гостиницы и на ненастных перекрёстках семинара мне то и дело встречались парни бранчливые, хвастливые, заносчивые и пройдошистые, те, которые думают, что у литературы, как у курицы, есть только один проход – задний.

Вот потому-то меня дважды и четырежды порадовал разговор с тобою. В том, что ты понял нас правильно и оценил нашу «суровость» точно, было от хорошего ума, а значит, и культуры, и это меня как-то успокоило. Талантливый да ещё плюс умный и культурный человек сумеет одолеть в жизни всё, в том числе и себя.

Но вот газета и слух о том, что очень ты удручён ею, повергли меня снова в неловкость и виноватость перед тобою, и я, будучи почти полмесяца больным и живя в деревне, всё думал о тебе и как-то беспокоился о том, чтоб не заломало тебя и не доконало. Сам я устоял и выдержал всё это – мой первый рассказ как идейно порочный прекратили печатать на середине, дали редактору выговор, а меня пронесли в областной газете уже как «неустойчивого» и «заблудшего», а вскоре на семинаре даже назвали «младшим братом Померанцева». Было это в пятидесятых годах, и шутить тогда не очень любили. Но я как-то не спасовал, держался, всегда делал и думал то, что думаю, и даже те, кто клял меня за первый рассказ и называл «младшим братом», прониклись затем уважением ко мне и, более того, говорят, что они-то меня, серого мужика, и «вырастили». Доля правды в этом есть. Чем больше они меня кляли, ругали, выставляли на посмешище, тем более я убеждался, что прав и платформа моя тверда!

Всё это говорится тебе не для хвастовства, а как обмен «опытом», и ты, надеюсь, поймёшь это верно, и поймёшь и то, что каждая моя вещь до сих проходит со скрипом в печать. Но на напечатанную ни на одну не было ещё хулы, а наоборот. Вот уже два года ходит по редакциям моя самая значительная вещь – повесть «Кража», я доходил порою до отчаяния, но восторжествовала всё же справедливость – «Новый мир» собирает её печатать в первых номерах будущего года. Собирается – это не значит, что уже напечатано, однако всё же...

Вот и ты стой и иди затем упрямо, но не твердолобо, и гни свою линию. Не бывает худа без добра, и бьют, и хвалят нашего брата на пользу только. Вот если «перебивают» и «перехваливают» – это хуже. Однако работай, и это главное.

Я дома буду в конце октября. Жму руку. Астафьев

23 октября 1965 г.

Пермь

(А. М. Борцаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Вернулся я из Читы, где Соболев давал представление, названное мною «Его лебединая песня». Вся гнусь нашего времени, все литературные вывихи, всё шкурничество и дешёвое игранье в народность и партийность сосредоточились в этом человеке, как в сточной яме, беспросветной, вонючей, но сверху прикрытой зелёной травкой.

На память благодарные провинциалы – народ добрый, гостеприимный, по простоте душевной всему свято верящий, особенно тому, что касается литературы, – подарили ему великолепную медвежью шкуру.

Семинар читинский богат впечатлениями, поездками, но на нём происходило неприкрытое разращение начинающих авторов, с которыми заигрывали, возводили их в гении и скорее тащили в Союз. Хочется Соболеву уйти в отставку в почестях и поклонниках. В Москве ему это не удаётся, так с российской братвой в игрушки играет.

Но я успел многое. Съездил на границу Монголии – был у шишкобоев в кедрачах, на рыбалке был, в колхозе слушал наши наиудивительнейшие сибирские песни, ещё кое-где сохранившиеся и не убитые колмановскими и табачниковыми.

Дома меня ждало Ваше маленькое и печальное письмо. Я ещё раз с горечью отметил, как тяжела и губительна для здоровья наша работа. Впрочем, не для всех – есть люди, которые и в литературе живут легко, припеваючи и ходят румяные и весёлые по редакциям.

Мои дела таковы: «Новый мир» решил твёрдо давать повесть, но в будущем году, потому что у них там смена начальства в отделе прозы, да и редактор ушла в отпуск. А я где-то и рад этому, потому что заматался и потому что можно будет готовить вещь к печати не торопясь и с толком. Вот потому и пишу Вам, что, наверное, попаду в столицу не скоро.

Уезжаю в деревню. Там хорошо пишется в непогоду, ибо и делать больше нечего, как читать и писать. А я уже давненько ничего не писал всерьёз и шибко стосковался по работе. Задумок очень много. Наверное, начну писать маленькую повесть из войны под названием «Легенда о пастухе и пастушке»⁷⁴, где мне хочется высказать всю человеческую тоску об обыкновенном, самом земном счастье и чистой, здоровой любви, даже подзаголовок зрел было – «Современная идиллия», но претенциозно больно, и я уже отказался от него⁷⁵. Тему я эту начинал ещё в «Звездопаде», но не довёл до того накала и до той боли, до которой надо бы, чтоб твёрдые лбы, то и дело хватающиеся за оружие, хоть немного задумались бы над тем, на что они поднимают руку.

Вот и Ваш рассказ я почитал. И у Вас сквозит вина перед святой русской бабой, которая имеет право на своё счастье, на добропорядочную жизнь, а её принудили унижаться, выуживать счастливые мгновения запретно, оскорбительно для неё. Я содрогаюсь, когда находятся наши писатели, неуважительно «отражающие» таких вот женщин, но это, как правило, плохие писатели, бесчувственные люди.

⁷⁴ в окончательном варианте повесть будет называться «Пастух и пастушка». – Сост.

⁷⁵ в окончательном варианте в подзаголовок повести автор поставит слова «Современная пастораль». – Сост.

А «Молодая гвардия» уже в третий раз завернула мне повесть, всё требуют оптимизма побольше, а где я его возьму? Подожду журнальный вариант, и, если ещё будут кочевряжиться, я унесу повесть в другое издательство.

Ну, поправляйтесь скорее и отдохайте. Привет семейству Вашему. Виктор

Ноябрь 1965 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Сию я в деревушке, пишу – хорошо так жить! Недавно лишь остановился лёд, а то всё жил без вестей, без почты, правда, радио слушал – «Спидола» у меня. Было трудно настраиваться работать после длительного перерыва, но у меня есть хороший причал, рассказы о детстве. И как мне нужно начать работу, я берусь за этот цикл, работаю с радостью, с удовольствием, и от них, от этих вещей, уже перехожу к более серьёзным. А погляжу, погляжу потом и убеждаться начинаю, что то, что мне кажется серьёзным, куда как хуже, лукавей и на что-то уже похоже, чем мои легко пишущиеся, бесхитростные и ни на что, кроме точной памяти о любимых людях, дедушке и бабушке, да о своём грустном и прекрасном детстве, не претендующие.

Постепенно собирается книжка – уже есть рассказов восемь, больших и маленьких. Только что закончил и непременно Вам, для весёлости настроения, пришлю рассказ «Монах в новых штанах» (пишу ученической ручкой и, как в школе, делаю кляксу за кляксой) – самый большой это рассказ в цикле. Уже продумал, как составить книжку, чем начать, чем кончить – есть внутренний заряд разбить всю эту надуманную литературу об экзотике Сибири бесхитростными и точными рассказами об этой очень русской, очень простой, очень доброй земле, ни людьми, ни языком, ничем, кроме богатств земных и, может быть, душевных, не отличающейся от остальной России.

Придумали всю Сибирь командированные писатели, и эта, выдуманная, земля вроде бы уж возобладала, и даже сибирские писатели многие, из молодых особенно, уж начинают гоняться за выдуманной землёй и понять того не могут, что тягаться им тут с Яковлевыми, Алексиными и другими – Баруздиными и Аксёновыми силёнок не хватит, – эти на ходу подмётки рвут.

Нужно мне в книжку написать ещё пять рассказов – это я решил сделать к 68-му году. Мучаю давно уже «серьёзный» рассказ «Синие сумерки», и кто кого – он меня или я его, но должны домучить. Тоже пришлю его Вам посмотреть, что-то меня в нём не устраивает, что-то в нём «не звучит» – может быть, Вы увидите?

Пришлю я Вам это, как только жена перепечатает на машинке. В «Новый мир» пока не зовут, а я уже отвык от повести, весь в новых замыслах, и как за неё буду снова приниматься – ума не приложу. Очень мучает меня маленькая повесть о войне. Есть уже название, всё есть – нет лишь решимости взяться за неё. Всякий раз, как писать о войне, я, ровно перед взыправдашной атакой, робею, набираюсь духу, всё выверяю, выверяю, как бы чего не забыть, где бы не соврать, не слукавить, и это ведь всё при том же «тик-так», которое стучит каждому из нас.

Вот ещё замысел, ещё в утробе она, повесть-то, а уже знаешь, против чего будут возражать издатели, и тратишь уйму мыслительной продукции на то, как сказать всё и чтоб «не заметили». Всё-таки в очень сложных мы условиях работаем, и надо дивиться жизнестойкости и приспособляемости русской нашей литературы. И что бы мы действительно делали, чем бы жили, если б в самом деле ко времени и к пути не появлялись у нас Твардовские?

Я так был рад тому, что Вы о нём написали, что и слов нет сказать, как рад. Глубинка наша писательская, пользующаяся ошмётками московских сплетен, клянёт мужика, ничего не понимая: «Объевреился!», «Интеллигентщину и снобизм в журнале развёл!», «Россию затирает поэтическую, чтобы самому первым быть» и т. д., и т. п. Слушаешь такое, индо и печаль возьмёт и злость на дубовость нашу и графоманскую периферийную озлобленность, которая предпочитает написать роман, не думая, страниц этак на 800 или тыщу, о том, как «был ничем, а стал всем», а этот бездумный, пошлый роман, принятый местными властями и хваленный на читательской конференции, Твардовский вот не печатает.

Правильно и делает! Я его уважаю давно, и не потому, что вот он меня там приголубил, может, ещё и забодают. Я и видел-то его один лишь раз, и говорил с ним минуты три, не более, а обогрел он меня, как русская печка, у которой тепло унутреннее, долгостойкое, и от него, как от доброго лекарства, проходят болезни костяные и насморки всякие. (Во завернул, а?! Твардовский – и русская печь! Пусть ещё кто придумает! Это влияние жизни в деревне. Вчера без жены я топил эту самую печь, сунул в неё голову – лез за чугуном – и опалил себе весь чуб.)

Девятый номер «Нового мира» я караулил, дети мои караулили и всё-таки не скараулили – его мгновенно расхватили в рознице. Теперь буду ждать очереди на него в Союзе и там же «Знамя» возьму с Вашей статьёй, как возвращусь (числа 22-го) из деревни. Меня очень радует, что наиболее разумные, не оголтелые дубари, а доподлинно читающие люди знают «Новый мир» и всё чаще и чаще раздаются голоса: «Это единственный стоящий журнал». Может, кого-то и о чём-то заставит это задуматься.

А надо бы задуматься-то!

Ездил я по читинским землям в одной бригаде с Ник. Ник. Яновским из Новосибирска – милейший дядька, умница и разумница, суждения его о литературе откровенны, прямы, и вот прислал он мне свою книгу «С веком наравне» и только что вышедшую в Новосибирске книгу о современной прозе. Прочёл я её до середины, и до того мне стало тошно, и не из-за книги (книгу плохую всяк может написать), а из-за Николая Николаевича, из-за того, что он с серьёзным видом ратует за бесспорное, утверждает утверждённое, убеждает в величии социализма и полезности его миру мыслящему на основе таких созданий этого великого направления, как Балувев, ангелочки-девочки из повестей Ильи Лаврова и сконструированный хитромудрым Сашей Рекемчуком депутат местного совета Коля Бабушкин!

Хотел уж я написать Николаю Николаевичу из села этого заснеженного послание, а потом подумал: «Зачем? Ведь он же притворяется! Если б заблуждался – другое дело. А знать, хорошей, многострадальной души человек и книжку с хорошей надписью прислал». Вот тут и думай чего хочешь!

Ещё читаю книгу Черкасова «Записки охотника Восточной Сибири», случайно купленную в уценённых книгах. Бог мой, какой это кладёзь языка, наблюдательности, душевности, а сам Черкасов – это ж образец кристально честного русского человека! На душе тепло делается, как такое и о таком читаешь!

Ничего письмо-то я Вам накатал! Дал стране угля! Целый вечер будете разбираться, потому как поболтать мне здесь не с кем – терпите!

Как приеду в Москву (всё надеюсь, что скоро позовут), так Вам и позвоню сразу, а может, когда и в деревушку к себе вызову, отдохнуть маленько от столицы. Вот бы мы уж поболтали под треск и щёлк дров в русской печке. Читали ль вы стихи Джемса Клиффорда в № 7 «Нашего современника» за прошлый год? Я их очень полюбил. Всё вот хожу по избе и твержу:

Мой дедушка Дик
был славный старик —

храню до сих пор его трубки.
Был смел он и прям
и очень упрям,
и в спорах не шёл на уступки.
Мой дедушка Дик
силён был как бык,
ругался, как шкипер на баке.
Был дока старик,
мой дедушка Дик,
в работе, в попойке и в драке и т. д.

Особенно полюбилось мне его «Кафе»; а строчки эти совершенно неожиданные в конце: «И вертится планета, и летит к своей неотвратимой катастрофе» всякий раз берут за живое и ещё наводят на мысль о том, что наши поэты не умеют, а также не могут из-за «тик-так» позволить себе говорить так вот «вольно» обо всём, что питает людей и души. Это в тот миг, в тот час, когда планета «вертится и летит...» в самом деле куда-то к чертям на кулички. А может, мне из деревни так кажется? Может, в Москве она летит совсем по-иному? По другим орбитам?

Если не приеду, напишите мне: куда и чего у вас там летит.

Вас обнимаю за душевные письма и особенно за строки о Твардовском. Славно у меня на душе от них, поэтому и расписался так неудержимо.

Ваш Виктор

22 ноября 1965 г.

Быковка

(А. М. Борцаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Сегодня я последний день в деревне и поэтому могу себе позволить писать что угодно и делать тоже, что вздумается, ибо в городе, там ни дела, ни работы, как говорится.

Пробыл я здесь 20 дней в этот раз и много ходил по лесу, пилил и колол дрова, рыбачил, а между тем закончил два рассказа (на 40 страниц и на 28 страниц) да ещё набросал черновик третьего. Мне остаётся только благодарить провидение, как говорят европейцы, за то, что оно подсунуло мне этот «дом творчества», где крестьянам жить худо, очень уж они отторгнуты от людей и мира, а мне лучше не надо. Ещё одно противоречие жизни!

Новостей я никаких не знаю, ни о Солженицыне, ни о других. Из Вашего письма и о Смирнове и о Чаковском только узнал. Будем надеяться – всё, что ни свершается, к лучшему. Да, пока вроде, тьфу, тьфу, просветы какие-то в жизни начались. Боязно от того, что за всем этим последует. Так уж нас приучили – с недоверием смотреть в завтра. И вины в этом нашей нет, а беда наша только.

В «Новый мир» меня пока не зовут. Может, ещё и забодает Твардовский меня. Но будем надеяться на лучший исход! Трудно мне будет приняться за повесть снова. Я совершенно от неё отвык, и новые замыслы толпой обступили меня и теребят со всех сторон, даже во сне не оставляют в покое.

На очереди небольшая повесть о войне. А я писать о войне всякий раз боюсь. Боюсь перед памятью убитых друзей сделать что-нибудь недостойно, слукавить, а ещё памяти своей боюсь. Иной раз так и думаю, что сдохну, разворошив всё и заглянув в нутро войны. Словом, всякий раз будто перед взаправдашним боем. Оттого и так мало я написал о войне –

увливаю всё. Но эта повестушка одолевает⁷⁶ – она из тех, что может получиться или очень хорошо, или очень плохо. Буду надеяться на первое, иначе и начинать не стоит.

А Вас, значит, на рассказы потянуло? Это понятно. Очень завлекательный и ёмкий жанр. В нём всё видно хорошо, и оттого малая вещь лучше, чем большая, да и вообще я, например, больше всего люблю работать над рассказами. К сожалению, за них платят так же, как и за романы, – с листа, и оттого рассказчики сидят голодом и один за другим покидают этот нехлебный жанр.

Я не так давно был у Евгения Носова в Курске и читал в рукописи его рассказ «Потрава» – будь я издателем, то взял бы часть гонораров от пухлых романов на схожую тему и заплатил бы за этот рассказ столько, чтоб год или два Женька ни о чём не думал. А он работает медленно, два рассказа в год – больше написать не может. И стыдно сказать, ел уже не раз ливерную колбасу, которую продавщицы из ближайшего магазина заносят иной раз его дураковатому и симпатичному псу. Сказать кому, так не поверят, скажут – клевета на советскую действительность, и Женька никому не говорит об этом, стесняется своей бедности. Надо было видеть его, доброго и большого, горько сконфуженным из-за того, что он не мог «принять как следует гостя», то есть меня.

То же самое бывает и у друга моего Коли Воронина. Другой раз и заехал бы в Калугу к нему, а вздохнёшь, да и не поедешь, потому что пойдёт он занимать деньжонки, чтоб чего-нибудь поставить нас стол, и никак его не уговоришь от этого действия отказаться. Потом уедешь, и завить хочется.

Коля всё на Платонова ссылается. Вот, мол, подвижник был, а нам уж и бог велел голодовать. Но я бывал несколько раз в домах творчества и убеждался в том, что на таком вот подвижничестве жиреют дельцы-писатели и не знают уж, в какой дом засунуть свою персону с жёнами и детьми, чем её натолкать и во что нарядиться.

В Ирбит я написал, чтоб отложили и мой визит до Вашего. Поедем всё-таки вместе. Глядишь, и морозы к той поре уймутся. А то сейчас из тепла вылезать не хочется. Ну, всего Вам! Не болейте. Пусть пишется и дышится хорошо. Ваш Виктор

Р. С. Да! Я тут печку топил и похлёбку варил, одновременно слушая радиопостановку по Вашим «Бусам». Ну, скажу Вам, сделали они её! Всё, о чём повесть писана, – убрали, а то, что, с точки зрения радишников, ценно, оставили – экзотику всякую. Тот, кто не читал повести, подумает, что Вы нежненький и сладенький, приторный писатель. Лучше уж не давать им на растерзание вещи крупные. Сами-то Вы хоть слышали? Это чёрт знает что такое.

*Декабрь 1965 г.
(А. Н. Макарову)*

Дорогой Александр Николаевич!

Поскольку в Москву меня не зовут и теперь до Нового года едва уж позовут, решил я Вам написать, так как по возвращении из деревни прочёл Вашу статью об Евтушенко⁷⁷ и, более того, следом за Вашей сразу же прочёл статью А. Лобанова в «Молодой гвардии» о той же самой поэме.⁷⁸

Меня всегда поражали надменность и высокомерие в статьях Лобанова, но тут он превзошёл сам себя и опустился до методов старшины Приходько, который иначе воспитывать вверенного бойца не может, как поставить его перед строем и высмеивать его пороки, явные

⁷⁶ речь идёт о повести «Пастух и пастушка». – Сост.

⁷⁷ речь идёт о статье А. Макарова «Раздумья над поэмой Евг. Евтушенко» в журнале «Знамя». 1965. № 10. – Сост.

⁷⁸ «Братская ГЭС». – Сост.

и старшиной Приходько придуманные. Главное, чтоб рота смеялась, чтоб унижен был боец и чувствовал себя мальчишкой и чтоб его, старшины, хохлацкое самодовольство удовлетворено было.

Разумеется, меня очень порадовала Ваша статья, так же, как радовали и предыдущие Ваши статьи о молодёжи – взыскательной добротой, душевностью. За такую критику, помогающую осознать себя, свои недостатки, как на собраниях говорится, всегда хочется поблагодарить старшего своего товарища. А ведь замечаний, и куда более суровых, Вы сделали гораздо больше Евтушенко, чем Лобанов в своей статейке! Но тут, видимо, и отголоски той вознишки, что идёт вокруг московского писательского корыта, дали себя знать. В столице нашей даже те, кто писать не умеют – преимущественно они! – чего-то всё шуршат по-за спинами, как тараканы, охаивают чего-то и кого-то и фигу в кармане показывают «левым» или «правым».

А дел и поводов для них, куда более значительных поводов, в жизни шибко много, и, наверное, вот эта мышьяная возня – один из способов спастись от тяжёлых дум и грустной, порой даже трагической повседневности.

Чем больше осложняется жизнь и назревают в ней такие события, которые требуют от человека серьёзности, тем больше появляется у нас людей пройдошистых, рвущих от жизни хоть пирога кусок или славы клочок. С этой точки зрения мне и Евтушенко представляется сладкоужкой. И правильно Вы ему всё время долбили, что пора мужчиною стать. Тем более что желающих ходить в мальчишках и чтоб спрос с них был, как с мальчиков, и без того много.

Я закончил рассказы. Вам не послал, потому что Вы и без того забиты разными делами и чтениями. Послал самый большой рассказ в «Молодую гвардию», его там взяли на «уру», потому что он безобидный, а сейчас время литературы или «героической», или безобидной. Потому-то и в «Новом мире» выжидают с «Кражей». Поругали их в верхах за серьёзную литературу, хотя, чтоб они до «Октября» опустились, тогда ими довольны будут.

Несмотря ни на что, я начал писать новую повесть о войне... Решился и помаленьку раскачиваюсь, набираю разбег.

Говорят, в январе будет пленум и меня вызовут. Значит, увидимся и наговоримся. У меня что-то много за последнее время разного накопилось.

Читали ль Вы «Записки княгини М. Н. Волконской»? Если нет, я Вам их дам почитать. Приобрёл в Чите, в уценённых книгах! Молю бога и благодарю за то, что наткнулся я на эти уценённые книги. Из нашей-то одичалости и глупости прикоснуться к такому светлому роднику, к такому благородству! Даже и не верится, что могли такие люди жить на этой земле, и всё подозреваешь, что бабы эти театралки были. Но театралок хватило бы на дни, на недели, а эти по двадцать пять лет выдержали, девушками уехали и старухами вернулись.

Мда-а, «были люди в наше время!..».

С Новым годом Вас, Александр Николаевич, самое главное, здоровья Вам и рабочего ладу! Пусть ещё и этот год продюжит, обойдётся без войны! Ваш Виктор

1966

20 января 1966 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

В Москву меня всё не зовут и не зовут, да вряд ли скоро и позовут, потому как дано указание насчёт эков и спецпереселенцев (в том смысле, что их у нас не было, а если и были, то это всё правильно, так и полагалось быть).

Мне предложили из «Нового мира» подумать. А что могу «подумать»? Из собак енотов я делать не умею. Видно, такова судьба этой многострадальной повести. Хорошо, хоть она «не злободневна» и может ждать сколько угодно.

Пока я бился над «Кражей», у меня скопилось много замыслов, которые я жадно и реализую. К добру или к худу, но пишется мне пока хорошо. Всё последнее время я опять был в деревне. Трещали страшные морозы. Мы с женой топили печку, и я писал, писал, закутавшись в полушубок. Писал тоже про зиму, про морозы, про войну, про русских людей...

Пришло мне поздравление с Новым годом из одного иностранного чехословацкого издательства. Они где-то почему-то вычитали, что моя повесть «Кража» выходит в «Молодой гвардии», и просят прислать рукопись или корректуру, как они выражаются. А я, грешник, и не знаю – могу ли я им послать свою рукопись. Один наш товарищ как-то послал в Румынию пьесу свою, а ему завернули её наши надзиратели с такой надписью, что он с тех пор ничего не посылает и мне не велит. Я вообще-то не очень боязлив, но мне не хотелось бы навредить «Краже», у которой и без того всё так сложно обстоит. Не поедете ли Вы в Чехословакию? А может, присоветуете, как мне поступить?

Ваш Виктор

24 февраля 1966 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Очень я долго тут ездил и оттого сразу не ответил на Ваше письмо. Ездил я на южный Урал к фронтовому другу, которого не видел 22 года и который отыскал меня, потому что в своё время помог я ему раненому выбрести из-под огня и добраться до санбата. Люди нашего поколения умели и умеют, слава тебе Господи, ценить добро и хранить его в памяти, вот и не забывал моего участия дружок, как и я не забываю тех, кто меня потом тоже доставил в санбат и перевязал на передовой.

Встреча наша была волнующая и грустная. Настолько она грустная, что жена моя до сих пор недоумевает, отчего это я ничего ей не рассказываю?! А что рассказывать-то? Так называемый фронтовой юмор или что молодость и здоровье остались в окопах? Друзей там много осталось. Вспоминалась вся тяжёлая работа, бездельники-политруки, командиры, которые обжирали нас, солдат, и почему-то считали и они и мы, что так оно и быть должно, чтоб они ели с отдельного блюда, а нам разблюдовка не полагалась, нам проросший ячмень, клевер и крапива. Если украдёшь, смародёрствуешь – это твоё. Говорят, сейчас на Украине москалей ненавидят, и не напрасно, по-моему, только жаль, что ненавидят они не тех москалей, которых надо бы!..

Словом, пожил я у друга и увёз ещё более растревоженную душу и радостное сознание того, что я не осквернил, или почти не осквернил, сочинительством память свою о войне. И что если о ней писать, то только так, как было. Покрывать морализированием и роман-

тикой войну, как это хотелось бы кой-кому, – преступление перед мёртвыми и живыми друзьями, перед теми особенно, кого приучить хотят к мысли, что война – это не так уж и плохо: можно песни петь, возвыситься, сделаться героем и любимая тебя оценит по достоинству. Блажь это литературная. Я радуюсь тому, что ребяташки наши начали, подсознательно пока, сопротивляться всякому милитаристическому направлению.

Один молодой генерал жаловался мне, что молодые солдаты стыдиться стали маршировать по улице и глотки драть. Я ему сказал, что если б торжествовала передовая человеческая мысль на земле, давно б уж не было на ней никаких казарм, никаких армий и некого было бы «освободить», а ему, генералу, пришлось бы идти на производство и не обесцвечивать, не обесцвечивать до серого цвета человека, а производить нужные людям вещи. Он забормотал насчёт того, что порох-то должен оставаться сухим, что пацифизм, к сожалению, проник почему-то прежде всего в души фронтовиков, а на них надеются. Он умный человек, видать, а притворяется, прикидывается, сам себя заставляет быть хуже, чем он есть на самом деле.

А я ведь помню, ещё каких-нибудь 20—30 лет назад все мы мечтали идти в пограничники, визжали от восторга, завидев командира или орденосца, а ныне шиш! Бомба, висящая над головой у людей, делает свою работу. Лучше б она не висела, и можно б было жить людям спокойно. Меня иногда охватывает тоска по глухим бунинским временам, так бы и забрался в тихую русскую деревню, встал к сохе, вернулся б к земле, к неразграбленной и незамордованной...

Я только что закончил киносценарий по рассказу «Руки жены». Затеялся его ставить один свердловский режиссёр. С «Кражей» всё без сдвига. Я жду, и в журнале, видно, тоже ждут. Ну, авось. «Бывали хуже времена»...

Ездили ли Вы в Читу и Иркутск? Не минуйте нас. Мы будем очень рады повидать Вас. Угостим грибами! Видел я Свердловске писателя-ирбитянина. Договорились о встрече на осень позднюю – октябрь примерно. Я думаю, так оно лучше. Летом какие встречи, а весна занята у меня. В апреле я поеду в Кемерово, на семинар. Предложили – я не отказался, всё же это хороший способ встречаться.

Ну, всего Вам доброго. Как здоровы? Ваш Виктор

Март 1966 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Давно я Вам не писал, но издали всё ж слежу, где Вы бываете и чего пишете. Купил тут недавно второй номер «Знамени», но руки ещё не дошли прочесть Вашу статью⁷⁹ и, верно, читать буду уж сразу в двух номерах – это даже и лучше.

А вчера на сон грядущий прочёл я в «Лит. России» сильно вумные статьи двух критиков, и у меня было точно такое состояние, как у того чалдона, который шёл с собрания, и его спросили, о чём было собрание. А он ответил: «Да разве советские товарищи скажут, об чём оно было!»

Может, я уж отупел (много у меня нынче работы) или так уж умно зачали писать наши критики, что ничего не поймёшь. Да и статья Ваша о «Братской ГЭС», мне кажется, не давала оснований открывать дискуссию о сюжете, вопрос о коем и без того затуманен и запутан. Впрочем, у нас даже о таких понятиях, как правда, искренность, умели и умеют такое напутать, что потом всей деревней не разберёшь, где уж чего. И вечно у нас так! Как только начинаются трудные для литературы дни, так тут как тут дискуссия о транскрипции образов

⁷⁹ речь идёт о статье Макарова «Через пять лет» в журнале «Знамя». 1966. № 2, 3, 7, 8. – Сост.

Флобера или об истоках нравственного начала в произведениях древнегреческих драматургов. Прямо, как на войне – отвлекающий манёвр, изготовление ложных позиций и стрельба по ним пустыми болванками.

Да, в общем-то, всё старо! Вам уж и примелькалось, небось, всё это, и устали уж, наверное, смертельно от недомолвок и всевозможной шумихи по поводу чего угодно, только чтоб от сути подальше?

А я всё долблю и долблю бумагу, зная, что это и беда, и выручка. Перестань работать – раскиснешь. Последнее время писал киносценарий по своему рассказу «Руки жены». Один режиссёр нашёлся ставить фильм, а я не отказался. Если фильма и не будет – денег дадут, а у меня нонче ни строчки не издаётся в связи с тем, что «Кража», кажется, плотно засела в редакционном столе «Нового мира» до лучших времён. Есть надо каждый день, к сожалению. На рассказах не прокормишься. Тем более что берут их с выбором, что побеззубей да со смефуёчками, те подавай, а как посерьёзней рассказ, так пишут, что «сгустил краски», и возвращают. Так вот в третьем номере «Молодой гвардии» идёт мой большой рассказ «Монах в новых штанах», и Вы уж по названию услышите – ничего там серьёзного быть не может. А вот днями я Вам пошлю посмотреть рассказ⁸⁰, над которым бился, бился, и дороги ему пока нет. Правда, попросили в «Новый мир», и я послал его, так молчат чего-то. Может, обиделись на мой ответ по поводу «Кражи». Они предлагали мне подумать в связи с тем, что вышел-де запрет на спецпереселенцев и зэков, а я ответил, что думай не думай, а из собак енотов я сделать не сумею, да и неохота. Вот примолкли чего-то.

Набросал я тут повестушку начерно листа на 2,5 о фэззошнике военных лет⁸¹. Грустно-грустно получилось. Теперь сижу и ковыряю её. Вообще, осень и зиму я работал и работаю много. На 67-й год «Совпис» запланировал мою книжку рассказов, и я собираю её помаленьку. Сдать должен к июню.

Пишу я Вам ещё вот почему. Мне предложили поехать в Кемерово, на семинар, и я согласился. Это хороший способ встряхнуться и посмотреть новый город. В Сибири как раз будет весна, подснежники и т. д. Не поедете ли Вы? Вот было бы хорошо. Мы бы хоть наговорились. Я понимаю, что в Москве разговоров много, но я изголодался по трёпу, а в Москву ехать незачем пока. Читали ль Вы рассказ Нагибина «Браконьер» в № 12 «Нашего современника»? Какой рассказище! Какой мастер! Я даже пытался написать о нём статейку, но когда перевалил за 20-ю страницу и ещё до рассказа по существу и не добрался, понял, что не за своё я дело взялся, и бросил.

Какие-то до нас тревожные лит. слухи доходят, и не хотелось бы им верить, а подумаешь-подумаешь и вздохнёшь – всё может быть. Если не читали, прочтите в «Комсомолке» в трёх номерах исследование о свободном времени современного городского человека нашей страны. Оч-чень важнеющий, на многие мысли наводящий документ!

Ну вот, маленько поговорили с Вами. Если некогда, на ответ время не тратьте, а лучше приезжайте в Кемерово!

Ваш Виктор

Апрель 1966 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

⁸⁰ видимо, речь идёт о рассказе «Синие сумерки». – Сост.

⁸¹ повесть «Где-то гремит война». – Сост.

Лишь из дому могу я написать Вам. В Москве наш брат периферийщик, как сорвавшийся с цепи кобель – бегаёт задравши хвост, полупьяный и ошалевший от новостей, встреч и разговоров.

Страшно жалею, что мы не встретились, но Иван Падерин передал мне Ваше письмо с рассказом, и я его, сидючи на пленуме, прочёл, потом в поезде, потом дома. Наверное, не во всём, но во многом Ваши замечания совпали с моими сомнениями и догадками, смутно меня донимавшими. Трудно даётся мне этот рассказ! Но я его добыю, собаку. Включу в рукопись в том виде, в каком он есть, а пока она рецензируется, ходит по людям (в «Совписе»), это, говорят, года занимает, я и добыю рассказ. Мне только неловко, что Вам пришлось так много времени затратить и письмо мне писать величиной с критическую статью. Но я тут же и подумал (слаб и хитёр человек, зело хитроумен!) – раз А. Н. так много написал, значит, рассказ его это заставил сделать, а раз так... и т. д., и т. п.

На пленуме, а также после него произошла маленькая стычка у меня и моего друга Коли Воронина со Стариковым, который, пользуясь благостной поддержкой президиума и всех, кто к президиуму поближе, пытался забивать голы в ворота «Нового мира». А так как в воротах никого не было и за воротами тоже, то он просто наслаждение имел лупить и лупить по пустым воротам, говоря, что «Октябрь» – это правильная линия, а «Новый мир» – де неправильная. Мы с Колей возразили ему, к неудовольствию Соболева и прилегающих к нему подхалимов.

Кстати, я взял «Кражу» из «Нового мира» и передал в «Сибирские огни». Тут она, кажется, и найдёт пристанище. Обещают 8—9-й номер. Замечаний немного. В «Новом мире» с рукописью расставались тягостно, с большим сожалением (и не с одной моей – всё лучшее российские ребята тащат туда), но в таком положении находится сейчас этот журнал, что ему держать до бесконечности рукописи невозможно, а печатать, что им хочется, не дают.

С горя и ещё для того, чтоб размочить мою тоску, мы зашли с новомирцами выпить граммов по сто, да так надрались, что уж и не помню я, как расставались. Много я услышал в тот вечер всяческих вещей, а особенно о Твардовском. Моё личное мнение, что это для наших времён великая и почти святая фигура, подтверждено было многими фактами. От этого и жить легче маленько. А та шушера, вроде Бровмана, как мусор на реке воспринимается после того, что рассказали мне об Александре Трифоновиче. И хорошо, что есть он. И пусть живёт дольше. И если его даже уйдут из журнала, всё равно жить будет легче, пока он есть.

А вообще после этой московской говорильни на пленуме и в кулуарах хочется пойти в леса и очиститься. Вот я и пойду. Послезавтра. Сделаю завтра сообщение о пленуме и отправлюсь. Если пароходы ещё не ходят, пойду пешком (вёрст 15) и пробуду в деревне до 10 мая.

Буде возникнет у Вас охота прибыть на праздники ко мне, то ещё раз сообщаю – лететь 2 часа 15 минут, ехать сутки. Дома будут сын и дочь. Они в любой момент проводят Вас в деревню, если не на пароходе (это очень удобно), то пешком – это не очень удобно, однако ж интересно. Но я уверен, что пароходы вот-вот пойдут, потому как лёд давно киснет и течёт здорово. В деревне будут моя жена и товарищи по охоте. Будет выпивка (немного), много цветов, две собаки, два ружья, грибы солёные, маринованные и сухие, а если повезёт, то будет дичь и рыбный пирог. На Вашем месте я бы плюнул на всё и давал Астафьеву телеграмму: «Приеду такого-то», и всё.

На всякий случай поздравляю всех Вас с праздником весны и желаю бодрости духа и всего, чего сулит весна, кроме болезней, войны и нервотрёпки.

Крепко вас обнимаю и ещё раз благодарю за доброе, большое письмо. Ваш Виктор

*Май 1966 г.
Новосибирск
(Жене)*

Дорогая Маня!

Сию в гостинице «Новосибирск». Идёт дождь. На улице слякотно. Я только что «опрокинул» 12 страниц в повести и на сегодня – выдохся. Увы, старый текст остаётся малыми островками, как тот, который я видел вчера на Обском море, а островок этот – бывший г. Бердск, точнее, то место, где он стоял, а дальше за ним – обрывистый берег, на нём сосняк и то место, где я служил под знамёнами...

Две ночи я ночевал у Володи Сапожникова, потому что в гостинице не было мест (по всей стране одна и та же история). За два дня мы обговорили замечания (их много), потом бродили с ним по Академгородку, дивились и трепались. Академгородок – это чудо! Впервые в жизни увидел современную архитектуру, современный городок и вдруг не в кино, а наяву убедился, как это здорово и даже прекрасно. Народ тоже отличается от основного народа, и мир совсем иной – как будто другая планета: на одной Быковка, а на другой Академгородок, который не снизойдёт до Быковки, а Быковка не готова взяться до Академгородка.

А дальше – сосны и место моей службы, так и напрашивается начало будущей повести о запасном полку. Но пока не до неё. Пока «Кража». Чтобы сделать первые 150 страниц в срок, мне нужно делать в день минимум по 25 страниц – это многовато, но в первой части возможно. Хуже со второй половиной, там работы больше, кое-что нужно дописывать, и, если учесть, что я к этой поре разряжусь, будет нелегко. Однако сделать нужно. Вторая часть требуется к 15 июня, и уезжать мне, не сделав её, нельзя. Значит, всё нужно сделать до Кемерово, до 30-го числа. Завтра – 15-е. Работа адская, но надо, надо. 28-го я выступаю на телевидении (запродали тут меня без меня) – буду читать отрывок из повести. Кроме того, запишусь на видеомagneтофон с рассказом о книжке Болотова Вити – он же в прошлом новосибирец, и меня попросили. А вообще меня пока, слава богу, не отрывают. Володька трудится в поте лица. Николай Николаевич Яновский человек деликатный, а больше у меня знакомых здесь нет.

Я – умная голова, уехал без рассказа «Синие сумерки», который хотел показать Володе и Николаю Николаевичу. Не захватил в запас книжек Болотова и Домнина. Если по сроку это письмо придёт, ты отправь на Володькин адрес (для меня) по две книжки каждого, а рассказ, уж если отправлять, то 2-й экземпляр. И, пожалуйста, не волнуйся. Я тебя очень люблю, очень ценю, считаю, что такое доказывается не словами, а делами.

Восемнадцатого мне дадут аванс. Тут продают великолепные латышские мебельные гарнитуры (в Академгородке, разумеется), цена 404 рубля. Купил бы – «зуб горит», но Володька сказал, что дня два придётся бегать насчёт транспорта, контейнеров и т. д. И я охолонул. У меня такого, мебельного, времени нет.

Целую, Виктор

*24 июня 1966 г.
Быковка
(А. М. Борцаговскому)*

Дорогой Александр Михайлович!

Я, кажется, в суете и попыхах забыл послать Вам свою новую, прескверно изданную книжку. Посылаю. Писать много не буду. Весь я измотан, издёрган и усталый. Завтра отправляюсь с женой и сыном в Сибирь, на Родину, и возможно, в селе Ярцево, на Енисее, где живёт мой братишка, мне и отдохнуть удастся.

Напишу лишь о продолжающейся истории с моей злополучной «Кражей». Из «Нового мира» я вынужден был её взять, так как она лежала там и ещё могла лежать долго без сдвигов... Расстались мы полюбовно без всяких обид, но с огорчениями с той и другой стороны. До меня уже дошли слухи, что «доброжелатели» распускают слух, будто Астафьева зарубили, он переругался и т. д. Всё это выдумки и не очень оригинальные.

Повесть попросили в «Сибирские огни», конкретно назвали номера 8—9, и в «Новом мире» по-доброму рассудили, что уж чем лежать повести, то пусть она свет увидит.

«Свет» её очень тёмный. Я сидел в Новосибирске почти месяц в гостинице, наполненной грохотом, ремонтным матом, полуголодный, оглохший, терзаемый к тому же ортодоксальным заведующим отделом прозы журнала, и правил повесть да оборонял её от перестраховки и трусости, переходящей рамки, даже нынче существующие. Первую половину сдали в набор, и я уехал на Кемеровский семинар.

По второй половине повести у меня было как раз наибольшее количество расхождений с редакцией. Я оставил её на машинке с тем, чтоб уж после этого мне прислали рукопись с окончательными редакционными замечаниями. Со мною поступили иначе – рукопись мне не прислали, а прислали телеграмму, чтоб я не позднее 25-го был в Новосибирске. Телеграмма послана 23-го, пришла 24-го, а 25-го, 26-го – суббота и воскресенье. Всё сделано тонко. 29-го окончательный срок сдачи по графику журнала. Это значит, там сделали с рукописью всё, что хотели, и я знаю что, и меня поставят перед свершившимся фактом, тем более что заплатили мне 60 процентов гонорара за всю повесть. Душа моя кровью уж облилась из-за этой повести, и что будет дальше – одному богу известно.

Как много сил расходуется не на написание, а на отстаивание своего труда! Горько всё это сознавать, и всякий раз, как печататься, я сталкиваюсь с этим. Ведь с повестушкой «Звездапад» в своё время была та же история, от которой меня чуть кондрашка не хватил. Я тоже отредактировал её, согласовал, а после всего этого редактор журнала изуродовал её по своему понятию и усмотрению.

В общем, еду в Сибирь, полный смутных и тяжёлых предчувствий. Да ещё повесть цензуру не проходила! А тут ещё г-н де Голль мне дорогу переехал! Когда в Новосибирске сидел, город чистили и вылизывали для приёма французика, а теперь совпадает мой и его приезд! Беда от этих буржуев советским людям!

Как живёте Вы? Судя по «Литературке», живы и действенны. Это хорошо.

Домой вернусь я к началу августа и возьмусь досоставлять сборник рассказов для «Советского писателя». Срок-то у меня июнь, но мне не управиться. Сил уже нету.

Делал я тут маленькую повесть. Думал листа на три – получилось четыре. Это последняя вещь из цикла «Страницы детства». Ещё надо написать штучки три-четыре мелких, и мой долголетний цикл сложится. Году в 1968 издам я книжку под названием «Далёкая и близкая сказка» и чую, что это будет моя лучшая книжка, цензура её терзать не будет, всё там про дедку, бабуку да про мальчика. Такая литература у нас ещё не пугает никого.

В посланной Вам книжке из этого цикла есть несколько рассказов. Вы их узнаете. Если будет время, черкните мне своё мнение о книжке. Она, правда, похудела за период производства и издана ужасно, но тут уж не моя вина, а моя беда.

Как Ваш роман? Всего Вам наилучшего. Ваш Виктор

26 августа 1965 г.

Быковка

(А. М. Борцаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Я всё живу в деревне, и времени у меня много, и работа двигается потихоньку. Я дорабатываю рассказы для сборника в «Советском писателе». Вероятно, в первых числах сентября отправлю его, маленько поброжу с ружьём и напишу новое. Со старым возиться надоело. Много штукатурки и соплей много в вещах уже опубликованных, просматривая их, стыдишься самого себя иной раз. Но это и утешение – раз видишь огрехи, значит, ещё не заостенел и помаленьку вперёд двигаешься.

За добрые слова о моём сборнике – большое спасибо. Наверное, Вы перехваливаете меня (мне всё время кажется, что меня перехваливают), но сам себя я сужу строже, чем мои читатели, и требую с себя больше, хотя писать становится всё труднее и труднее – вычерпывается языковой запас, какие-то душевные импульсы иссякают, да и биография, из которой я черпаю, черпаю, – не бездонна. В запасе ещё война. Моя война, мною пережитая, мною увиденная, – эту целину и собираюсь я тронуть зимою. Страшно, а надо!

Хочу писать продолжение «Кражи». Не хронологически, а ещё две-три повести, объединённые одним героем. Знаю, что хватит почти на всю жизнь. Знаю, что будет тяжело. Долго уверял я себя, что не надо этого, что лучше легче прожить, пописывая разные лирические истории и новеллы, ан ничего с собой поделать не могу.

Следующую повесть назову «Зрячий посох» и введу туда своего романтико-анархического героя. Там, в этом горниле, ему на всю жизнь переломают кости и душу сапогом.

Буду писать совершенно отрешённо, ни о чём не заботясь и не думая о цензуре.

Нынче я был в Академгородке и с пляжа, с ультрасовременного, смотрел на остров, поднявшийся из Обского моря. Там под водой и осталось то место, где я проходил «службу» в 1942 году, туда вот и помещу героя. А потом фронт. И ещё одна повесть, послефронтовая. По размеру они должны быть небольшими. Каждая с самостоятельным сюжетом. Каждая с отдельным названием. Попробую сделать судьбу моего поколения. Его величие и трагедию.

Очень тяжкий труд, огромная задача, но мне уже сорок три года, и пора думать о том, что положат в изголовье, когда отправляться к родителям станешь. Считаю, что всё, мною сделанное до сих пор, – это подготовка к основной работе, и, может быть, именно потому так осторожно и редко я притрагивался к войне.

«Кража» – это экспозиция, вступительная часть, предыстория, а всё остальное впереди. Зимою же закончу я «Страницы детства» – книга получается листов на 17. Она почти вся, за исключением двух-трёх рассказов, готова. И эта милая, тёплая память о детстве покормит меня какое-то время, а я поделаю то, к чему долго внутренне готовился.

Даже Ваши мучения с романом меня не остепенили. Это как болезнь. Я очень рад, что так по душе пришлось Вам писание рассказов. Думаю, что они и подкузьмили Вас при работе над романом. Они ведь учат не расползаться, следить за каждой фразой и всё держать в кулаке. Рассказ – горка вроде бы и невысокая, а с неё видно ой как много! Да и культура рассказа нашего (лучшего) сильно выросла. Я думаю, если положить на весы два рассказа Жени Носова из № 2 «Нового мира» и какой-нибудь обласканный всеми романище, то рассказы его перетянут, потому что на одной тарелке золото, а на другой – вода!

Насчёт Катаева я прочитал у Дудинцева и разделяю Вашу точку зрения. От «Сына трудового народа» и к «Колодцу» – это путь, заслуживающий того, чтоб наш брат мотал себе на ус и учился. Вообще, судьбы наших классиков, живых и мёртвых, – это страшная школа. Увы, многие из них даже и до «Колодца» не дойдут, так и разменяют свой талант и жизнь на суету и пятаки.

Меня особенно потрясает судьба Суркова. Какой поэт мог быть! Я благоговел перед многими его великими стихами – русские, всегда сдержанные в эмоциях и оттого особенно эмоциональные. За этими стихами угадывался очень сильный и глубоко душевный человек, а из него получился литературный вождь, который кому только ручку не целовал!..

Ну да бог с ними. Хорошо уж и то, что они были, есть и нам, добрым молодцам, дают повседневный урок. Думаю, не без этого урока пересаливают хлеб чёрствый, едят хрен с квасом, но не пишут на потребу и Вася Белов, и Юра Казаков, и Костя Воробьёв, и Володя Сапожников, и тот же Солженицын, и Максимов, и Климент Борисов, множество других – дай им бог дальнейшего мужества и здоровья!

В Коктебель я не поеду, Александр Михайлович. Дал себе зарок – не ездить в эти дома. Во-первых, дорого, а во-вторых, раздражает меня многое там. Да и домишко мой в деревне очень хорош, мне лучшего ничего и не надо. Одолевают летом гости, но сейчас уже слышали. Мы тут с сыном вдвоём, но и он к 1-му уедет учиться. Приедет жена.

Не всем у меня нравится, конечно. Был недавно мой один товарищ с женою и с сыном, сказал, что «в Коктебеле лучше». Куражился над нами, пробовал барина из себя гнуть, чванство этакое российское выказывать, и я едва не погнал его отсюда.

Ловлю помаленьку рыбу. Мало осталось, но на уху наскребаем. Хожу по лесу. Слушаю петухов, на народишко гляжу. Мало его тут, а мирный такой народишко, пока не напьётся. В деревушке все нас считают уже своими. И на душе покойно, и работается хорошо. Чего ещё и надо-то нашему брату?!

Прочёл в газете, что в ноябре пленум, значит, скоро увидимся и поговорим, а в письме всего не скажешь, хотя и длинное оно получилось.

Желаю Вам перекатить гору – одолеть роман. Здоровья желаю. И крепко жму трудовую.
Ваш Виктор

17 сентября 1966 г.

Пермь

(А. Н. Макарову)

Александр Николаевич!

Письмо Ваше писано 9-го, я приехал в город 16-го, пишу 17-го утром и рассчитываю, что Вы мой ответ получите не позднее 20—21-го.

Какая у нас сейчас чудная погода! Ах, если бы она продержалась! Я завтра ускачу в деревню, но дома у меня сын, дочь, и 21-го на партсобрание приедет жена. Она будет ждать Вас. К нам ходят самолеты (по-моему, два или три), но я советую Вам ехать поездом – это ночь и половина дня в пути на пермском поезде, с Курского вокзала. Посмотрите осеннюю Россию, подышите ею маленько в пути.

Дайте телеграмму, поскольку жена не знает Вас, она или объявит по вокзальному радио, чтоб Вы зашли в радиорубку вокзала, или так просто будет Вас искать (я описал ей портреты), а Вы, как увидите в толпе самую маленькую белокурую женщину с носом, который на семерых рос, но одной достался, – значит, это моя добрая и хлебосольная жена. Очень Вас жду! Хотел дать телеграмму, но что в ней скажешь?

Я как раз ворокою новый, осенний рассказ и только поэтому сам не встречу Вас, но Вы ни о чём не беспокойтесь. Жена всё сделает. От вокзала до нас идёт улица Ленина, и ходу тут 15 минут (две трамвайные остановки). Остановка «Плеханова» и полквартала вперёд. Дом с зелёными полосами и с вывеской «Воздушная кукуруза», а напротив нас большой обувной магазин, а за нами (через два дома) агентство «Аэрофлота». Это на всякий случай наши координаты – ул. Ленина, дом 172, кв. 26 (второй подъезд, второй этаж).

Вот и всё. Жду! Обнимаю! Ваш Виктор

8 октября 1966 г.

Пермь

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Маня ездила в город и привезла мне Ваше письмо. Я очень рад, что у Вас остались приятные впечатления о поездке к нам. Ибо напуганные куражливостью Вороновых, побывавших до Вас, мы уже стали бояться не угодить чем-либо нашим гостям. Жаль, что побывали Вы очень мало. Как раз после вашего отъезда хариус начал скатываться и весь скопился на поворце подле нашей избы, и я за выход ловлю штук по 20—25 хороших рыбок, сидя на одном месте. Вот бы Вам тут душу отвести!

Погода было изломилась маленько, но сегодня резко похолодало и опять стало солнечно, ясно.

Приехал к нам единственный оставшийся в живых мой дядя из родной деревни, и мы всё разговариваем с ним. Он, сам того не зная, пополняет меня языком, восстанавливает воспоминания, и вообще хорошо, что он приехал, а то я уж начал забывать, что у меня есть родственники.

Вчера ходил с ним на охоту, принесли двух рябчиков. Варили чай в лесу, сидели у костра. Осень доцветает, в тайге грусть, и тянет к воспоминаниям о покойных, о бабушке и дедушке, замечательных тружениках и сердечных людях.

А Маня... Она у меня злосчастный человек! Поехала в город, что-то занесло ветром в глаз, и вот мыкалась, мыкалась. Две ночи не спала, и я отправил её домой, к врачу. Она даже и Блока не смогла почитать, и так уж рада, так уж рада она Вашему вниманию, и подарку, и тому, что сумела угодить Вам. Она человек, не избалованный вниманием, умеет ценить его как не знаю кто.

Что касается меня, то Вы напрасно беспокоитесь. Просто в силу своей породы, да и прошлой жизни отчасти я очень сдержан в проявлении чувств к людям, и потому я не мог выразить словами, как я был рад Вашему приезду и как, истосковавшись по людям, с которыми можно не прятаться, наговорился с Вами и отвёл, что называется, душу. Но до Вашего приезда меня страшно донимал геморрой и никак не могла выйти кровь. Стало от него, проклятого, прихватывать сердце. Ну а тут на радостях выпил, сделалось похуже, но, оказывается, напиток-то надо было! Вскоре после Вас набухший этот геморрой прорвало, дурная кровь вышла, и мне сделалось лучше. Сейчас я уже по тайге резвей хожу. Так что всё хорошо. Мне только было очень грустно, когда Вы уезжали, а на моей морде все мои чуйства видно, вот Вы и обеспокоились.

Всё хорошо. Ещё раз повторяю, что я был очень и очень рад Вашему приезду, ведь одиночество это не лучший друг писателя, хотя порой и дорожишь им, и оно полезно работе, но пей сладкого – не досыта, горького – не до слёз! Так, кажется, говорится?

И ещё. Ради бога не считайте себя обязанным писать что-либо обо мне, хотя Вы и «собрали» материал. Освободите себя хотя бы от этого груза. Я и так, не в пример многим периферийщикам, избалован вниманием прессы. Есть ребята, которые куда как лучше меня работают, а находятся втуне, вот о них (например, о Косте Воробьёве) и написать бы. Прочитали Вы его книжку или нет? А я читал роман Ивана Акулова «В вечном долгу», напечатанный в первых номерах «Урала». Опять колхозы, опять горе, голод, несправедливости и прочее. Язык хороший, роман добрый, но... Но лет бы на пятнадцать раньше ему появиться! А теперь это запоздалый роман, и тихо, тихо он погрузится на библиотечные полки, повздыхает там и успокоится в пыли времени.

Сам я ещё ничего не делаю. Позволил себе осень погулять, а там уже и за работу.

На пленум, если он состоится, я непременно приеду, но остановлюсь в гостинице и всё из-за того же геморроя, который заставляет иной раз стесняться, и я поэтому всегда почти останавливаюсь в казённых местах. А с Вами мы навидаемся досыта.

Крепко вас обнимаю. Ваш Виктор

10 октября 1966 г.

Быковка

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Давненько получил Ваше письмо, а пока искал «Неделю» (я её не выписываю, а в деревню почта не ходит) и читал «Три тополя»⁸², привезли и «Наш современник» с «Ковчегом». Вчера на сон грядущий я прочитал его и от души хочу поздравить Вас с настоящей, добротной прозой, которая очень и очень уже отличается от того, что я читал у Вас прежде. Деревня Вас, городского человека, остро и крепко взяла себе, а Вы её в себя. И язык стал очень цельный, ядрёный, а главное, органичный с тем миром, в котором действие происходит. Каждый в «Ковчеге» получил своё, каждый виден, особенно старуха с «пешней», привыкшая к «смирению и закону». Как это здорово подмечено! Для сибиряков это нехарактерно, а для средней России, где люди так и не минули пору крепостного права, – в точку.

Хорош пастух со своими словами и особенно теми, что и «у правительства своих денег нету, тоже наши». Вы первый это сказали, и как их оставили, эти слова, в «Современнике», я уж положительно не пойму!

Правда, порой у меня создавалось впечатление при чтении «Ковчег», что я имею дело со сценарием. Может, из-за эпизодичности действия и перенесения «объектива» с лица на лицо. Но боже Вас упаси обратить эту вещь в сценарий! Погубят её, измочалят! Итальянцы этот неторопливый, несюжетный рассказ сняли бы, а наши – нет. Наши заставят морду набить Полещуку, село поднять и снимут, как бык корову покрывал, и за этими «действиями» и смефуёчками пропадёт главное: разговор о судьбе крестьянства – хребта народного, который и по сию пору не знает, что с ним будет, и зарабатывает меньше, чем негры у покойного Фервурда.

Я завидую Вам в том, что Вы можете писать о деревне. Я – не могу. Живу постоянно в деревне и не могу. Просили у меня в «Литературку» статью, и я пообещал даже, но написать так и не смог. Уж больно всё в деревне остановилось, застыло, оравнодушело, и никакие постановления ничего поделать не могут. Газетчики, как всегда, желаемое принимают за действительность, а деревня тем временем доживает, допивается и гниёт на моих глазах. Нужен очень большой переворот на манер коллективизации, нужны свежие силы, большие средства, новую кровь нужно вливать в организм деревни – тогда, может, что-то и сдвинется. Я вижу одно спасение – возврат к звеньевому способу обработки земли, то есть, по существу, возврат к единоличному хозяйству. С помощью РТС на уровне современных достижений науки мужики наши, очнувшись, ещё удивили бы мир и нас тоже плодами своего труда, а так они тянут лямку сонно и равнодушно, идут и смотрят, нет ли поблизости дороги или поворота в сторону.

О «Трёх тополях» – у меня какое-то от этого рассказа смутное ощущение. Какое-то чувство незавершённости в нём. Точка или позднее поставлена, или нет её. Всё мне кажется, что рассказ этот составная часть «Ковчег». Но это мои субъективные чувства.

Живу в деревне по-прежнему. В гости Вас раньше не звал, потому что боялся. У нас были в гостях баре советские – Н. Воронов с супругой-актёркой, хотя она и работает учительницей. Они такой тут аристократизм вшивый показывали, так куражились над женою, что я с трудом сдержался, чтоб не вытурить их из своего дома. А раз Вы непривередливы – ради бога в любое время, кроме первой половины лета. У нас в эту пору клещи. Упаси бог, чтоб приезжий человек у меня отхватил страшную болезнь. Хватит того, что чуть не умерла моя

⁸² по повести А. Борщаговского «Три тополя» снят фильм «Три тополя на Плющихе». – Сост.

многострадальная жена. Лучше всего приезжайте ко мне в сентябре-октябре, когда рыбалка есть (правда, совсем уж захудавшая) и охота, идут дожди и тянет на беседу, а если светит солнце – бегать по тайге хочется.

Но мы об этом поговорим ещё при встрече. Скоро пленум будет, вроде бы и я приеду.

«Наш современник» взял у меня рассказ «Синие сумерки», над которым бился я почти два года. Давать хотят после нового года.

Написал я последнюю вещь из «Страниц детства», рассказ «Последний поклон» – размер вывел на повесть в четыре листа, и даёт его «Молодая гвардия». И мой товарищ ткнул пальцем в это название⁸³. Вещь по плану последняя, но по написанию нет – ещё осталось три рассказа, вступление и заключение. Тогда книга, над которой я работаю в течение 10 лет, будет готова, и, на мой взгляд, лучшая моя книга.

«Кражу», как поступят журналы, я Вам вышлю. Она уже очень и очень отличается от той рукописи, которую Вы давно читали. Стала она, как выбегавшаяся собака – жирок слетел, клочья шерсти вытерлись, подбориста в талии, резва в чтении, но как много при этом утерялось из неё! Читают её в «Роман-газете», но не дадут. Чувствую. Кабы автор был пройдоха, то и пробил бы, а я чего из Быковки-то пробью? Да и бог с ними. Дадут, так дадут, нет – так нет.

Выдвигали меня за «Звездопад» на Горьковскую премию. Я, говорят, вместе с Алексеевым и Германом до финала дошёл, но где же мне конкурировать в премиях с Алексеевым? Ему дали за «Вишнёвый омут». Меня это, в общем-то, нисколько не трогает. Я вижу вокруг столько обойдённых и объеденных людей, что боюсь за свою счастливую судьбу и всё вижу во сне, как снова оказываюсь в литейном цехе с кувалдой в руках и с полуголодными ребятами дома.

Ну, всего Вам доброго! Обнимаю Вас. Ваш Виктор

5 ноября 1966 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Статью я Вашу прочел позавчера, а вчера пришло и Ваше письмо. В тот день, как прийти «Литературке» со статьёй⁸⁴, получил я рассказ с машинки. И статья, и рассказ до того меня разволновали, что я искурил пачку сигарет, а потом пошёл в город и даже наклюкался, что со мной бывает, в общем-то, довольно редко.

Чувствуется по статье, что Вы многое замыслили сказать, но размер Вас зануздal. Наверное, Вы очень помогли повести и мне этой статьёй. Я ведь до сих пор за неё не брался, не могу пересилить своей неприязни к ней, а «Молодая гвардия» не напоминает о себе, должно быть, притаились и ждут «прессы». Народ там молодой, но тёртый, и с ним теперь мне легче будет разговаривать об издании повести. Шли слухи насчёт «Роман-газеты», но боюсь, что слухами это и кончится, ибо там зав. ещё более тёртый и в номенклатуре и в конъюнктуре разбирается крепенько. Словом, спасибо Вам! Постараюсь, как говорится, оправдать...

Рассказ (это тот самый, который я не стал Вам читать в деревне) дошёл, как мне кажется, до читабельных кондиций, но работа над ним далеко ещё не закончена⁸⁵. И за Ваше доброе отношение ко мне придётся Вам расплачиваться трудом. Я прошу до пленума про-

⁸³ в дальнейшем Виктор Петрович дал это название всему циклу рассказов, которые впервые вышли отдельной книгой в Перми в 1968 г. – Сост.

⁸⁴ имеется в виду рецензия А. Макарова «С чего начинается человек» в «Литературной газете», 1966, 1 нояб. – Сост.

⁸⁵ речь идёт о рассказе «Ясным ли днём». Впервые был напечатан в «Новом мире». 1967. № 7. – Сост.

честь его и потом поговорить со мною. Пусть Вас не смущает такое громкое посвящение. Оно больше сделано от автора и для автора, ибо возник рассказ по причине Пирогова, в исполнении которого я слышал и полюбил романс «Ясным ли днём» ещё в детстве, да так вот и запало на всю жизнь. При публикации рассказа (если дело дойдёт до этого?!) я посвящение, вероятно, сниму, чтоб избавиться от возгласов: «Эко Астафьев-то выдрючивается!..»

В деревне я так ещё и не был. Лёд лишь недавно стал, а я с Маней ездил в Чусовой и Лысьву. В Чусовом ходили на кладбище навещать нашу маленькую дочку и Маниных родителей. На кладбище, куда ни погляжу – всё знакомые фамилии. Когда-то доктор Трофимов, тоже уже покоящийся на этом кладбище, любил сюда ходить выпивать. А выпивши говорил: «Вот почти все, кто здесь лежат, у меня лечились». А я Мане сказал, вспомнив о нём, о Трофимове: «Вот почти все, кто здесь лежат, были описаны мною в газете». Мало живёт народишко в этом дымном, зловонном, чёрном рабочем городе.

Одиннадцатого ноября с Маней уезжаем в литературную Мекку, город Ирбит, на читательскую конференцию по «Краже», а пока Маня собирается принимать маленькую компанию гостей и наготовила разных вкусных вещей. Вот если б Вы поближе были!.. Но я надеюсь как-нибудь зимою залучить всё же Вас к себе и свозить в заснеженную Быковку поглотать тишины морозной и насладиться истинным, так редкостным в наши времена, покоем. Коли пленум 22-го, значит, числа 20—21-го я прикачу. А пока ещё раз поздравляю Вас с праздником.

Всего вам наилучшего. Ваш Виктор

*Ноябрь – декабрь 1966 г.
(А. Н. Макарову)*

Дорогой Александр Николаевич!

Сегодня, подвернувшись из Сибири, где я умудрился простыть, ибо пижон есть и уехал в ботинках, да кабы фэззошных, а то на траках и без бортов... Оне, эти ботинки, тем горше, что дома меня ждали новые вятские валенки, домашней катки, тёплые и уютные до того, что я их вот цельный день с ног снять не решаюсь. Кабы в Сибирь их с собою! Каким бы молодцом я развернулся к жене!..

Был в Дивногорске, в родной Овсянке. Наслушался, насмотрелся, и если бы сейчас писать повесть «Где-то гремит война», она была бы богаче. Но у литератора, как у старьевщика, всё до поры до времени лежит, авось и пригодится.

...Я, конечно, дурень-провинциал и оттого не мог подумать, что человек, работающий в обстановке делячества (кстати, очень порядочный человек), может нас с Вами тоже принять за деляг. Горько мне, если это так, и ещё горше оттого, что Вас я принудил из-за себя волноваться. Поводов к этому у Вас и без того достаточно. Бог с ней, с «газетой», и с «романом». Я долго жил без них и как-то сумел не запятнать своё писательское имя, а главное, быть честным перед собою, и это всегда мне очень помогало в работе. Разумеется, я был бы рад напечататься в «Роман-газете», и не только для того, чтобы «прогреметь» и получить хоть какую-то финансовую передышку. Но опять же, почему я должен рассчитывать на комфорт, если многие писатели, куда как самоотверженно работающие, постоянно терпят нужду и работают, работают. С них и брать пример надлежит, а не с Бабаевского, который миллионы накопил, а жрёт пирожок за пять копеек и следит за тем, чтобы крошка от этого пирога на штаны не упала.

Словом, так: если хоть краем уха услышу или хоть одно слово прочту в письме Малюгина (его ещё нет) о том, что ставится под сомнение моя писательская порядочность, я его пошлю туда, где только дикие козы и гураны живут, вместе со своим хитромудрым началь-

ником. Можете не сомневаться – выражения я найду, сейчас в Сибири я снова подзарядился ими!

Я очень рад, что Вам понравилась моя повесть. Особенно за то, что вы меня поддержали с названием. В «Молодой» меня просили сменить название, но я упёрся, однако ж сомнение в душу они мне всё же заронили. Замечания Ваши я некоторые стихийно уже поправил, но иные и нет. Особенно важное замечание насчёт Алёшки. Забыл! Ну, что сделаешь – бывает! Видимо, это ещё и от поспешности. Всё же маловато я работал над повестью. Однако в гранках я кое-что добыю.

Вперёд, наука! «Ясным ли днём» потому и держу на столе, чтоб всё выверить и выписать не торопясь.

Вот поправлюсь маленько, просморкаюсь, одолею текучку и возьмусь за «Кражу», готовить для отдельного издания буду. Первые сто страниц уже Маня напечатала, но они полегче были, дальше пойдёт труднее, да и в первой сотне возникла порядочная правка. Сказали мне, что в «Урале» (№ 2) и в «Нашем современнике» (№ 3) идут рецензии на «Кражу», с «философией» будто бы.

Вот на первый случай пока и всё. Хотелось бы поболтать с Вами, как-то я уж и стосковался обо всех вас, привязался, видно. И пусть Наталья Фёдоровна поверит – мне куда было приятней быть у вас и разговоры разговаривать, нежели обивать пороги редакций.

Как она, бедная? Всё волнуется за всех?! Захлёстывают её муки мира и дома! Неразрешимые, вечные муки! Их Кампанелла, здоровяк-мужик, разрешить не смог, а она со слабым-то сердцем и своей непосредственностью хочет облегчить страдания человечества!

Берегите сердце, Наталья Фёдоровна, голубушка, своё и мужево, ибо оно износимо, а страдания были и будут бесконечно. Нам их не одолеть, хотя мы и пытаемся это сделать, опять же прятая на горячую чугунку обнажённым сердцем! (Ничего закатил афоризм, а?) То ли будет, если я ещё раз съезжу в сибирскую тайгу!

Целую всех крепко. Ваш Виктор

*20 декабря 1966 г.
(А. Н. Макарову)*

Дорогой Александр Николаевич!
С Новым годом вас, дорогие друзья!

Здоровья вам и всего самого наилучшего! Семейство моё кланяется вам и шлёт свои самые лучшие пожелания!

Я трублю. Готовлю «Кражу» для отдельного издания в «Молодой». Как всегда, возникла правка, и немалая. Из «Молодой» мне прислали очень любезное письмо. Они уже успели прочесть «Сиб. огни» и говорят, что, мол, это их почти устраивает. Расщедрились настолько, что прочли сами в журнале рукопись новой повести «Где-то гремит война» и решили её присоединить к «Краже», а я так обнаглел, что попросил их и «Стародуб» включить. Вставши впереди «Кражи», он бы многое осветил там своим светом, и гляделась бы «Кража» несколько оптимистичней. Пока ответа не имею.⁸⁶

Получил я письмо от Малюгина. Мы – люди мнительные. Ничего он такого не пишет. Жалуется на серую литературу и на затурканность, жалуется на то, что печатают, чего не хочется печатать, и в связи с юбилеем опасается, что моя «Кража» минует их заведение.

Печатают они в основном чучмеков – это и беда, и выручка у нас! Что было бы без них? Пропали бы все, наверное! Я попрошу Вас, Александр Николаевич (эк записался-то!),

⁸⁶ в сборник вошли повести «Кража» и «Где-то гремит война». Молодая гвардия. 1968. – Сост.

выслать мне рукопись новой повести. У меня ничего не осталось, и раз её включают в книжку, то ещё раз пересмотреть надо и перепечатать затем.

Новостей пока нет никаких. Маня моя суетится – стирает, варит, печатает «Кражу» в 13-й (!) раз. Жаль её, но что поделаешь, жить-то надо!

В феврале мы хотим провести отчётно-выборное собрание. У Вас нет желания заявиться к нам в качестве представителя? Если есть, черкните – мы сообщим в Союз, и Вас направят.

А как Наталья Фёдоровна? Пусть на ногах встречает Новый год и тогда уж не свалится ни разу больше!

Я Вас обнимаю. Ваш Виктор

1967

5 января 1967 г.
(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Что-то мне захотелось поразговаривать с Вами, вот потому и пишу.

Новый год у меня начался с «благословения», 3-го числа получил из «Современника» рассказ «Синие сумерки», вынутый из первого номера Главлитом. Вчера сидел и правил его, истребляя неугодные кому-то мысли. А кому? Мы ведь так и не знаем, по существу, кто это «тама» бдит и подвергает нас унижительному надзору.

Рассказ я, разумеется, не стал уродовать, а сделал кое-что и написал, если их не устроит – пусть возвратят.

Что-то вообще смутное происходит вокруг, замельтешился оживлённо литературовед, приставленный к нам из надзорных органов, собирает какие-то списки, сведения, выписывает цитаты из моей статьи в молодёжной газете, да и на конференции по «Краже», проходившей недавно в центральной библиотеке, его «участие» чувствовалось...

А уж тот, кто был нашим полномочным представителем на идеологическом совещании в Москве, ведёт себя так, как вели себя таковые представители в худшие времена, с нами не встречается, ничего не сообщает нам, зато на всевозможных совещаниях, где публика особенно обывательски настроена, обливает грязью литературу, литераторов и искусство наше так, как будто уверен, что скоро нас побьют камнями. Видно, одну старую истину он всё же помнит, что голодный и недовольный народ никому не нужен. Накорми его – и он сам камнями побьёт своих пророков.

Беда его в том, что он вкладывает камни в руки ещё недостаточно накормленного народа, а тормоз в том, что тёмные силы, вооружившись камнями, бьют не разбираясь – и пророков и недоумков, и правых и виноватых, пример тому под боком – в Китае.

Получил я гранки из «Молодой» – это «Где-то гремит...», и правка, сделанная в ней, меня тоже удивила, уж явно перестраховочная, уж такая прямо, что руками развести впору. (А повестушка-то грустная, но безобидная, безобидная.)

А её ведь цензура ещё не смотрела. Может, и эту завернёт? Не удивлюсь. Пользуясь юбилейным настроем, кажется, хотят на нас затянуть намордник по всем ремешкам. Но, в общем-то, я плюю на это! Настроение, конечно, портят, да с пути избранного не собьют. Чему-чему, а настойчивости и упрямству нас научили, и таковыми своими мерами сие только укрепляют в нас. Правда, есть одно опасение, которое высказал в письме ко мне трагически живущий Костя Воробьёв, – кабы усталость и раздражение не переросли в озлобление. Русской литературой всегда двигала любовь. Ибо, как сказано одним мыслителем, «жизнь человеческая слишком коротка, чтобы расходовать её на злобу и ненависть». Не дай бог нашей литературе утерять её самое главное достоинство.

Я всё это время работал над «Кражей», а затем над «Где-то...». Повестушка отлежалась, и мне удалось её почистить, кое в чём улучшить, кое-что прописать и дописать, чем я и доволен.

Сейчас Маня хлопает её на машинке, а я тружусь над рассказом «Ясным ли днём». И тоже получше получается. Почище, поточнее. Ввожу я одну для меня очень важную мысль в рассказ, о том, что Сергей Митрофанович как человек бездетный, для которого все дети – его дети, чувствует вину перед ними за то, что они снова идут служить. Хотя он верил, что та война, которую он отвоевал, была последней и его муки и увечья были последними. А ещё за то, что поют они «ча-ча-ча», и ещё за то, что речка грязная, леса порублены, и за

неустроенность, за смуту, оставленную в ребяческих душах. Всё ведь это не с неба к ним свалилось, во всём, что есть плохого, и наша вина, наша беда – это ведь только «святыё», «непорочные» старпёры ругают молодняк так, как будто к нам их с Марса в коробке свалили. А они ведь наши, наши!..

Правда, чем дольше идёт работа над рассказом, тем меньше у него шансов увидеть свет, особенно в юбилейном году, но это уж дело шестнадцатое.

Устал я очень. Надо бы в деревню податься отдохнуть, да стоят морозы, и уже давно стоят, прочно, и снега нет почти, тротуары голые, и многие людишки рушатся на ходу, особенно пьяные. Прочитал я письмо Натальи Фёдоровны, адресованное Мане. По письму чувствуется, что выздоравливает, и рад за неё. Но чудачка, чудачка! И если бы не такие чудачки да чудачки, так и где бы мы были сейчас?! Наверное, уж снова на карачках по лесам бегали, кушали еловые шишки, и у нас обратно вырос бы хвост и мы бы играли им, вместо всякого искусства был бы нам хвост.

Читаю Вашу книгу⁸⁷. Какое-то очень противоречивое у меня чувство от статьи о Весёлом, Бабеле и Васильеве. Пока читаю – убеждаете. Как отойду в сторонку, подумаю – что-то не так. Или я чего недопойму, или же Вы чего-то подпутываете. Существует же ещё какое-то читательское, объективное отношение к литературе и искусству прошлых времён. Разумеется, сейчас, с нынешней колокольни и с нынешней читательской культурой тот же аббат Прево просто наивен и смешон, как смешно и наивно первое кино. Сейчас вон даже ребята мои считают скушным Клапку Джерома и, кстати, не смеются над «Золотым телёнком», а скучают, читая его. Конечно, сейчас Артём Весёлый – да и один ли он! – очень уязвим. Вон я «Странников» перечитывал у любимого Шишкова. Просто и читать-то вроде бы неловко, но они же существуют, и читаешь их, как Шишкова, Весёлого и т. д. Кстати, насчёт «Чапаева». Почему-то мне думается – не будь фильма, эту книжку давно бы все забыли. Единственный, наверное, факт в литературе, когда кино не убило первоисточника.

Словом, написал вот и чувствую, что ничего Вам не объяснил, ибо и сам никак не могу разобраться, в чём тут дело. Наверное, сейчас Вы бы не стали писать такую статью или написали бы это по-другому. Мною скорей всего владеет старое российское правило: «Живых ненавидим и мёртвых оплакиваем». Нам всегда мёртвых да ещё убитых очень жалко, и нутро протестует даже против, может быть, и честного высказывания о них, которые «не по шерсти».

Скоро я отправлю рукописи повестей в «Молодую», и если там всё пойдёт ладом, они через месячишко-полтора вызовут меня на редактуру и тогда потолкуем, а возможно, собрание будет у нас до этого и Вы сможете приехать.

Числа 20 января наш секретарь полетит в Москву, позвонит Вам, и Вы с ним договоритесь, как, когда и что.

Нашёл я тут сборник статей «Навстречу будущему» (а не «Навстречу жизни», как я Вам говорил), прочёл статью о себе одной критикессы. Напутано там со мною беда сколько, и ранения лишние приписаны, и место ранения перевернуто. Это я к тому, чтоб Вы не брали во внимание мои биографические данные из этой статьи. В глазах женщин я всегда почему-то выгляжу лучше, чем есть на самом деле! Это, конечно, хорошо до какой-то степени, и будь я помоложе, не преминул бы воспользоваться своим преимуществом, да старьём себя чувствую и рассказыки опять же сочинять надо...

Ну, всего Вам хорошего. Не хворайте. Ваш Виктор

*13 января 1967 г.
(А. Н. Макарову)*

⁸⁷ «Серьёзная жизнь». М., 1962. – Сост.

Дорогой Александр Николаевич!

Недавно я писал Вам очень большое послание, где выразил своё недовольствие статьёй «Разговор по поводу», недовольствие это укрепилось ещё больше, когда я прочитал о Павле Васильеве. Где-то тут Вы сделали не похожую на Вас вещь, то есть поддержали официальную точку зрения на литературу и литераторов подобного рода. Я ещё буду с Вами спорить о Васильеве, но сейчас мне это делать не хочется, и вот почему.

После Васильева перешёл я к Чехову, и каким добрым, Вашим добрым ветром дохнуло на меня. Честно скажу, я давно не читал с таким наслаждением ничего, особенно в критике. Очень это хорошая статья, наверное, лучшая из Ваших. Случилось со мною главное, мне захотелось перечитать всего Чехова и полюбить его так же, как любите Вы. И как только у меня появится время для сосредоточенного внимательного чтения, я возьмусь за Чехова, к которому всегда относился прохладно, как раз по причине той, которую Вы обозначили совершенно точно, то есть потому, что «проходил» в школе.

Много всего происходило в душе, когда читал я статью Вашу, но всё время устойчиво было одно стыдное ощущение: какой я дикий и неграмотный человек, хотя и работаю после таких вот писателей, как Чехов. И много таких нас – диких, малокультурных, мало знающих и ещё меньше понимающих... И всё идет к тому, чтобы мы таковыми и оставались. Думающих людей у нас не любят и не хотят их, ибо лучший тот, кто поворачивается беспрекословно направо, налево и смотрит в рот всякому олуху, приставленному руководить и управлять...

Ну ладно-ть, кину мою старую песню. Повести я закончил и отослал в «Молодую». Днями рвану всё-таки в Быковку, отдохнуть надо. Рассказ «Ясным ли днём» тоже закончил, отошлю в «Новый мир», хотя его и затуркали и вроде бы уж в год по номеру готовы выпускать. Вскорости, надеюсь, вызовут меня в Москву редактироваться, и там потолкуем о Чехове и обо всём на свете. Нашёлся командир дивизии, в которой я воевал. Живёт в Москве, затребывает к себе (приглашает!) побеседовать о нас и просмотреть те материалы, которые у него собрались о пути и действиях нашей дивизии. Любопытно будет. Я этого генерала видел всего два раза издаля и оба раза со страху чуть в штаны не напустил, а тут запросто приду и скажу: «Здорово, Сергей Сергеевич! Как живёшь? Каку пенсию получаешь? И вообще, веруешь ли в бога?..» Ничего, да?!

Маня бренчит на машинке и шлёт Вам поклоны. Приехал наш старшой из Уссурийска, привёз рога от козули, ухряпанной собственноручно, и себя привёз, и больше ничего. Гуляли они тут вчерась, твист, собаки, танцевали, и я не знал, креститься мне или материться, а в общем сидел, посматривал, похихикивал и терпел, а ночью тонул где-то в чёрной воде и утром к Марье с претензией обратился: «Ты что же, говорю, старая стерва, не спасала меня? Я всю ночь тонул и звал тебя». А она говорит: «Как бы я тебя спасала, коли ты на меня сложил и ноги, и руки, и мне даже шевельнуться невозможно было!»

Так и живём, с юмором всё больше.

А Вы как? Здоровы ли? Крепко обнимаю. Ваш Виктор

13 января 1967 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

В конце концов, все наши тревоги, беды и сложности, как в громоотвод, попадают в наших подвижниц-жён. Пока моя жена не начала умирать, я этого не понимал, а теперь как я Вас понимаю и сочувствую Вам! Сейчас вот пытаюсь побережь жену, а как это делать-то нашему брату? И не умеем и не сможем, а ведь без неё в моём доме, к примеру, всё пойдёт прахом. А она после энцефалита, и дети ничего не понимают и не жалеют её, да и сама себя

она беречь не научена, суетится круглые сутки, всем пытается помочь и угодить, особенно мне, конечно, а я... Тоже гусь! Устал вот тут, издёргался – дорабатывал «Кражу», новую повесть, делал рассказ, а пока делал в «Современник», цензура бортанула из первого номера рассказ, а потом вёрстка из «Молодой» пришла вся ошипанная, как курица. Надо наорать на кого-то, а на кого наорёшь-то? Под боком никого кроме жены нет, ну и на неё. Потом виноватым себя чувствовал, «заглаживал» вину.

Сейчас вроде бы разделался со всеми делами на время и мечтаю уехать в деревню, хотя бы на недельку, отдохнуть.

Настроение тоже пакостное. О цензуре знаю, что свирепствует, и кагэбэшники оживились, «интересуются» нашим братом, в частности, мною. Мне-то уж наплевать на всё, главного они со мною уже не могут сделать, то есть вернуть меня в «счастливое» детство, когда я ничего не понимал и всему радовался больше, чем огорчался. Но то, что в юбилейном году нам решили кляп в рот сунуть, о многом говорит. Значит, и дальше век будем на унижительной слежке и подозрении – это за все наши дела, за нашу кровь и преданность своей великой и измученной Родине.

Скоро, через месяц-два, буду в Москве. Обязательно позвоню. Обнимаю. Ваш Виктор

20—23 января 1967 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Вот мы и в Быковке! Выбрались наконец. Пришли вчера. В избушке всё стыло, немило и черно. Но как только затопили печку, как только она затрещала дровами, сразу и веселей сделалось. Картошка замёрзла, грибы замёрзли, и всё замёрзло. Спирька, услышав нас, орал на всю округу. Я пошёл по воду, отвязал его и увидел собаку, совершенно лишившуюся рассудка и в таком восторге, что мне пришлось от него спастись бегством.

Вечер наступил быстро, синий, тихий и мглистый. Сварили. Поели. Я пал на раскладушку, и ничего мне не хотелось – ни читать, ни думать. Так и лежал весь вечер, не читая и не думая. Хорошо!

Ночью топили железную печку, так как стены промёрзли, а русскую топить сразу нельзя – будет угарно. Проспали долго. Встали маленько угоревшие. Поели. Я взял лыжи, ружьё и отправился в лес. Хватило меня с непривычки только на 3,5 часа, но и за это время я успел надышаться, надивоваться и успокоиться от городских тревог и передряг.

Лес тут благодатен ещё и тем, что он вовсе не исхожен. Прошёл кругом километров восемь, и попалась всего одна старая лыжня. А заячьего, лосиного, лисьего и птичьего следа – много. Выгнал из лунок двух косачей, пальнул, но так, чтобы не попасть, да если бы и хотел, так не попал бы, наверное, ибо вспорхнули они из-под самых лыж, забились, заклохтали. Я их пугнул. Улетели. И ладно. Выводки весной будут. Но Спирька мой горько страдал от того, что мы с ним мазанули. Начал плавать по снегу, завывать и лаять в свежие лунки. Выстрадал несколько рябчиков, но сам же их и прогнал дальше в лес. Спустились мы с ним в речку. Видели там снегирей, щеглов, дятла и стайку дроздов. Речка нынче кипит страшно. С осени не было снегу, и морозы стояли большие, образовались ледяные пробки, и вода пошла верхом, по льду. Кусты затоплены жёлтой наледью. Местами речка вышла из берегов, залила низины. Лёд местами наслоился до двух метров. Я испугался за хариусов. В таких случаях он погибает массаами. А у нас его в массах-то и нет давно. Ещё с осени отгадывал загадку – почему хариусы собрались в двух местах: у нашей бани и чуть повыше? Случилось это первый раз за всё время, как я тут живу.

Сегодня нарочно пошёл возле речки, и вот разгадка – только на этих местах и нет наледи. Хариусы выбрали ямки, выше которых находятся перекаты длиной в полкилометра, и ниже короткий, но глубокий и мощный перекат. Какая бы наледь ни была, всё одно она длинный и бурный перекат не закроет, всё одно где-то проест лёд и пойдёт нормально подо льдом, ибо на перекате за счёт движения воды и температуры её лёд не может быть толстым. Ежели же верхний перекат всё же закроет наледью и вода начнёт покрывать яму, где стоит рыба, и доступ кислорода прекратится, у неё есть место для отступления – нижний мощный перекат, где можно отстояться. Жить там худо, конечно, придётся расходовать много сил, чтобы устоять на быстрине. Зимой рыба, и хариус особенно, выбирает места потише, поспокойнее, а хариус и таймень даже набирают балласт (гальку) в брюхо, чтобы тяжесть помогала стоять в затишке и не требовалось лишних сил удерживать себя на плаву. Так вот, самые сильные рыбы, даже застигнутые бедствием, согнанные с места зимовки, всё равно выживут, а мелочь и слабаки – сгинут. Всё, как у людей, только по-честному, и в дни бедствий они не рвут друг дружку и не выцарапывают глаза слабому.

Вот так я открыл сегодня, почему хариусы выбирали себе именно эти места для зимовки.

И ещё раз подивился мудрости природы, и ещё раз возмутился тому, что, не зная броду, нынешние «сверхчеловеки» лезут в эту природу ногами и руками, а она мудрее их, только слабее в своей доверчивости и доброте. Она с нами обращается чаще всего благородно, а мы исподлились и её, как подлюгу, лапаем.

Проживу я здесь неделю, а если выйдет, и две. Завтра опять пойду в лес и продолжу это письмо. Оказия будет не скоро. Поэтому у меня есть возможность продолжать и продолжать письмо. О литературе не напишу ни строчки. Ну её к чёрту! Разве что перед отправкой несколько слов о деле.

Да и чего о ней писать? Всё ясно. Вчера вон радио про Норильск рассказывало. Уж так разливались, так разливались! А о том, что этот город построен на человеческих костях, – ни слова. Такой вот радиоправды и от нас хотят.

А сейчас, когда я ходил по лесу, заснеженному, тихому и чистому, мне захотелось уйти работать егерем или лесником, или чёрт его знает кем, но чтобы быть в лесу постоянно. Отвыкнуть от города и людей (а я знаю – это возможно, и у меня даже характера на это хватит), но надо и писать бросить, иначе опять, даже и в лесу, будешь мучиться и потянет к кому-нибудь трепаться и плакаться. «В своё время я имел мужество не писать», – сказал один хитромудрый наш классик, но он был трус и цветистой этой фразой прикрывался. А как бы хорошо было набраться мужества и бросить писать не от трусости, а от полного сознания бесполезности этого занятия.

Да-а, а сейчас снова вечер. И снова синё всё вокруг, и каждую минуту синь сгущается. И чем синей вокруг, тем тише и сиротливей деревушка – ни звука, ни огонька, и лес вокруг потемнел. В нём бука притаилась, ребятишек пугать будет и домой загонять с улки. А тут и ребятишек не видать. И лошадей не видать. Синё, тихо. Ночь приближается. Снежная, с морозцем. А по белой земле, по мёрзлым кустам ползёт и ползёт жёлтая наледь. Дна не видать. Воды не слышать, а ступишь – мокро и провалиться можно по уши. И ночью будет сочиться наледь, никому не нужная, полуживая, всем вредная. Что-то и в нашей жизни есть вроде неё. Неслышное, ненужное, а затопляет сознание, душу, напластовывается, напластовывается, и вот уже воздуху не станет – задохнёшься, как рыба подо льдом.

А не написать ли рассказ под названием «Наледь»?

Вчера всё же поместился за стол. Писал в «Комсомолку» письмо об одном подонке. Есть такой поэт-песенник Гурьян, автор ура-патриотических песен и стихов про красные гвоздики, про мечи и орала, и сам, падла, забросил восьмидесятилетнюю мать. Ему присудили платить десятку, так он и эту десятку норовит зажилить!

Ко мне, как к сердобольному человеку, обратились сходить к этой матери и узнать. Много было в моей жизни тяжёлых встреч, но встреча с матерью Гурьяна самая гнетущая, пожалуй. Был у неё ещё до Нового года, писать не хотел, но и молчать, успокоиться тоже не могу. Самое возмутительное тут ещё и то, что у нас присосались к патриотизму всякие подонки, но путных людей трудно вынудить писать, чего им не хочется, а подонкам всё равно что писать, и святого для них не существует. Словом, написал.

А потом со Спирькой в лес подался. Ходили недолго. Валил густой и сырой снег – лыжи не катятся. Вечером к бабушке Даше приехал сын-охотник со товарищи. Ходил к ним. Сын бабушки угрохал нонче двух лосей по лицензии, и я спрашивал – не жалко ли? Говорит, когда идёшь, охотишься да весь в азарте – не жалко, а как увидишь такую большую животную на снегу, в крови и судорогах, то на душе как-то неловко делается. Ну, как и все охотники, они большие златоусты. Много чего за вечер-то рассказали интересного. Лёня, сын бабушки Даши, вырос здесь, в Быковке, и его послушать шибко интересно, как оно тут было во время оно. А время «оно» и десятками лет не исчисляется. А были и пруд, и лес, и дичь, и даже килограммовые хариусы в речке водились. Быстро мы навели «порядок» в природе! У Лёни выросла собака, чудесная лаечка под названием Белка. И мне ещё раз больно стало на душе. Нет Индуса! Стоит лишь деревце на его могиле, качается на ветру.

А сегодня холодно. Ветер дует. Сегодня должен приехать Толя и привезти мотыля. У нас с этим зверем дела очень плохи. Привозят его из Челябинской области, и когда продают, на улице демонстрация больше, чем в праздники. Если привезёт мотыля – порыбачим, а если нет, значит, остаются лыжи и в лес. Тоже неплохо. Маня читает Булгакова в «Москве». Хихикала весь вечер. Закончила первую часть. Сейчас моя очередь наступила. А вчерась деревня наша шумела – Крещение праздновали быковцы. Брагу пили и песни пели. Время мало касается наших российских людей. Больше это касается транспортных средств – лошадей не стало, так ходят пешком и носят на себе грузы разные: котомки, вязанки сена, вязанки дров. А нравов? Нравов всё-таки почти не коснулось время. Так, маленько, краешком. Если сопоставить изменения и разруху в природе с людьми деревенскими, то можно подумать, что везде и всюду ещё стоят дремучие леса и реки все чисты.

А тут по радио трезвон: «сдвиги», «величайшая эпоха», «революция в самосознании людей», «шаги саженьи», «на пороге...». Конечно, Быковка – деревня нетипичная, да вот беда, деревень таких у нас несть числа, и в городе люди живут всё больше из деревень же, да и там умудряются сохранить свою «косность» и привязанность к обычаям. Видно, не так-то просто вытряхивать из людей то, чего тысячелетиями в них вращалось.

Сколько всё-таки работы для мысли в наше время! Сколько вопросов задали человечеству эти наши пятьдесят лет! Ах, если бы всё осмыслить и взвесить трезво, философски, задавши хотя бы один суровый себе вопрос – были ль мы готовы к революции? И стоила ли овчинка выделки? А тут новость завёз один парень из Москвы. Пырьеву поручили инсценировать (экранизировать) «Братьев Карамазовых»! Вот это да-да-да-а! Говорят, Алов и Наумов сделали превосходно «Скверный анекдот», но раз превосходно, значит, неприемлемо, и вот в пику им поручают старшему товарищу показать этим удалцам, как надо показывать Достоевского. Батюшки-светы, а мы ещё в тайниках души ждём каких-то снисхождений! Глупость, глупость и тупость торжествуют, а мы ждём!..

23-е. Значит, загнул мороз. И что значит? Значит, надо писать. Вот и написал конец рассказа «Фотография, на которой меня нет» – это один из трёх последних рассказов «Страниц детства». Пишется, как и все рассказы этого цикла, легко, непринуждённо, и жаль будет, когда я закончу эту книгу и «иссякнет святая струя».

Приехал Толя, точнее, пришёл. Понесло его где-то в стороне по морозу и бездорожью. Еле отогрелся. (Мотыля не привёз. Не досталось!) Привёз почту – письма, газеты, «Новый мир» № 11. Два письма добрых – одно от редактора «Совписа», которому послал я два

последних рассказа для книжки. «Ясным ли днём» он нашёл «превосходным» рассказом и сообщает, что в феврале выпишет мне «одобрение». Получил письмо от А. Софронова. В «Огоньке» третий год пошёл, как лежит мой одобренный рассказ. Я рассердился и написал главреду дерзкое письмо. Ответ пришёл быстро с успокоением – «Скоро в ближайших дадим. Извините и ещё присылайте».

Пришло письмо из правления: 9—11 февраля пленум по журнальной прозе и критике. Приглашают. Думаю, к той поре подойдёт редакция в «Молодой», но если и не подойдёт, всё одно приеду.

Смотрел газеты. «Литературка» становится интересней, хотя о литературе в ней по-прежнему всего ничего, а вот «Россия» поблекла рядом с нею, как пасынок выглядит. Жаль. Всё же это наша, российская газета. Не так уж у нас много своего-то. Начал читать Булгакова. Ну и ехидный же мужик! И талантище же! Ей-богу, обаятельнейший писатель. И такую силу, как Булгаков да Платонов, держали втуне, хотя одно время в литературе нашей было – шаром покати.

Маня стряпает пельмени с капустой. Спирьке привезли огромную кость. Грызёт её со стуком и бряком.

А что, Александр Николаевич, утомил я, пожалуй, Вас? Хотя Вы и любитель послушать мои «сказочки», но всё же и меру знать надо.

А потому закругляюсь-ка я. Остаётся лишь написать, что «Синие сумерки» пока не вернулись. Пойдут, наверное? Я их «подправил» очень ловко и осторожно. Повесть так хорошо обдёртали, что главное осталось, а то, что цензуру может раздражить, как языком корова слизнула. «Ясным ли днём» я Вам привезу потом в уже окончательной (пока) редакции.

Вот и всё. Надо расставаться с письмом. А жаль чего-то. Вроде бы болтал и болтал с Вами, о чём хотелось и как хотелось. А это так славно – болтать, как душе хочется. Обнимаю Вас. Ваш Виктор

*Февраль 1967 г.
(А. Н. Макарову)*

Дорогой Александр Николаевич!

Захватил я всё-таки с собой столичный грипп, а он, зараза, куда крепче периферийного оказался. Дней десять пластом лежал, и сейчас ещё болит спина и вялость в теле да звон в голове. Следом за мной болели Андрей и Ирина, а сейчас лежит мать, а я хозяйствую. Хозяин из меня, прямо надо заметить, хреновый, и зло от меня да раздражение – и никакого толку. Работать совсем не могу. Выбит из колеи, а это действует на мой характер весьма и весьма отрицательно. И редактор мой не едет чего-то, а я его жду, жду...

В середине марта я не приеду на пленум. Нечего кататься взад-вперёд. Но вот в середине апреля мы, наверное, приедем вместе со старухой. Дело в том, что отдел пропаганды Союза затеял обсуждение «Кражи» и последних моих вещей, а я не возражал. Надо послушать и уловить, может быть, важный какой-то момент в работе, который, чувствую я, наступил, а где он, в чём? – уловить и понять не могу. Когда меня спросили по телефону, кто бы сделал на этом обсуждении вступительное слово, я брякнул о Вас. Брякнул, а потом подумал, что, не спросясь-то, наверное, не надо было этого делать. Но я опять же подумал, что Вы уж всё читали, а кому-то мучиться бы пришлось, и кроме того, думаю, раз отдел да ещё пропаганды, так он, может, и заплатит Вам маленько за это дело.

Ладно ли я поступил-то?

У больного есть одно хорошее преимущество перед здоровыми – он может себе позволить читать. Дочитал я «Мастера и Маргариту». Мне вторая часть, кроме глав о Понтии Пилате, не понравилась. Тут явный перебор пошёл. И всё на грани шизофрении, воздействие

скорее на психику, а не на ум и сердце. Я аж за голову начал хвататься, дочитывая разогнавшегося Булгакова. Мне кажется, при желании такое наговорит кто угодно, а вот первую часть никому больше не написать.

Давно добирался до «Дюма» Моруа. Прочёл. Был под впечатлением большим и сейчас под ним нахожуся. Такие люди и миры, как Дюма, будто нарочно существовали для того, чтобы собою подчеркнуть наше ничтожество и нашу обывательскую сущность. Какой наполненной и яркой жизнью они жили! И оттого им хорошо было делаться романтиками и выдумщиками. А мы, как черви-древоточцы в дверке, скрипим-скрипим и горсть опилок выточим. Выше бытописательства и натурализма нам и не подняться, потому что люди мы не свободные в действиях своих, а уж отсюда прямая зависимость и мыслительная. В лучшем случае мы можем что-то увидеть и более или менее списать, и тут достигли даже виртуозности и предельной простоты, часто переходящей границы натурализма. А поднять моральную, этическую или – уж совсем нонсенс! – политическую проблему нам не дано, потому как у всех у нас, кроме Москвы, пожалуй, задница не по циркулю. А без проблемы, без углубления в действительность какая может быть литература? Слова на бумаге, да и только.

Я вот пробовал тут писать в «Литературку» статью о рассказе. Писал, писал, а потом перестал. Боже мой, как всё плоско, уныло и примитивно! Мысли, которые я с трудом выковырял из башки, и на мысли-то не похожи вовсе, а на конские шевяки, что валяются на дороге и раскисают от первой сырости и прилипают к сапогам, а не к сердцу. Так вот и сижу в депрессии или пессимизме полном. Не то хвораю, не то хандрю и ничего не могу делать.

Хочу в деревню скорее, уж мотыль Ваш пропадает, а всё не получается. Ваш Виктор

22 марта 1967 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Уж так получается, что, получив от Вас письмо, я испытываю внутреннюю потребность не то чтобы ответить, а поболтать с Вами и тем втягиваю Вас в переписку, хотя я Вам, кажется, говорил или писал, что отвечать мне совсем необязательно. Не скрою, мне Ваши письма – это отдушина и радость, но не обременяйте себя, тем более в нездоровье будучи.

Я убрался в деревню. Уже скоро десять дней здесь. Оклемался, отдышался и... рыбачил. Погода у нас холодная, никак зима не сдаётся, и клёв неважный. Ловлю ершов в основном, изредка попадают окунишки, но я везучий на рыбалке, меня даже в деревне колдуном за это звали, и при бесклёвье, на глазах у изумлённых рыбаков, почти на сухом месте просверлил лунку и поймал двух приличных голавлей, то-то рыбаки ахнули. Говорят: «А мы-то, а мы-то!...» и больше добавить ничего не могут, и я их понимаю: мы-то думали, тама рыбы нет, у берега-то, думали, и лягухи не водятся, а ты-то... Словом, посрамил я род людской, а сын меня посрамил, собственный сын! Поехала моя Мария встречать редактора, который дал телеграмму, что двадцатого выезжает, и... не приехал, падла такая. Я деткам своим послал ершишек и окунишек на уху. Мать приезжает – вот, мол, папа деткам рыбки послал, старается, а сын открывает ей холодильник, и там лежат окуни, сорожины и голавль. Оказывается, он шуточки для поехал с ребятами на воскресенье поудить и играючи наловил там рыбы, а я её тут ищу, сверлю, а из всех дыр дымина валит... Так вот всюду посрамляет и обставляет нас молодёжь!

А редактора-то нет! Я хоть и хорохорюсь, но душа не на месте. Ведь если они боданут мне книжку, я на лето останусь без копейки денег и тогда... а всё тогда накроется: и поездки, и покой, и семейное благополучие.

Редакторы... А Вы тоже, хоть и старый лит. волк, а наивный, спасу нет. Неужто вы всерьёз подумали, будто это я дал кастрировать повесть в «Молодой»? Да меня никто и не

спрашивал! Цензор – та придралась к тексту, к бабушке этой несчастной и ещё кое к чему, а журнал на выходе, ну и рубили, как хотели. Уж лучше бы они совсем эту фразу вместе с куском выбросили, тогда б не так нелепо было. Но в «Молодой» со мною и не такие штуки выделывали. Я, кажется, рассказывал вам, как обошёлся Котенко со «Звездопадом»? А что сделал Зубавин с рассказом «Два бойца» или «Сашка Лебедев», знаете? Я освирепел и написал Зубавину письмо, где даже и оскорблял его последними словами, а он... Он даже не рассердился на меня. Видно, много таких писем получает. Ответил только: «Посидели бы на моём месте...»

Вот и «Кражу» тоже маринуют. «Виктор Петрович, укажите карандашом все места, где есть расхождения с журнальным вариантом», – говорят. Я отвечаю: «Помилуйте, как можно! После журнала я объёмно перелопачиваю вещь, делаю всеобщую правку, как же я Вам укажу?!»

Ну вот договорились, что редактор ещё и ещё прочтёт повесть ту и другую, а затем зав., а затем главный и отметит, а «Вы уж на месте утрясёте, только, пожалуйста, помните о лите⁸⁸. Мы Вам зла не хотим, но лит, лит!..» И руками себя хлопают. Все добра хотят, все хорошие, да боятся лита! И где уж боязнь, а где перестраховка – не всегда различишь. Беда прямо!

Написал я всё-таки статью о рассказе в «Литературку»⁸⁹. Плохо получилось, плохо. Мысли вроде коровьих лепёх, серо-зелёные, но послал, хотя бы для того, чтоб знали, что данное слово пытался сдержать. Продолжаю работать над «Страницами»⁹⁰, и работа эта меня радует. А дальше «Пастух и пастушка» и, действительно, потом коридор пустой. Не в смысле тем и замыслов, у меня их всегда в башке роится уйма, а в чём-то другом. Но если хунвейбины разные не помешают, у меня вроде бы ещё перспектива с годик не писать – планируется моя книжка в «Уральскую библиотеку» и переиздание всех повестей в «России» на 69-й год. Кроме того, я пристрою где-то «Страницы» и воспользуюсь тем, чтобы годик поездить, подумать, передохнуть. Много мне нужно рассказать о войне, о мною увиденной войне, и как это сделать, с какой стороны на войну зайти, надо подумать. Время нужно и пространство. «Страницы» в самом деле что-то вычерпали во мне, какой-то эмоциональный заряд, который можно было растянуть надолго, я в них выхлестнул, и этот источник, так долго меня питавший, иссяк. Попробую набираться материала и эмоций в современности. Только недоброе у меня к ней отношение и боюсь, что не пойдёт у меня современность. Но есть война, война, хреновина одна... Ну да чего горевать! Скоро уж пятьдесят будет, а там, как цыган говорил: «Зима да лето, зима да лето» – и пенсию писательскую дадут. Вот уж тогда я порыбачу-у-у!.. А поджелудочная железа – это, дорогой мой человек, плохая штука. У Толипасечника мучается этим делом жена. Только что вернулась из больницы, после всяких блокад и прочего. Лежит. Велели ей: вина не пить, горького и острого не есть, с мужиком не... того, и вообще... не мять никак живот. Лежит сейчас дома, в Быковке, и пока мало сдвигов. Диета, наверное. Диета Вам только и поможет, а ещё бы лес, да деревня, да свежее молоко, да покой... Но «покой нам только снится», как сказал товарищ поэт. Как бы хотелось, чтоб Вы были здоровы и жизнерадостны! Да ведь не маг я булгаковский, а то б моментом эту железу Вашу вынул и другую, стальную, что ли, вставил.

Крепко Вас обнимаю, болезный, но не сдающийся человек. Калязинские ребята, они такие, они эту железу запросто вынали и в утиле на иголки и маковухи меняли, а которые и на водку. Ваш Виктор

⁸⁸ здесь и далее в письмах имеется в виду цензура. – Сост.

⁸⁹ Рассказ – любимый жанр. Лит. газета. 1967. 19 апр. – Сост.

⁹⁰ рассказы о детстве, вошедшие впоследствии в книгу «Последний поклон». – Сост.

30 марта 1967 г.

Быковка

(И. Степанову)

Иванушка, сельдюк ты мой!

Я прочёл открытку, где содержится вопль, адресованный мне. Я мог бы и тебе адресовать подобный же вопль, но будем считать, что ты занят ещё больше меня и потому тоже не пишешь.

Я много работал, добивал «Страницы детства», и уже виден конец. Ещё с месячишко работы, и я расстанусь с этой, самой дорогой моему сердцу, книжкой, вероятно, лучшей из моих. Во втором номере «Молодой гвардии» напечатали заключительную вещь этой книжки – «Где-то гремит война», покарябали, правда, но без этого у нас печатать не умеют.

Ездил в феврале по делам в Москву и зацепил столичный грипп. Болел тяжело и долго. Главное, что после гриппа напала на меня мерехлюндия, ни работать, ни читать неохота сделалось. Говорят, сейчас это у многих бывает в послегрипповой период и даже случаются самоубийства. Я до этого не дошёл, ибо есть у меня угол в деревне. Вот сюда я и забрался, откуда и пишу тебе. Здесь я оклемался и пришёл в себя. Начал работать и даже письма писать, которые запустил сильно. И вообще всё позапустил.

Старуха моя уехала в город, по хлеб, и я сейчас один, чему и рад очень. Стал дорожить одиночеством – старость приближается. Вспоминали как-то тут тебя. Я поведал своей жене твой рассказ о том, как люди замерзают в тундре. Ещё вспоминал тебя вот почему: был в нашем городе смотр народных театров, и какой-то театр привозил «Якова Свердлова». Автор с еврейской фамилией. Они ничего не прозевают! опередили тебя.

Ездил ли ты в Туруханск? Пойми ты мою тоску по собаке, по сибирской! Будем вместе с собачкой тосковать о родине. Да и повод у меня появится к тебе съездить и ещё побывать в Сибири.⁹¹

В ближайшее время будут мои новые рассказы в «Литературной России» и в «Огоньке», а летом в «Нашем современнике» – рассказ о собаке.

Вот и все мои новости, пока. Кланяйся жене, сынам. А тебя я обнимаю. Твой Виктор

1967 г.

(Адресат не установлен)

Дорогая Евдокия Осиповна!

Чудесный, добрый Вы, видать, русский человек! Таким сердечным теплом повеяло от Вашего письма и от Ваших воспоминаний о брате и о себе тоже. Мне они очень понравились прежде всего тем, что в них нет сочинительства, претензий на литературу, а есть живая безыскусная исповедь, которая в общем-то и является настоящей литературой.

Я немедленно отсылаю Ваши воспоминания в журнал «Наш современник», членом редколлегии которого являюсь. В номера, приуроченные к 50-летию Советской власти, такие материалы нужны как воздух! Пусть современные молодые люди, а кое-кто из старших зажавшихся совмещан узнают, как нам досталось наше относительное благополучие и что сделали и вытерпели люди ради лучшей жизни на русской земле.

Я не знаю, как в нашем журнале решат вопрос с Вашими воспоминаниями, но думаю, если не у нас, то в другом месте, в другом издании их напечатают с большой радостью.

Что же касается Ваших заметок о Рижском взморье – я бывал на нём и могу засвидетельствовать, что Ваши наблюдения точны и поэтичны, также и заметки о водителе трол-

⁹¹ Виктор Петрович просил друга помочь доставить ему сибирскую лайку. – Сост.

лейбуса – их нужно предложить рижской вечерней газете или молодёжной – это для газет очень подходит.

Писать Вам нужно, не стыдясь своих четырёх классов. У меня тоже нелишка – шесть! Дело ведь не в классах, а в самообразовании, в прирождённой внутренней культуре, которая порой бывает тоньше, поэтичней, чем у людей с «поплавком» на борту пиджака.

Не знаете ли Вы писательницу (в Риге) Ингриду Соколову? Она инвалид войны, но хороший, душевный человек. Найдите её (живёт на улице Горького), познакомьтесь, поговорите, и совет добрый она даст.

До свидания! Виктор Астафьев

Начало апреля 1967 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Получил Ваше письмо, в котором Вы мне с юмором описываете все свои злоключения и приключения, связанные с хворобой вашей. Трудиться бы Вам в «Крокодиле» или вести отдел сатиры в «Литературке» и не хлопотать о больницах! Дар у Вас о мрачном и паскудном в жизни повествовать со смефуёчками. Такой автор был бы находкой для нашей литературы, алчущей светлого и возвышенного везде и повсюду, а Вы в критику ударились. Вот – не критикуй!

Но, кроме шуток, чем Вы больше бодритесь в своих письмах, чем там больше юмора, тем большее беспокойство берёт меня. Не знаю почему, но как-то быстро и прочно я привязался к Вам и Вы мне сделали очень дороги. Так-то я не решился б этого сказать, а в письме вот проще всё. Родство душ, наверное? А может, и одиночество наша, ещё невиданная и неслыханная ни в какой литературе, понуждает привязываться к человеку, который не заражён высокомерием, который не орёт на каждом углу «за русский народ» и с которым просто и интересно быть.

У меня их было немало, друзей-то, но одни из них исторговались на лит. барахолке, другие всё норовят горланить о «левых» и «правых», извлекая из этого выгоду или поддакивая кому-то, и всё время шупают – а ты за кого? За нас или за них?

А мне ни за кого не хочется. Писателей я делю только на хороших и плохих, а не на евреев и русских. Еврей Казакевич мне куда как ближе, нежели ублюдок литературный С. Бабаевский, хотя он и русский.

Вот и остался у меня из всех курсантских и прочих друзей Женька Носов да Вы и ещё один парень со свердловской киностудии, чудесный человек, и дорожу я этими друзьями, и боль их, и беды – моя боль и мои беды. С Женькой Носовым я Вас как-нибудь поближе познакомлю. Славный, светлый мужик и мягкости души, самостоятельности характера необыкновенной. И писатель такой, что читать его радостно и гордость берёт за него. А то «друзья» наляпают чего-нибудь и ждут, чтобы их «по-дружески» хвалил, подмазывал, а я не умею и не люблю этого, вот скажешь, а тебе: «Ну да, ты у нас один только могёшь... ты у нас!..» С Женькой у нас этого не бывает. Мы можем просто и прямо сказать друг другу – это вот у тебя здорово, а это хреново.

С нетерпением буду ждать Вашей статьи. Откровенно говоря, побаиваюсь. И не потому, что Вы там можете меня поругать (ругать давно надо и есть за что), а как бы не осложнила она наших отношений с Вами. Наверное, тут надо сделать вид, что Вы обо мне ничего не писали, а я ничего не читал? Да ведь не получится детской этой игры-то! Но и Вы, и я уже взрослые люди – отнесёмся к этому факту мудро...

Сегодня мне всю ночь снились какие-то литературные сны. Анна Самойловна Берзер приснилась, у которой находится мой рассказ «Ясным ли днём», будто говорит она мне:

«Читали, как нас на секретариате-то?» – «Читал», – говорю. «Ну так чего же с таким рассказом идёте?..» – «Да я, – говорю, – понял так, что нас больше хвалили...» – «Ничего вы не поняли...» А дальше пошло что-то смесью – лица, рожи, ужимки и ухмылки разных людей.

Между прочим, «Молодая гвардия» опять что-то затеяла с книгой. Редактора не шлют и помалкивают. Я так изнервничался, что на руках (в сгибах локтей) выступила у меня экзема, чего сроду не бывало. С 64-го года пьют они из меня кровь. Лопнет скоро у меня терпение, заберу я у них повести и отдам их в другое издательство. Но это значит – в нынешнем году мне книжки не видать. А последняя – «Поросли окопы...» вышла в начале 65-го года. Вот тут и проживи! Бесправие писательское у нас всё-таки жуткое. Вроде стены кругом, куда ни торкнешься, всё лбом стукнешься и отскочишь!

Живу всё ещё в деревне. Рыба не клюёт совсем. Поймал пять судаков, и на этом мои подвиги кончились. Доделываю последний рассказ «Страниц» и собираюсь домой, пока по льду ходить ещё можно. Охоту, говорят, нынче не откроют. А хотелось побегать по лесу с ружьишком. Я хоть весною никого и не убиваю, но наслаждаюсь лесом, волнуюсь весною. А так ведь даже понарошке с ружьём не выскочишь – защитник природы! А без ружья не умею, не интересно сие.

Что это на Вас за напасти ныне? Ну авось хоть к лету на ногах будете да на природе поправитесь. Может, в Карелию-то всё же съездим? Целую тебя, дорогой. Поправляйся. Твой Виктор

26 апреля 1967 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Поздравляю Вас с весною и Вашу болезную супругу тоже. Надеюсь, она уже немного оклемалась.

А я как побывал в феврале в столице, получил грипп, так вот с тех пор и не оправлюсь. Механизмы, изношенные войной, годны, видать, только для свалки и на мыло. Уезжал в деревню на месяц (как раз в то время, когда Вы в Ирбите были) и вроде бы ничего себя стал чувствовать, а вернулся в город на отчётно-выборное собрание – приступ случился, еле отводились. Вот сегодня впервые берусь за чернила.

Конечно, издатели наши всячески способствуют тому, чтоб наш брат поскорее подох. Четвёртый год издательство «Молодая гвардия» маринует «Кражу» и до сих пор водит меня за нос. Перебиваюсь на журнальные публикации. А как на них жить, Вам рассказывать не надо, тем более что я никак не догадаюсь растянуть повесть листов на 40, а всё на четыре меня только хватает.

Буду добиваться путёвки в Ессентуки, может, и добыюсь. А то совсем замучили меня желудок и печень. Из желудка всё время идёт кровь, и подыхать, даже при такой паршивой жизни, в 43 года что-то всё ещё не хочется. Хотя иной раз и посещает уж мыслишка, а может, и лучше бы отдать чалку...

Настроение у меня ужасное. Никому и ничего не пишу. Работа не идёт. Всё запущено, заброшено. Поэтому и писать дальше ничего не буду. У Вас и без меня горя хватает. Мой хороший старший друг и Ваш жестокий рецензент Александр Николаевич Макаров тоже лежит в больнице и тоже шлёт письма минорные. Что-то чем дальше живём, тем меньше и меньше весны в жизни.

Обнимаю Вас. Виктор

Конец апреля 1967 г.

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Вчера мы провернули – именно провернули! – отчётно-выборное собрание, в один день, коротко и по-деловому. Я избавился от всех обязанностей, и от Литфонда, и от бюро, да ещё поспособствовал смене секретаря, который протрубил у нас восемь лет и поседел от этой деятельности. По случаю избавления от должности мы крепко выпили, и вот сегодня у меня дрожат руки, ноет печень, и я ничего не могу писать, кроме эпистолярных произведений, к чему и прибегаю, дабы морально чувствовать себя в тарелке. Да и на письмо на Ваше, тьфу ты! на твоё, мне захотелось ответить поскорее.

Значит, в фешенебельной больнице?! Больницы, даже фешенебельные – это всё равно больницы, и избави от них бог. Может, уже дома? Хорошо бы. А я всё жду редактора. Пришла из «Молодой» телеграмма: «Рукопись задержалась чтением главной редакции» (третий раз читают!).

Чуть я не попал в Москву. Из ЦК ВЛКСМ пришёл вызов на актив журнала «Молодая гвардия», но числа совпали с нашим собранием, и поездка не состоялась. Однако мы всё равно скоро увидимся. Читательские конференции – три, в библиотеке им. Лавренёва, им. Володарского и на каком-то заводе – назначены на 15 мая (начало) с тем, чтобы я уже и на съезд остался. Когда он будет, не слыхал?

Приедем мы вместе со старухой, если она будет в форме. Тут у неё прихватило сердце, и лежала она, бедняга, несколько дней, а лежать ей – это всё равно, что спринтеру, всю жизнь бегающему, утратить сандалию и упасть на дистанции.

Поднялась уже, копаются в доме, подержится, подержится за ретивое и опять гремит хозяйством. Я ворчу на неё, чтобы ложилась, но вижу, что, когда лежит, совсем она несчастная, и настаивать или нет на лежании – не знаю. С жёнами обращаться – дело научное и, как вижу, на всю жизнь – непосильное.

Рыбалка моя, как видно, накрылась. Насверлили мы с пенсионером-рыбаком сотню лунок, и теперь людиё из них судаков вытаскивает, а я, значит, сижу и у моря погоды жду, ибо ход судака задержался и начался лишь теперь, перед вскрытием рек.

Погода всякая. В основном хорошая, но стали перепадать дожди, и тучи наплывают всё чаще от вас, из столицы. Грешите там, смуту в небе делаете, а мы, тихие и скромные люди, страдаем тут из-за столичных невоздержанностей, хотя бы уж небо-то не баламутили, обходились бы литературой и ЦДЛ, там никакого неба нет, а фимиами табашный плавают волнами.

Хотя и на периферии тоже разгул пошёл, и касается поветрие светлых душ провинциалов. Я, как догадываюсь, вчерась пьяненький к жене прилубликаться зачал (к больной-то, ну не дурак ли!), и дело кончилось тем, что обнаружил её утром спящую по отдельности, на диване, а я, значит, в сиротстве. В назидание ей я рассказал историю, происшедшую между мужем и женой. Пообедал это муж (а был он у нас баснописец), плотно пообедал и, значит, жену, убирающую посуду, за холку – цап! «Побалуемся, старуха, что ли?» – «Поди ты к лешему! Мне некогда, кручусь, устала, как собака, а у тебя одно на уме!» – «Ну что же делать тогда? – задумался баснописец. – Пожалуй, к девкам идти придётся». Жена, Кланыя, убегла, хлопнула дверь, а через пять минут уже в халате и без штанов прибежала, легла на диван и кричит: «На! Подавись!..»

Я и говорю Мане, вот, говорю, какие жены-то сознательные и самоотверженные. Хочет старая. А ещё этот баснописец (покойный уже, к сожалению), очень обаятельный и талантливый мужик, погубленный провинцией и из-за провинции так и не сделавшийся настоящим поэтом, болел туберкулёзом и часто подолгу лежал в больницах. Там он сочинял притчи про всех и про всё. Многие и сейчас живы, и мы их читаем в мужской компании... Так вот, в больнице сестра, тоже Клава, однажды Афоне и говорит: «Что-то Вы, Афанасий

Лазаревич, про всех сочиняете, а про меня дак нет». – «Обидишься ведь, если сочиню». – «Ну уж, обижусь! Я понятливая...»

И Афоня сочинил про Клаву стих нижеследующего содержания:

В палату каждый день, с утра,
Приходит Клава – медсестра.
Больного жмёт она в углу
И тычет в задницу иглу.
Вливает грамм стрептомицина.
Ну х. и сделаешь? Медицина!

Афоню выгнали не только из палаты, но и из диспансера за этот стих. Он с горя напился и свалился в канаву. Его забрали в вытрезвитель, а как раз шла облава на писателей в связи с прегрешениями министра культуры. Афоню выгнать можно только из одного места, из партии. Зацапали его, голубчика, и на бюро. Беспартийные массы, и я среди них, сидят в Союзе и переживают за Афоню. Вышел Афоня грустный-прегрустный. Мы к нему, а он поднял глаза и хриплым своим печальным голосом пропел:

Нас бьют, работников культуры,
Всыпают крепко мудакам!
За то, что сам министр культуры
Ходил по тайным бардакам.

Помер наш Афоня всеми брошенный, забытый, а сейчас вот его как-то не хватает, чего-то выпало из жизни, а мы и не заметили в суете, как его прозевали, и виноватимся теперь в душе перед ним. А что пользы от этого? Как там у Ахматовой или у Тушновой? «И все цветы, живые, не из жести, придите и отдайте мне теперь». А мы уж очень щедры бываем на цветы из жести...

Впрочем, хватит на эту тему. Я ведь весёлое тебе письмо хотел написать, чтобы повеселить маленько и взбодрить хоть чуть-чуть.

Естественно, что эти дни не работал, в чём раскаиваюсь, но завтра уже начну, думаю, что начну. Обнимаю тебя, дорогой. Не хворай! Твой Виктор. Старуха кланяется.

25 апреля 1967 г.
(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Только я Вам отправил письмо с книжкой, как со мной приключилась оказия, чем-то отравил и без того гнилой желудок, и взяло меня! Печень и сердце, и вся механизма, уделанная войной, как заголосила, а я вместе с нею. Несколько дней было тяжело, и сегодня впервые берусь за ручку. За это время разом пришло от Вас два письма и статья моя в «Литературке». Черти драные, как умеют править! Так обкатали, что от моего гонора и следа не осталось, и острых углов как не бывало! Я думал, они по-благородному поступят, хоть гранки пришлют. И я бы сумел там кое-что подладить. Ничего не прислали – тиснули и никаких гвоздей. Я Вам потом покажу статью в доподлинном виде, и Вы ещё раз убедитесь, как осторожен Ваш родной «орган» печати.

Погода у нас стоит прекрасная, 22—24 тепла. И в такую-то погоду погиб такой человек! Мне этого русака Комарова жаль, как родного брата. Люди эти воистину герои и труженики. И вот... Начало! Сколько ещё их кокнетса, пока они освоят пространство! И никак

у меня не хватает ума объяснить себе эту проклятую «логику» жизни, что такие хорошие, нужные люди гибнут, а дрянь какая-нибудь, которая родилась затем только, чтобы отравлять людям жизнь, портить воздух, здравствует, процветает, ходит по земле с ножами, кастетами и вредными намерениями. Сколько лет, с самой войны об этом думаю и ничегошеньки растолковать себе не могу. Несправедливость, наверное, самое необъяснимое в жизни, отклонение от неё.

Читаю Ричарда Олдингтона. Впервые читаю. Очень хороший и честный писатель. Его взгляды на войну полностью совпадают с моими. Разница лишь в том, что он может позволить говорить и писать, и думать, что ему захочется, а я вынужден буду в самом главном изворачиваться, объяснять, маскироваться и ловчить, чтобы высказать те же самые мысли, ибо войны в сущности своей похожи друг на дружку. На них убивают людей! Всё остальное не главное и пустяк по сравнению с этим.

Мечтаю на праздник убраться в деревню. Но не знаю, сойдёт ли к этой поре лёд с моря, а пешком мне не уйти, ослаб от хвори. В деревне я бы быстро поправился. Там всё исцеляет – и весна, и воздух.

В «Молодую» послал телеграмму с предупреждением, что, если они в ближайшее время не решат судьбу книги, я передам её в другое издательство. Да, конечно, с этим младым, но ранним издательством я больше не свяжусь. Буду тыкаться в «Сов. писатель», хотя знаю, что и там тоже меня никто с распротёртыми объятиями не встречает, и там кровь умеют пить. Меньше всего пьют крови в местных издательствах, но это значит – махнуть рукой на всё, в том числе и на себя, да и примириться с ролью местного писателя, которому ничего не хочется, кроме как добывать пером хлебушко какой-нито. Но скоро придётся и в местное идти. Надеюсь на центральные, я вовсе остался без денег. Живу сейчас на аванс, выданный «Совписом» под книжку будущего года. Тоже не сахар.

Принципы пока не кормят! Беспринципность же идёт ходко на лит. базаре.

Из больницы-то вышли или нет ещё? Поскольку соберусь или нет писать до праздника – не знаю, так с весною всех! Цветенья всем и здоровья, да радости хоть маленько!

Всех вас обнимаю. Ваш Виктор

6 мая 1967 г.

(А. М. Борцаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Читательские конференции по моей «Краже» будут проходить 15-го в библиотеке им. Лавренёва, а 16-го – в библиотеке им. Володарского. Следовательно, 14-го я буду в Москве. Остановлюсь скорее всего у Макаровых и, возможно, с женой, но всё возможно... возможно, и не приеду.

Днями жена и родная тётка чуть не погибли на Камском море. Опрокинулась лодка. Моторист утонул, а их еле откачали. Состояние её очень неважное, а она должна ехать на аборт (на 21-й в своей жизни). Если бы меня сейчас вывели на площадь, сняли штаны и пороли розгами всенародно, я бы и то, наверное, чувствовал себя лучше.

Больше уж ничего писать не буду. Коли жена выдюжит и будет жива, приеду и всё расскажу, а пока прощаюсь до лучших времён. Ваш Виктор

Конец мая – начало июня 1967 г.

Ессентуки

(Жене)

Маня!

Сердце моё – злой вещун и почти никогда попусту не ноет. Сегодня занесло меня в парковый читальный зал, и там я посмотрел свой рассказ в «Современнике»⁹². Что с ним сделали! Кажется, ещё никогда так не выколачивали, не изрубали и не искажали моего текста. Я ушёл из зала шатаюсь, и, когда пришёл в столовую, две женщины, сидящие со мной за одним столом, сказали: «Виктор Петрович! Что с вами? На вас же лица нет!» Я не помню, что им ответил, попытался пошутить, но ничего не вышло. В «мёртвый час» я написал Зубавину короткое письмо. Так жестоко меня ещё не предавали с текстом. И где? В «Современнике»! В журнале, который я хвалил как раз за честность, и из-за этого пошёл туда.

Как жить? Как работать? Эти вопросы и без того не оставляют меня ни на минуту, а тут последние проблески света затыкают грязной лапой... Отпуск мой испорчен. Настроение ужасно. Мне хочется завывать и удариться башкой о стену. Будь же проклято время, в которое нам довелось жить и работать! Зачем Всевышний наделил ещё каким-то дарованием?! Для больших мук?! Для ещё больших страданий?! Будто и без них мало! Мне давно-давно так тяжело не было. Я чувствую, как во мне что-то гаснет, притупляется. Боюсь стать равнодушным. Боюсь отупеть. А всё идет к этому. Надолго ли ещё хватит моей раздольной натуры? Моего юмора? Моей жизнеспособности? Всего этого остались крохи. Меня всё чаще и чаще тянет быть одному, тянет к замкнутости, к погружению в самого в себя. Но это – конец художнику! Это уже буду не я, а кто-то другой станет водить моей рукой, а сердце будет молчать.

Я тебе почти не говорю о своём внутреннем состоянии. Я знаю, у тебя земных забот и земных горестей слишком много, чтобы добавлять к ним мои, да и объяснить их я не сумею – слишком они у каждого индивидуальны и не всегда могут быть понятны даже самым разродным людям.

Страшно, когда лишаешься надежды. Ты можешь сказать, что одного испорченного, изуродованного рассказа, пусть и дорогого сердцу, очень мало для таких пессимистических настроений. Но я слишком пристально слежу за тем, что происходит в нашей литературе, слишком сторожко жду изменений к лучшему и даже пытаюсь внушить себе, что они есть, что они придвигаются, и вижу: самообман уже не помогает, что мы слишком часто прибегали к самообману раньше, и такое «лекарство» уже не годится. А другого нет.

Нас ждёт великое банкротство, и мы бессильны ему противостоять. Даже единственную возможность – талант – и то нам не дают реализовать и употребить на пользу людям. Нас засупонивают всё туже и туже. Мысль начинает работать вяло, покоряться. А чтобы творить, нужно быть бунтарём. Но против кого и против чего бунтовать? Кругом одни благожелатели, все к тебе вроде бы с добром, а потом «отредактируют». Руки опускаются. И жаль, что это ремесло невозможно бросить.

Ей-богу, будь у меня побольше сил – бросил бы. В лес ушёл бы и прожил остаток дней в радость себе. Неужели ж я не заслужил такой почести: жить хоть десяток лет для себя?! Неужели постоянно должен мучиться своими и чужими муками, никому и ничего не дающими, кроме новых мук?!

Поеду в Москву, пойду к Александру Николаевичу Макарову и, если он присоветует, пойду, доберусь до секретариата, до нашего «отца» Соболева, и расскажу ему о том, как меня предали в «Современнике».

Отсюда я уеду одиннадцатого или днём двенадцатого. Сегодня, естественно, ждал весточки от тебя, но её нет. Пусть хоть дома всё ладно будет, а то я однажды могу не выдержать...

Зачем только я заходил в эту читалку? Только нездоровье нажил.

Целую. Виктор

⁹² вероятно, «Синие сумерки». 1967. № 6. – Сост.

12 июня 1967 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Вот уже скоро десять дней, как я в деревне. Надо ли говорить, как я этому рад! После двухдневного похолодания, во время которого выпадал снег, и довольно глубокий, установилась довольно сносная погода. И даже всё зазеленело как-то густо и сочно. Лето наступило! Но много погибло птиц, особенно дроздов и скворцов, которые без корма долго жить не могут. То там, то тут в траве лежат трупы птенцов, а иные в речке утонули. Но соловьи поют во всю ивановскую, и позавчера притопал коростель – скрипит за нашей баней.

Я приходил в себя и ничего особенного не делал. Читал, в огороде копался и рыбачил.

Рыбалка худая. Сначала ещё ловил по десятку-полтора харюзков, а сейчас они уже забрелись по кустам и так их мало, что найти не удаётся. Приходится думать о передислокации на море, а там ветры дуют всё время и вообще не по мне там рыбалка. Вот разве через недельку на судака можно будет выходить.

Читал Амосова «Мысли и сердце», очень умно, очень современно и никакой претензии на литературу. Начал читать Залыгина «Солёную падь». Ну силён мужик! Так о гражданской войне ещё никто не писал. Ну мастер, собака! А вообще жизнь идёт в деревне тихо, и никакие израильтяне тут не мешают бабам брагу пить, веники вязать, полоть в огородах и рано спать ложиться.

Мыслей у меня в башке нет никаких, слава богу. Прислали из журналов «Москва» и «Вопросы литературы» анкеты. В «Вопросах» уж больно мудрёная, мне и не ответить на такую, а от «Москвы», наверное, тоже откажусь, хотя и обещал. Неохота что-то шевелить своей мыслительностью. Только сейчас, распутив мускулы, я и понял, как устал от жизни, домашних бед и съезда. Надобно отдохнуть по возможности и браться подчищать «Страницы детства», да и сдавать их в издательство. Маня моя помаленьку оживает и сейчас чувствует себя уже сносно, хотя и барахлит у неё сердчишко да левая рука по-прежнему немеет, но ничего. Она – баба живучая. Шьёт вон сидит чего-то и сопит носом умиротворённо, аж мне спать захотелось, хотя сон мой всё ещё не очень отрегулирован. А как вы прозябаете в Малеевке? Рыбачите ли? Как брюхо? Как Наталья Фёдоровна?

Я в Карелию, наверное, не поеду. Чего-то не хочется трогаться из деревни. Там выпивки будут, суета, трёп, а здесь покой, земляника, и, глядишь, судак начнёт брать. Тем более что в июле надо ехать в Латвию. Пожалуй, не поеду.

Книжку и рукопись получил. Ну, обнимаю тебя, твой Виктор

Июнь 1967 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Не больно летом-то пишутся письма. Из деревни написал тебе только одно – всё некогда. С утра работаю – домозоливаю «Страницы». И домозолил вроде бы. Маня мается – ездит печатать домой, потому что декада в Латвии начнётся не в конце июля, а 13-го и надо успеть добить книжку до отъезда.

В Карелию уж не поехал, неохота мотаться. В деревне прямо благодать, и я подумал, на кой хрен тебе эта Малеевка, жил бы здесь да рыбачил себе. Нынче на море сильно берут лещ и сорога. Был сейчас у нас пьяный лесник – рыбак заядлый, хвастался.

Я же всё за хариусами рыскаю. Вчерась поймал 32 штуки, а есть некому, мать уехала, ребята лишь сегодня придут. Посолил рыбу. Хариуски солёные у меня ещё прошлые есть.

Грибы начинаются. Собрал уж на грибовницу и сейчас вот ещё пойду.

Полю в огороде, сажал-то я без Мани, и по случаю потепления сажал рано, и выросло бурьяну много, а картошки не видать.

До сих пор не налажился сон. Никак не думал, что съезд так надолго выведет меня из равновесия. Как вспомню, так и трясёт меня. По прошествии времени только понял, как подло всё и какая беспросветность впереди.

Где ты будешь в Литве-то? И когда? Если до 13-го не уедете, то я тебя, может, и повидаю, а из Латвии едва ли. Там сыр-бор начнётся. Не поехал бы, но купить кое-что надо и себе, и ребятам, костюм надо, пальто, сапоги – ничего-то у нас нету. Всё заперли до праздников. Берегут к Христову дню? Поедем мы вместе с Маней, чтоб никакая латышка на меня не позарилась! А пока ездим в Латвию, и август подкатит. Ты уж ничего не намечай на август-то. Приезжай в начале и поживёшь тихонько. Ей-богу, хорошо тут. И пописать даже можешь, если захочешь. И порыбачим судаков, и побродим по лесу.

Обнимаю тебя. Виктор

29 июня 1967 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Маня привезла мне в деревню журнал, присланный тобою, и я ещё раз, теперь уже неторопливо и обстоятельно, прочёл твою статью и ещё раз убедился, что статья добротная, вызывающая много мыслей. После первого прочтения статьи и разговора с тобой у меня что-то начало пошевеливаться насчёт романа. Плавают в мыслях и голове много судеб, случаев, событий и однородных сюжетов. Всё хотел засесть как-нибудь и написать цикл зарисовок и очерков, не вошедших в газету, написать просто так, для себя, и сейчас вот прикидываю и вроде бы начинаю как-то собирать эти судьбы, в основном ужасные, в одно целое. Словом, что-то чуть ещё мерещится, чуть шевелится, «и даль свободного романа» совсем, совсем ещё не ясна мне.

Но поскольку я тугодум, однако тугодум твёрдый, то, может, и выношу чего, может, и соберу в кучу разные судьбы и картины. А пока довычитываю с машинки «Последний поклон». Только что дочитал «Где-то гремит война», повесть «исправленную и дополненную». А она и в самом деле ничего! Для меня даже несколько неожиданно это, потому что и написал-то я её нечаянно. Хотел два рассказа – о шорницкой и об охоте на коз написать в «Страницы детства», потом пошло-поехало, и вот получилась бесхитростная и переживательная вещь.

Неисповедимы пути наши... Над иной вещью бьёшься, бьёшься. Думаешь, я её так напишу, ух как напишу, а потом хватъ-похватъ, и ни хрена-то не получилось. Что было в башке, там и осталось, а на бумагу сопливые вышлепки вылились.

М-да-а, нудная, сложная работёнка! Читали ли «Карюху» Алексеева? Если нет – советую. Я просто очарован этой вещью. Русская, истинно русская, благородная проза!

Да, чуть не забыл.

Наверное, и раньше сказать забыл. Вот в том месте статьи, где ты пишешь: «Я мало верю в случайности...» Совершенно верно. Я – тоже. Подкрепить следует этот важный аргумент. И подкрепить поучительно для всех, кто думает, что писатель с неба сваливается.

Во-первых, от природы я был выдумщик, враль и фантазёр. Но этого мало. Вралей у нас и фантазёров доплатна. Вон Хрущёв какой враль и фантазёр был, а писателя из него так и не получилось. Хотя пробовал человек...

Так вот, надо, чтобы какие-то природные задатки попали ещё в благоприятные условия, получили бы толчок, что ли. И мне в этом смысле повезло. Тебе на глаза, наверное, не попала моя статья об Игнатии Рождественском, напечатанная в «Октябре» в 1961 году? Она многое бы прояснила.

В самом «творческом» возрасте я жил в Игарке. Городе, каких сейчас уже нет, к счастью и несчастью. Город весь кипел страстями и... творчеством. В нём много читали. И не только потому, что длинная зимняя ночь, метели, оторванность – это один из фактов, но ещё и потому, что здесь это было самой жизненной потребностью.

Вспоминаю, что, когда началась работа над книгой «Мы из Игарки», все школы, всё «опчество» было не на шутку возбуждено и заражено этим. Везде шли конкурсы скрытые и открытые. В каждой школе издавались рукописные журналы, еженедельно выпускались стенные газеты со стихами, зарисовками, фотографиями, рисунками. Газета «Большевик Заполярья» шла нарасхват, ибо тоже заполнена была «художественным материалом». И вот в эту-то пору прибыл в Игарку Игнатий Дмитриевич Рождественский. Он преподавал литературу и русский, преподавал как бог на душу положит, много нам читал, рассказывал, учил распознавать слово, прививал к нему вкус. Я сидел тогда в 5-м классе второй, если не третий, год. Учеником считался архиплохим, человечешком архибросовым. И вот чтение вслух. Проверка как кто читает. И отличники мямят, а я будь здоров прочитал. Игнат заметил меня, хотя и тогда уж близоруким был. Стал чаще спрашивать, спрашивать тогда, когда другие ни в зуб ногой. Я, естественно, из кожи лез, чтобы ему потрафить.

А потом я стишок сочинил об Игарке: «Игарка, Игарка, ты город полярный, на севере вырос, среди холодов...»

И этот стишок попал в обзор, помещённый в газете «Большевик Заполярья». Буквами была напечатана моя фамилия! Я ходил – грудь колесом! Весь детдом мною гордился. Экспромты требовал. И я сочинял экспромты, преимущественно непечатного порядка.

Но шутки шутками, а ведь с этого, со встречи со стоящим учителем и обзора в газете, я почувствовал, что чего-то стою, и строже к себе сделался, учиться лучше стал. Правда, поздно хватился. Кончил шестой класс, и возраст мой вышел из детдомовского, но уже в шестом классе я землю рыл и кончил его за одну зиму, а не за две и не за три, как прежде. Ещё когда в пятом был, Игнат дал нам большую тему для сочинения, приблизительно сказав, у кого что самое интересное было летом, о том и напишите своими словами.

А я летом блудил. Четверо с лишним суток блудил в заполярной тайге и сам вышел, сам себя спас, хотя доблестные родители мои посчитали меня пропащим и облегчённо уж вздохнули.

Вот о том, как я блудил, и написал зарисовку под названием «Жив!». Игнатию Дмитриевичу она очень понравилась. И он её взял в рукописный школьный журнал, где она и была напечатана с рисунками школьных же художников.

Много лет спустя я вспомнил об этой школьной зарисовке и на основании её написал рассказ «Васюткино озеро». Я и до сих пор не стыжусь этого рассказа. Он, по-моему, один из самых лучших моих ранних рассказов (я писал его третьим или четвёртым по счёту, после «Гражданского человека»).

В книжку «Мы из Игарки» я не попал и по чистой случайности. Материалов в книжку набралось тьма, и отбор был жесточайший. За фамилией В. Астафьев поставили один материал и посчитали – хватит, два, мол, жирно будет. А это был мой однофамилец, совсем из другой школы – Вася Астафьев. Он писал об Игарке и о том, что мечтает быть поэтом, а погиб как будто на войне...

Словом, вся эта творческая струя в школах, в городе пробудила в ребятах вкус и стремление к творчеству, и много вышло (и если б не война!) одарённых людей из игарских школ. И меня, разумеется, не минула эта струя.

Потом было не до творчества – это другой разговор, однако зёрна, зароненные в детскую душу, должны были когда-то прорасти.

Вот о чём, наверное, я забыл тебе рассказать. А это важно. Важно прежде всего для тех, кто думает, что писателем может быть каждый, и особенно для тех, кто учит детей. Мало их учить грамоте, совершенно этого недостаточно. А у нас начали об этом забывать.

Где ты сейчас? Всё ещё в Малеевке? А я скоро из деревни фью-ууть! Жаль! Прихватило меня опять тут. Валялся три дня. Сожрал чего-то. И взяла меня печень и брюха. Всё-таки не избежать мне Эссенчуков. Надо будет ехать осенью. А пока в Латвию собираюсь и скорее заканчиваю «Последний поклон», чтобы сдать на обсуждение до отъезда.

Как твоё здоровьишко? Как все твои чады и домочадцы? Что-то уж я и стосковаться успел. Ну, до встречи в скором времени. Обнимаю тебя. Твой Виктор

30 июля 1967 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

На обратном пути из Латвии звонил я тебе с аэродрома, но долго и громко мне объясняли, что ты в Литве и вернёшься в августе.

В Латвии нас встречали хорошо и всё было славно, кроме мелочей и раздражительного поведения Вити Бокова, который окончательно помешался на своей персоне, и гениемания так захватила его, что он уже кажется шизофреником. Устали очень от приёмов, речей и выступлений, а ещё от пьянок. Каждая встреча – это пьянка. Искупался раз и раз на рыбалке был, однако четырёх щучонок добыл на спиннинг. Ну да там и слепой поймаёт – так много рыбы. Моей заслуги тут нет никакой. Даже неинтересно и ловить. Теперь вот дома.

Пермь встретила нас страшным ливнем. Отвесно стояла вода. Залила улицы так, что стояли трамваи, а люди бродили по улицам, аки по Енисею, и один мальчишка даже утонул, ибо строители коммунизма, торопясь приблизить светлое будущее, спешили и не закрыли крышку магистрального колодца. Ребёнок резвился, бегал по воде и ухнул туды.

А сейчас я в Быковке. Маня дома. Дети собираются сдавать экзамены с 1 августа, и надо их пороть и говорить: «Ребята, занимайтесь! Ребята, занимайтесь!..» Они же рычат на неё так, будто она конвоир и не даёт им ходу в вольность, и вообще мешает жить им, как желательно, а желательно им жить, ни хрена не деля и сладко кушая.

В Быковке я с отцом. Он тяжело болеет. Износился в скитаниях, тюрьмах и на морях-окиянах. Сейчас у него всё больное. И надо бы сердиться на него за себя, за братьев и сестёр, раскиданных им по свету, а не могу. Жалко его. Не разори великая власть нашу семью, не утони мать, он бы жил себе, как все люди, и, наверное, семья была бы как семья и он человек как человек, а так что же! Не одного его в жизни запутали, изломали и под конец отвалили 45 рублей пенсии. Живи не тужи и благодари за то, что ещё не удавили совсем. В лес даже ходить не может, а он вечный таёжник, и это для него мука большая, хотя он и скрывает.

А в лесу нынче грибов, ягод! Я вчера сгоряча сбегал, наловил на уху хариусков, а потом схватил корзину и прямо за полем в течение часа набил её грибами. Хотя бы вы скорее все приехали и застали бы лето со всеми его благостями! Ведь Литва и Латвия хотя и богаты природой, но всё равно – не Россия, чужие они. Сидишь рыбачишь, а за спиной георгины цветут, ну какая же это природа?!

Не разладишься ли ты за поездку в Литву? Сможешь ли к нам-то приехать? Хорошо бы в начале августа. Я ведь на сентябрь хочу рвануть в Сибирь. Пожить в родной деревне – потрудиться и отдохнуть от семьи со всеми её экзаменами, бедами и неурядицами. Забыться хочется хоть ненадолго. Да и в Енисейске побывал, ибо уцелил я сделать героя из «Пастуха и пастушки» родом из этого замершего городка, когда-то шумного, богатого и расположенного неподалёку от Казачинского порога, среди величественной, яростной природы. Думаю, что именно в таком месте должен был вырасти мой герой – застенчиво-скромный, но бесстрашный, яростный в иную минуту и робкий в проявлении чувств, но до последней жилки отдающийся ему и товариществу. Надо понюхать город, зайти в старое здание гимназии, где школа сейчас и где учился мой герой и умудрился умереть гимназистиком, хотя нюхал только помещение гимназии, только помещение...

Ну вот, я уж и сочинять начал! Пиши или телеграфируй, когда сможешь приехать. Целую тебя и всех домочадцев.

Пребывающий в Быковке В. Астафьев

Август 1967 г.

Быковка

(Адресат не установлен)

Дорогой Ванюша!

Я действительно тут по Прибалтике катался, был на декаде русской культуры в Латвии. Много неповторимого и хорошего видел и слышал. Латыши меня много переводят и печатают, так что я у них был почти своим человеком, и это способствовало тому, что чувствовали мы себя с Марьей как дома в Латвии. Пьянки только замучили. Везде, даже в школах, латыши считают своим долгом угостить нашего брата, а уж в рыболовецком совхозе или в плодово-овощном, там вообще принимают по-царски.

Приехал усталый, забрался в деревню, да и писал. А тем временем сын и дочь – оба! – завалили экзамены в университет, и куда их сейчас девать – ума не приложу. Работу найти трудно, учиться не будут. Дожили! Никому не нужны наши дети! Лоботрясничают пока, шатаются из угла в угол.

В деревне я наконец-то смог мало-мало восстановить сон и войти в норму. Надо бы какое-то время не писать и не читать, чтобы оправиться (был у меня тут приступ сильный и всего другого было), но уже не могу обходиться без дела – графоманом стал. Вот и пишу каждый день. Пишу больше для себя, развязавши полностью узелок и забыв о цензуре унутренней и унешней. Получается!

На сентябрь, если ничего не стрясётся, уеду в родную деревню Овсянку и проживу там месяц. Уеду на Родину и постараюсь не пить, а отдыхать и набираться впечатлений, насыщаться воздухом Сибири. А потом поеду в Москву – редактировать сборник рассказов в «Советском писателе».

Что у тебя стряслось? Кто тебе дал по мозгам? Не обращай ты на это внимания. Разве одного тебя волтузят?! Будь темпераментней, горячеей и злей, да и пиши на накале, и на всякие бутуки наплюй. Эка невидаль – бьют! Солженицына вон как бьют, а он борется, отстаивает своё право называться человеком, да ещё и нам в этом деле помогает.

Литература, брат, вступила в такое отношение с обществом, что тут без борьбы уж не обойтись, и морды в кровь скоро будут бить всем нам, но и мы кой-кого в бараний рог согнём, отрасли зубы-то! Писатели, особенно бывшие фронтовики, – народ упрямый, их не больно запугаешь...

В одном из ближайших номеров «Нового мира» будет мой новый рассказ (если цензура не зарежет!), рассказ обдёрганный, но там столько человеческого горя осталось, что это

и подумать многих заставит о нашем житье-бытье⁹³. Познакомился я на съезде с Василем Быковым (читал его «Мёртвым не больно»). Поедом едят его, но он бывший фронтовик, этакий Ванька-взводный – это орешек крепкий, не вдруг такого срубашь.

Окончание письма утрачено

8 августа 1967 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Я не так давно вернулся из Сибири – ездил на Родину, а попутно заворачивал в Новосибирск, где было последнее толковище по «Краже». Теперь я уже прочёл вёрстку и второй части, и вроде бы с меня свалилась гора (№ 8—9 «Сибирских огней»).

Есть в повести издержки и утруски, но в общем-то всё обошлось по-божески, и цензура по первой части сделала лишь два незначительных замечания.

В редакциях сейчас сидят такие цензоры, что сами сто очков любой цензуре вставят, да и сами авторы подцензурны у нутра своего, которое уже заранее знает, чего можно, а чего нельзя. Вышколили нас!

От Сибири у меня очень смутно в голове и тяжело на сердце. Куда ни приеду, везде разговоры про смерти, да всё страшные какие-то.

Лишь у братишек, в Ярцево – это 700 км ниже Красноярска – удалось порыбачить и побродить по настоящей, не тронутой ещё лапами строителей светлого будущего тайге. А залапали Сибирь страшно! Ещё после наводнения, что ли, так у меня ощущение такое, будто погром был на берегах родной реки.

Всё стало чужое, разношёрстное. Сибиряки порастворились среди разной шушеры, да и подразвратились тоже – пьянство несусветное, и вслед за ним и бездушие, само собой.

Но об этом больше не хочется. Дома я был недолго и побыстрее убрался в деревню, ибо все сроки сдачи сборника в «Советский писатель», где собираюсь издаваться первый раз, уже истекли. Хотел уж было садиться за стол, как случилась беда, околела любимая собака, которая была умней и добрей многих человек. Сибирская лайка, добытая мною со страшным трудом, и вот на моих и на глазах сына и жены кобель медленно и мучительно умер. Ошибся он один раз, и как сапёр – сразу. Без нас тут его тётенька одна кормила в тарелке эмалированной и в неё же потом положила отравленную колбасу. Сын пошёл копать червей, а кобель мой ходил за ним как тень, и ребяташки не заметили, когда он под лавкой поел этой колбасы. Никогда и нигде он ничего не брал, а тут...

Наревелся я над его могилой. И неожиданная смерть эта помогла мне доделать рассказ «Синие сумерки», над которым бился я больше двух лет.

Жестокое всё же наше ремесло! Надо и страдания свои и людские вывёртывать наизнанку, а вывёртывая, страдать ещё и ещё. По этой причине я очень мало пишу о войне. Как возьмусь, так меня всего и заколотит, и всё болеть начинает.

Погода в селе стоит жаркая. Всё засыхает, хотя каждый день заносит кругом, громы гремят, а над деревушкой нашей дыра голубая в небе никак не закрывается. Я каждый день стараюсь работать над сборником, но тянет писать что-нибудь новое, однако это уж потом, когда со старьём разделаюсь.

Литературных новостей никаких не знаю. «Новый мир» читаю. Василя Быкова читал. Напористо, сильно, с большим мужеством сделано, однако есть и схематизм в вещи. Она не прописана, Быков как бы торопится вывалить всё, что на душе, и нагромоздил очень

⁹³ рассказ «Ясным ли днём». – Сост.

много, а остановиться, поразмыслить не успел или, скорее всего, не сумел. Это беда всех его вещей. Немножко бы ему баклановского добавить психологизма, аналитичности его и неторопливой пристальности...

Но это уж мои претензии личные, а так вещь смелая, и не напрасно она взбудоражила хевру, которая утвердила в литературе генеральско-полковничью правду о войне и считает её единственно верной, а она всего лишь ширма с позолотой, которой надлежит скрыть правду окопную, солдатскую от которой и на лысых генеральских головах волосы бы зашевелились! Читал и Катаева. Ничего не понял. Это, по-моему, литература сноба и для снобов. Я такой не люблю, нерусская это писанина. Русская и в сложности своей проста и как бы открывает тебе всю глубину по мере твоего роста вместе с нею. Я читал «Войну и мир» пять раз в жизни, и всякий раз она меня потягивала к каким-то новым пластам, скрытым в ней, хотя и в предыдущие чтения тоже вроде бы всё было понятно, всё доступно. А тут что-то на грани шизофрении и бреда.

А вы читали ль в № 1 «Севера» повесть Васи Белова «Привычное дело»? Вот эта вещь меня потрясла, хотя и проста она, как земля. Очень советую прочесть, а то её непременно замолчат в критике и ничего о ней не узнают люди. «Север»-то читает совсем мало народу.

Август весь я собираюсь провести в деревне, да и сентябрь тоже, если удастся. Хочу написать серию давно задуманных очерков, которые не написал в своё время, а зимою уж начну повесть о войне. Всё-таки она меня гнетёт и – как я от неё? – стучит в сердце. Герой там у меня умрёт, хотя это и не нравится нашим критикам. И на Корчагина походить не будет, хотя многим так хочется его воскресить.

Дался им этот Корчагин, ей-богу! Я уж и читать о нём не могу, так и кажется мне, когда я о нём читаю в тысячу который раз, что от китайского мракобесия мы совсем недалеко ушли.

На этой пессимистической строчке и заканчиваю письмо, желая Вам писучести. Здоровья и всего самого наилучшего. Обнимаю Вас. Ваш Виктор

20 августа 1967 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Начинаются дни золотые... то есть начинается охота, а завтра день рождения у Мани, соврал – послезавтра! И надо промышлять что-нибудь на стол, вот я и собираюсь с други во леса с ночёвкой, а потом гулять будем, пить чего бог пошлёт, петь, плясать и материться от души. То-то праздник будет! Я всё в деревне, шибко жалею, что Вы не приехали. Погода нонче не погода, а изумленье какое-то. До сих пор народ купается в море и жара стоит, и рыба клюёт, рыбаки сказывают. Я сам-то не хожу, утерять вкус к рыбалке, хариус остался мелкий, ловить его неинтересно, а после хариусов никакая рыбалка не идёт: это всё равно, что после струга – топором.

Всё это время работал. Каждый день. Писал «Затеси», для себя писал. Много чего накопилось. И написал изрядно, да ещё больше писать осталось. Подоспело обсуждение «Последнего поклона». После обсуждения (в Союзе нашем) возникла потребность ещё кое-чего в рукописи поделать, и до поездки в Сибирь решил я эту работу проверить, ибо в октябре на меня навалится текучка, надо будет читать вёрстку, редактировать сборник в «Совписе» и т. д.

Живём мы хорошо. Мария, отец и я – в деревне, ребята – в городе. Ирина ищет работу, а Андрей пытается сдавать экзамены по второму заходу, теперь уже на вечернее отделение. Хоть бы сдал! Самое главное, чтобы они не болтались, как шевяки в проруби. Читаю очень хорошую книжку о Лермонтове – Ивановой. Читаю и ахаю, уж такая неподходящая земля –

Россия для гениев, так она их терзает, а они нет-нет да и появляются на беду свою. Горькая книга, страшная судьба поэта.

Новостей никаких у нас нет, а грибов много, и малины тоже было много, но она уже осыпалась. Ходил по грибы последнее время каждый день после обеда. Жду поездки в Сибирь. Во сне уже вижу, матушку. Через неделю, видно, и отправлюсь. Из Сибири напишу, что и как. А ты как со своим курсаком? У меня тоже чего-то пошаливает, но терплю. Не хворай – это самое главное. Твой Виктор

28 августа 1967 г.

Пермь

(А. Н. Макарову)

Дорогой ты мой, болезный Александр Николаевич!

Что же это за напасть на тебя? Столько олухов и бездельников ходит по земле здоровых! И чем глупее, чем непутней, тем могутней. Ещё одна несправедливость мудрейшей жизни! Письмо твоё привезли мне в деревню, а сегодня я уже дома и готовлюсь ехать в Сибирь. Сделаю кой-какие дела – и адью!

Дома ждал меня «Новый мир» с рассказом моим. То-то радость мне! Рассказ при редакции обхерили здорово, и без меня. Уже в гранках они кой-чего шарпанули... Особенно мне жалко описание станции Пихтовка и слова, которым я так радовался, когда их нашёл: «Наносило от этой станции старым пахотным миром и святым ладанным праздником». Но, видимо, потому и выкинули, что тоска по старому миру сказалась, а журнал этот и без того за такие мотивы клянут.

И всё равно радуюсь. Рассказ в общем-то есть, а в книге постараюсь дать его более полным, тем более что меня в журнале уверяли, будто публикация в «Новом мире» – это своего рода пропуск в цензуре.

Мечты сбываются! Мечтал когда-то издать книжку в Москве – издал, и не одну уже. Почему-то лелеял мечту напечататься в «Огоньке» – напечатался, и даже премию получил. Среди моих писателей-одноклассников вроде бы в неполноценных ходишь, если не публиковался в «Новом мире», – и это осуществилось.

Что осталось? Издаться в «Роман-газете» и заканчивать карьеру, начинать рыбу удить и писать для себя. Не дожидаясь этого явления, всё время я писал «Затеси» для себя. Сделал штук десять, ещё надо писать 21. Думаю и в Сибири, в дождливую погоду, поковыряться. Хочется мне почитать эти штуkenции тебе, ведь в них я полностью развязал себе пупок, и хотя преодолеть лит. условности и рабью привычку оглядываться полностью не преодолел ещё, однако попытку сделал.

Читал я Виктора Лихоносова две книжки. Повесть «Тоска-кручина» просто ошеломила меня и боевитостью, и мастерством, совершенно удивительным для молодого писателя. Очень большой и серьёзный художник растёт, если его не заламают или сам он себя не изнахратит пьянством, беспутной жизнью и писательским атаманством. Не один уже талантливый парень скопытился на моих глазах, а уж о тебе и говорить нечего, ты уж и вовсе навидался.

Ах, как жалко, что ты не приехал! Так много накопилось разговору. И погода, погода стояла до сего дня неслыханная. В море нашем народ купался до конца августа – такого ещё не бывало. И я купался несколько раз. Ходил я на охоту три раза. Одну ночь провёл в лесу, и когда друзья мои сморились от разговоров и впечатлений, я просто лежал у костра, слушал тихую ночь, смотрел на звёзды сквозь вершины елей и думал, думал и радовался, что так ещё много прекрасного в жизни... А ты в это время в Москве был, в душной, пробензиновой, и с больным брюхом. Так бы мы у костерка того славно посидели!.. Ну что ж, ещё посидим!

Не падай духом, главное (чуть не описался – падай брюхом, а и брюхом нельзя падать тебе!). Значит – ничем не падай.

Очень много жду от поездки в Сибирь. Я так давно мечтаю побыть там не проездом, побыть одному, посмотреть, подышать, матери крест на могилу наладить и послушать нашей ещё не совсем умершей речи.

Из Сибири я тебе напишу, а пока крепись, дорогой, и колись, коли велено, а я буду надеяться увидеть тебя в октябре жизнерадостным и здоровым, с той надеждой и кончаю своё размашистое письмо (клеток и линеек на бумаге нету – вот и разогнался!).

Привет Наталье Фёдоровне, Толе, Аннете и Юре ото всех наших и от меня, разумеется. Ирина поступает на работу, Андрей сдаёт по второму заходу, но уже получил две тройки, и, видимо, студента из него не получится. Но я уже устал с ним бороться и хочу отдохнуть от всего этого. Бегу в Сибирь, и не жалко мне лаптей...

Целую тебя. Твой Виктор

9 сентября 1967 г.

Овсянка

(Жене)

Дорогая Маня!

Я уже несколько дней в Овсянке. Здесь погода вроде бы сделалась, и я вчера первый раз сходил в лес с ружьём и удивил гробовозов, которые уверяли меня, что в лесу ничего нет и с ружьём тащиться незачем. А я принёс четырёх рябчиков! Всего видел шесть, но здесь рябчик, в отличие от уральского, доверчив и глуп.

Тайга изумительна! Очень отлична от уральской – редкая она здесь и оттого светлая, с травой и папоротником понизу. Горы и скалистые осыпи в лиственницах и соснах, кое-где случаются и ельники, но их мало, и пихты встречаются реденько. Речка Малая Слизнёвка очень быстрая, распадок её глубок, скалы аж в небо упираются, а пойма реки заросла смолодинником и жимолостью, да дикой акацией и ольховником, и потому удить в ней почти невозможно.

Пользуясь погодой, все копают картошку. Мы с дядькой завтра тоже станем копать, а потом пойдём на Ману, через горы. На лодке подниматься невозможно – на двадцать вёрст от устья стоит сплавной лес.

Получил вёрстку. Я её вычитал и шлю тебе. Журнала «Детская литература» здесь нет, а ты или найди адрес на конверте, или узнай в Союзе и гранки перешли дальше.

Жаль, что ты не написала ни слова – это уже ни к чему. Поступил ли Андрей? Устроилась ли Иринка? Все наши кланяются тебе и ребятам. Целую, Виктор

12 сентября 1967 г.

Овсянка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Пишу тебе из родного села, из самой что ни на есть Сибири. Прилетел 2-го, а сегодня уже 12-е. Дни пролетели совершенно незаметно. В городе навестил приятелей, затем в Союзе застрял среди местных писателей и после уж в деревню отправился. Здесь началась гулянка, но быстро заглохла, так как я её не особенно поддерживал, да и картошку всем копать надобно. Лето стояло здесь прескверное, и лишь сейчас наступило погодьё. Говорят, что я привёз его с Урала. Копали картошку с дядькой и роднёй. Один раз ходил я на охоту по родным лесам. И леса, и горы здесь отличны от уральских. Горы zelo высоки, и ходить

по ним тяжеловато, и леса редки, понизу травой земля взывшаяся – папоротником, борцом, козлобородником, костяником. И очень красиво в лесах, умиротворённо как-то, и дорожки, как в парках, чисты, травянисты. Речки, где и охотиться приходится, текут в таких высоченных распадках, что голову надо заирать, чтобы вершины увидеть. Распадки широки, но заросшие дурниной шибко, и смородиннику много, прямо как в саду.

Был я в местной школе, приглашали. Ну, школа, как и полагается строителям коммунизма, сделана хорошо, а внутрих даже и комфортабельно. Чисто в ней, уютно, и даже кабинеты оборудованные есть. Приняли меня хорошо, с родственной гордостью. Ничего не пишу и не читаю. Чрезвычайно рад этому. Всё-то мне надоело, ни на что глаза не глядели бы, кроме леса и воды да неба светлого.

Как твоё здоровье? Часто думаю о тебе, вспоминаю и хочу, чтобы оставили тебя эти хвори злосчастные. Твой Виктор

20 сентября 1967 г.

Овсянка

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Письмо пишу я Вам уже домой, ибо пока Ваше письмо нашло меня, Вы уж из Коктебеля, небось, убралесь. А пишу из родного села Овсянки, что было во глубине сибирских руд, а теперь оказалось рядом со стройкой коммунизма, которая имеет свойство шуметь и засорять всё вокруг.

С самого этого грустного съезда что-то навалилось на меня – хоть в петлю лезь. Наверное, с непривычки, а может, оттого, что по наивности своей ещё чего-то ждал, надеялся... Увы, мне стало тогда понятно, что ничего не будет. Так во лжи и прекраснотушии и пребывать нам до скончания.

Худо было мне. Ничего я не писал, ничего делать не мог. Съездил в Латвию – ещё хуже стало, ибо увидел, как мы, русские, отстали даже от латышей в почитании человеческого достоинства, как мы плохо живём, как изменны в помыслах своих и житейских бурях.

Худо было мне, а от меня худо остальным. Оба два дитя моих сдавали экзамены в университет, а если точнее, так их завалили, лишь только потому, что они дети писателя. Обывательская ненависть к нам всё возрастает оттого, что мы не ходим на работу по гудку и, как им кажется, живём независимо и никому не подчиняемся, тогда как они, обыватели, себя пупами земли считают. Вот и бьют в зубы сначала деток, а потом, глядишь, и нас на фонарях повесят, ибо: «Накорми чернь хлебами, и она побьёт камнями пророков своих».

Убрался я в Сибирь. Убежал почти. Дома было невыносимо. Я даже начал больную и добрую свою жёнушку обижать. Нет никого под боком-то, кроме жены, а она ответчик за всё.

В Сибири ничего я не делаю, кроме как одно мероприятие провёл – приглашали в родную школу. Всё было по-деревенски наивно и хорошо. Такие почести мне воздавали, что я чуть было сам себе не понравился! А потом я с дядькой и сродным братишкой ушёл на реку нашу, много раз мною описанную. Мы купили лодку в деревне Сосновка, которую я в «Перевале» Шипчихой обозвал, и оттуда спускались. Стреляли, дивились. Красота такая, что дух захватывает и никаких слов не хватает, чтобы эту мощную красоту описать.

Попутно с Вашим письмом пришло приглашение на русскую декаду в Москве и на пленум, но я уж не поеду. Маленько излечился Сибирью, чуть обрёл душевное равновесие, и не стоит его тратить на говорильню.

Спасибо Вам за добрые слова о рассказе. Вы, как всегда, добры ко мне и, видимо, почувствовали, что что-то со мной неладно, и попытались поддержать. Это единственное,

что и осталось нам, – поддерживать друг друга в нашем тяжёлом и, кажется, совсем бесполезном деле.

В октябре буду в Москве редактировать сборник рассказов – так мне обещали. Позвоню Вам. Ваш Виктор

21 сентября 1967 г.

Овсянка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Здесь, в сибирской деревне, нашло меня письмо обо всех событиях, происшедших с тобой (Маня переслала мне письмо). Не могу себе места найти, всё думаю о тебе, что же это за напасти такие? Знаю, что никакие утешительные слова не облегчат болезней и боли, сам много болел и валялся по больничным койкам. Своя боль – больше всех. Но всё же пишу тебе, чтобы хоть как-то поддержать тебя в борьбе с недугом и, может, хоть на минуту отвлечь и подумать о чём-то другом, кроме болезни.

Я ходил в тайгу. Был в посёлке Сосновка. Дома состарились, посёлок захирел, пустует, а природа стоит на месте, и это очень даже удивительно по сравнению со скоротечностью человеческой жизни. Река Мана изумительной красоты. Дух захватывает, и никаких слов нет, чтобы такую красоту описать. С дядькой и сродным братишкой сплавали на лодке, и я стрелял рябчиков. Десятка полтора ухлопал птичек, а рыбы не добыл. Рыбы осталось на реке мало, все расшуровано тракторами и сплавом. Потом шли через наши деревенские когда-то заимки, а ныне там пустуют избы и неубранные хлеба чьего-то подсобного хозяйства. Запустение, одичание и рядом народище, электролинии на Красноярскую ГЭС. Какое-то наложение одиннадцатого и двадцатого века – всё перепуталось.

Прислали мне вызов в Москву на пленум, но я не поеду, немножко обрёл душевный покой, так не хочется его расходовать попусту, да и нездоровится тоже. Собираюсь уже домой и дня через три улечу, видно. В октябре, наверное, буду в Москве и надеюсь увидеть тебя уже дома, в уже подходящем состоянии.

Береги себя, дорогой! Бодрись, если можешь! Крепко тебя целую и желаю здоровья, которое, имея, мы не ценим, а потом вот... Твой Виктор

13 ноября 1967 г.

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Днями получил Ваше письмо, а сам в это время сидел в дыму и пламени, до того запурхался в делах. Ввязался я по глупости в одну поездку с бригадой журнала «Молодая гвардия» в Краснодар, по Кубани и т. д. Я долго там выдержать не мог и удрал, бросивши и бригаду, и «жемчужный край», как его именуют сами кубанцы.

А всё же полезно съездил. Больше ценить начинаешь нашу бедную, затурканную Россию, когда побываешь на такой вот жирной, плоской и избалованной земле. По сравнению с сорок пятым годом ничего там не произошло, в смысле морали и духовной жизни. Зажравшийся, недружелюбный и вороватый народишко живёт там, у которого хамство и самодовольство в крови, а хохлацкая тупость смешалась с российской и кавказской ограниченностью. Тарапунька и Штепсель вполне заменят им все книги, музыку и прочие духовные ценности. И писатели живут там сытые, здоровенные, прилично одетые, успешно промышляющие деньгу и готовые горло перервать тому, кто не делает того же и как бы белой вороной им представляется.

С Витей Лихоносовым большинство из них не здороваются, и местное издательство его не издаёт, как неподходящего по идейности. Я Вите Лихоносову говорил, чтобы он немедленно покинул эту землю, ибо тут или приспособленцем сделаешься (чего и требуется), или озлишься, чего не надо делать, ибо злость хороша в писательстве, пока её впрягать умеешь. А Витя парень очень больной, и уехать ему не так-то просто.

Из Краснодара я подался в Воронеж, где не бывал никогда, и хорошо пожил почти три дня у Юры Гончарова. Есть у него своя машина. Поездили, посмотрели. Юра воевал под Воронежем, повозил меня по местам боёв. И то, что я там увидел, опять хлестануло меня по голове и сердцу. На местах боёв до се валяются косточки русские и летают тучи воронья. Это в то время, когда мы воздвигаем помпезные памятники на Малаховом кургане, Поклонной горе и прочих местах! Пионерчики-следопыты ходят по следам героев, а захоронить останки руки не доходят, и денег на это нетути.

Ах, господи, какое у нас постоянство в равнодушии к тем, кто отдаёт Родине и народу всё, и какое заботливое кокетное отношение к тем, кто языком болтает, крутится на глазу и шкodu всякую делает, кто вошью ползает по больному телу и без того искусанного народа – тем все и заботы, и блага.

Был я в госпитале. Там сейчас школа (это в Краснодаре), и ударило меня в голову запахом госпиталя так, что помутился свет белый. Оказывается, в этот день ставили ребятишкам уколы. Буду, видимо, делать со временем фильм по «Звездопаду», так с этого и начну его, с посещения школы и запаха эфира. И вижу уж, как это делать надо.

После Воронежа закатился я в Москву. И тут в «Советском писателе» меня схватили за горло – давай, давай! То есть гони быстро редактуру сборника. Посидели мы денёк с редактором, и я скорее домой, а дома меня ждала вёрстка двух повестей, которые издательство «Молодая гвардия» издаёт уже четвёртый год. Вёрстку требуют вернуть через три дня, иначе «опоздаем», «выбьемся», «не успеем» и т. п. Вот и получился у меня праздник аховый. Штудировал вёрстку, потом сборник. Всё в спешке, всё в гоньбе, и глаз мой единственный начал краснеть, струя в него пошла – с утра ещё смотрит, а к вечеру уж только моргает, и я его кулаком тру. Очки подобрать не умею, а те, что мне подбирали, не помогают, а лишь вредят и мешают.

Но сегодня я сборник отправлю и попытаюсь убраться в деревню – отдохнуть маленько и пописать. Давно не писал, а хочется. Организованности мне не хватает страшно. В деревню попасть тоже сложно. У нас до сих пор стоит осень. Нет снега и мороза. Лёд не встал, пароходы не ходят, и так вот всё болтается между осенью и зимой. Но в крайности, уйду через горы, пешком – это 15 вёрст. Встряхнусь маленько. Устал уж очень от разных дел и переживаний.

Ребята так ладом и не определились. Дочка поступила работать в библиотеку на раздачу книг, а сын болтается. А тут ещё посадили в тюрьму того парня, который спас из воды жену мою. Нахулиганил. Надо было его выручать. И я месяц потратил на это дело, а при моём характере просить, ходить по инстанциям, объясняться, бить челом – это страшное испытание.

Словом, как-то жизнь идёт и разменивается по пустякам, а надо бы писать и хочется писать, а писать-то и некогда, и получается так, что писательство, труд наш, вроде бы и второстепенный. Хорошая у меня жена, и семья не самая худая, но если бы всё повторилось сначала и я бы знал, что быть мне литератором, ни за что бы не женился, ибо у писателя должна быть только одна баба – литература.

Спасибо Вам за добрые слова о моём рассказе. Как я жалею, что видели Вы его очень неполным во всех смыслах. Может, в книжке пройдёт? Я оставил так, как хотелось. Но цензура, наверное, не пустит. Книгу Васи Белова в «Советском писателе» цензура задержала, и, говорят, крепко задержала.

Получил письмо от Григория Бакланова с добрыми словами об «Ясным ли днём». Спасибо ему. Добрый отзыв нашего брата окопника особенно дорог, ибо что-то родственное испытываю я ко всем фронтовикам-окопникам, которых остаётся всё меньше и меньше. Он же написал мне, что «Кражу» издают в Болгарии. Я этого не знал. Привет ему передайте.

Поклон вашей супруге и дочери. Ваш Виктор

18 ноября 1967 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой мой Александр Николаевич!

Пришла открытка из Софии от вас с Натальей Фёдоровной! Как ты далеко! Ведь всякая граница для меня – это уже конец света, где-то за турками, арабами и за Ньюфаундлендом!

А я пишу тебе из Быковки. Сегодня ночью выпал первый снег и сразу – по колено. Сырой, пухлый. Собака валяется в нём, и вид у неё такой, будто она рехнулась.

А до Быковки я в разных палестинах побывал! Леший меня дёрнул ввязаться в поездку с бригадой журнала «Молодая гвардия» на Кубань. Думал, места-то памятные, госпиталь, воспоминания и т. д. Ничего путного из этого не получилось. Кубанская земля жирная, вся обработанная. Какая-то искусственно-ручная. А народ там сытый, жирный даже, довольный собою и жратвой своею, а больше его ничто не интересует – литература какая-то там! В сорок пятом году в станице Васюринской, когда мы приходили в клуб, кубанские казаки и казачки, занявши скамейки, сидели и семечки на пол лузгали. А когда им говорили, чтоб они место костыльникам уступили, они орал: «Ишь воно, ранетый, так хай на топчану лежить, а до клуба нэ ходыть!» Дрались мы с ними, костыли в ход пускали, а они ножи и дрекольё.

Ничего с тех пор не изменилось, народ меняется медленно. И так ли любы стали мне и ещё больше дороги наши бабочки – пьющие, добрые, бедные и какие-то застенчивые в проявлении чувств. Как дома – живу я середь них. Потом я вернулся в Москву, звонил вашим, но не ответили, видно, дома не было. А когда вперёд летел, то разговаривал с Юрой, и он меня успокоил в отношении тебя.

Дома меня ждала вёрстка повести из «Молодой гвардии» (лучше поздно, чем никогда!) и редактора сборника из «Совписа». Вёрстку требовали вернуть в три дня, редактуру сделать за неделю. У нас ведь всё так – годами издают, но автора торопят.

Я, конечно, праздник побоку, и за работу. В срок всё равно не уложиться, но работал так много, что заболела голова и единственный глаз начал отказывать – конъюнктивит начался. Старуха моя испугалась ещё больше меня (они, бедные, видимо, больше нас понимают нас) и вытолкала меня в деревню, а сама осталась зубы лечить.

И вот я в Быковке. До вчерашнего дня, то есть до 17 ноября, было тепло, сухо, и река не встала до сих пор. Лето и осень удивительные были, не перед погибелью ли?! Народишко так чего только не говорит! Любая проруха в природе и в народе истолковывается как «знамение»! Космонавтика и чудесничество, шарлатанство и ворожба, лопата и еропланы – всё вместе! Всё навалом, всё в куче!

И вот, значит, ударился я в рыбалку, а харюз-то под лёд убрался, и я его оттедова должен достать! Достал сначала 9 щук, а вчера 11 щук, а сегодня пошёл и первым делом проступился левой ногой, начерпал в сапог, да с тем и возвернулся. Не бывает худа без добра – не собрался бы ещё несколько дней тебе написать. Завтра уезжает от меня Алёша (тот самый, глухонемой сродный братишка, которого я имел честь описывать в рассказах и повести), явился в отпуск и всё время меня ругает за неналаженные рамы и прочее. Говорит: «Витя – голова, во! А хозяин тьфу!» Я говорю: «А то ты захотел, чтоб и голова, и хозяин, так не бывает, да и голова, говорю, крученевая, мозги в ей хвюпер своротил набок, вот и получился

от этого писатель, а то б коренной человек был, рамы бы наладил, трубу отремонтировал и бабе своей особо не досаждал бы». Смотрит братан рот открывши, по губам что поймёт, а что нет, а я с ним толкую да толкую.

Собирался в это время писать «Пастушку», да вот голова-то барахлит – рыбалить буду, потом, глядишь, и налажусь.

А как ты там, в булгарах-то? Тоскливо, поди? Но лишь бы выздоровел, на ноги встал да ко мне в Быковку бы добрался – здесь бы отошёл душою. Больно хорошо! Тихо, снежно, и ни единой души кругом. Да, событие! Провели ведь электричество нам к пятидесятилетию. Так что мы теперь цивилизованные!

Вот на этом важнейшем известии я и заканчиваю своё послание. Пишу домой, а там ребята или переправят тебе письмо, или ты домой приедешь и прочтёте.

Желаю тебе самого главного – скорее поправиться. Целую крепко. Твой Виктор

23 ноября 1967 г.

Быковка

(А. Н. Макарову)

Дорогой Александр Николаевич!

Девятнадцатого уехал от меня, из деревни, братишка Алёша, я отправил с ним тебе письмо, а сегодня, 23-го, снова пишу, чтобы поделиться с тобой моей большой радостью. Сразу же после отъезда братишки, пользуясь тишиной, одиночеством и блаженством покоя, сел я писать «Пастуха и пастушку», попробовал написать вступление и в течение трёх дней начерно написал повесть. Не спал, конечно, не ел почти, так, что-то жевал на ходу, а больше чайк пил (готовить-то некому!) и всё писал, писал. Сегодня я поставил точку на черновом варианте, и захотелось мне с кем-то поговорить, а с кем же я могу говорить, как не с тобой, моим добрым другом и искренним почитателем!

Сложное у меня сейчас чувство – боюсь перечитывать, что написал. Много сомнений в душе, что-то не так вышло, как задумывалось, что-то тянет на слезу и сентиментальность повесть-то, а настрой её беспощадно-суровый. Это должен быть вопль, плач о погубленной любви целого поколения, и писать об этом посредственно, даже хорошо нельзя, только очень хорошо, только отлично, иначе не стоит и браться. Я столько лет готовился к этому, боялся повести и сейчас боюсь, перечитавши её, разочарования боюсь. Недоделки, пропуски, корявости, неточности меня не пугают – у меня будет время пощупать каждую строчку, переписать, если потребуются и десять, и двадцать раз, но получилось ли главное? Звук, настрой, вроде бы остался – это начало. Но что-то мало изнутри, много слов. Тут беда ещё в том, что он и она всю ночь вдвоём в грехе, на грани отчаяния, истерики и потопившего их чувства. А опыт общения с женщинами у меня слишком мизерный, мало я интимно общался с ними в силу своей застенчивости, миру не заметной. И вот отсутствие такого опыта почувствовалось, когда я писал, не из чего было выбирать и отбирать, а придумывать в этих делах ничего нельзя и невозможно. Ну что ж, почитаю старых грешников – Бунина, Цвейга, Толстого – поучусь ещё у них, авось помогут старику, как помогали уж сотням, если не тысячам таких, как я. Повесть (я дал ей подзаголовок: «Современная пастораль») вышла, как я и предполагал, чуть побольше четырёх листов – при доделке вытянет на пять, у меня все вещи потом дописываются, ибо черновики я пишу быстро, строю каркас, а потом уж дорубаю, доделываю и дописываю. Вот так, дорогой мой. Пишу я тебе и не знаю, как ты? Где? Каково твоё здоровье? А шибко мне знать это хочется.

Завтра я поеду домой. Все харчи кончились, и главное, искурил сигареты – смолил, когда писал, как пароход. Река ещё не встала, как попадать на ту сторону буду – одному богу известно. Погода всё ещё квёлая. Идёт и идёт сырой снег, по колено уж выпал, а мороза всё

нет, и зимы настоящей нет. Лёд на Быковке съело мокрым илом, и теперь рыбачить никак стало невозможно, ни по-летнему, ни по-зимнему, а последний раз я всё же вытащил из-под льда целых два десятка хариусов.

На охоту бродил тут, чтобы дать голове маленький роздых, убил двух белок. Белки нынче много у нас, но собаки у меня доброй нет, а Спирька мой только по блинкам и по хлебу с маслом охотник.

Глаз у меня опять разболелся – веко распухло и глядело всё в красных жилках и ровно бы песок в нём. Попробую сегодня принять снотворное и дать глазу отдых. Всего меня ещё трясёт. Вот сейчас голову горячей водой помыл и полотенцем мокрым потёрся, так вроде бы полегче стало. Какая тяжёлая, сжигающая нас, как на огне, наша работа! Да мало кто знает об этом – видят лишь, когда шляемся, пьём и Ваньку валяем!

Каждодневно думающий о тебе, пребывающий в Быковке твой Виктор

1968

20 января 1968 г.
(В. В. Смирновой)

Дорогая Вера Васильевна!

Я получил Ваше доброе и славное письмо, и в такое время, когда могу, не торопясь, написать Вам. Дело в том, что я нахожусь в больнице. Я был на похоронах Александра Николаевича Макарова, и так они на меня подействовали, что вернулся домой совершенно разбитым и месяц перемогался, и потом пришлось всё же пойти в больницу. Страшноватого-то ничего нет, слава богу, но подлечиться требовалось.

Смерть Александра Николаевича для меня, да и для всей нашей литературы, считаю, большая потеря. А я так вроде бы второй раз осиротел. Непродолжительная, но очень крепкая дружба связывала меня с Александром Николаевичем. Многому он меня незаметно научил за это время, во многом помог разобраться, не стараясь как бы этого и делать вовсе, от многого наносного, идущего от периферийности мышления помог избавиться, и во многом, конечно же, осложнил мою писательскую жизнь. Сделалась она гораздо труднее, но это как раз те трудности, которые создавал Чаадаев Пушкину и без которых Пушкин не стал бы тем, что он есть (я, конечно, без аналогий, а просто вспомнил, как пример).

Мне очень легко было общаться с Александром Николаевичем. И дело не только в его деликатнейшем, милейшем характере, в какой-то застенчиво-мужицкой тактичности, а ещё и в том, что, послужив под началом литгенералов, всё изведав и испытав, и осмыслив в нашей суетной, порой визгливой литературной жизни, он сумел подняться над всею литературной мишурой, мнимостью борьбы, большим и недалёким вождизмом, так поражающим бывших полковников и майоров, затесавшихся в литературу и оставшихся, по существу, всё теми же полуграмотными офицерами с окопными или закопными замашками ротных командиров. Поднявшись над этим, он относился ко всему этому, что меня порой ранило, возмущало, с каким-то спокойным и снисходительным юмором. «Ну что Вы, Виктор Петрович, – бывало, скажет, – стоит ли на это обращать внимание? Вы пишете, голубчик, и на такие пустяки не расходуйте силы и нервы, у Вас они не больно железные. Я вот...» И расскажет о чём-нибудь, что отняло у него годы, силы. А то, бывало, грустно помолчит и погладит меня по плечу, по голове и вздохнёт: «Ах, дорогой вы мой!» – и прочтёт что-нибудь к случаю или смешное, или грустное.

Памяти его я постоянно поражался, как поражался и работоспособности. Ведь обо мне и о Галине Николаеве он писал статьи уже смертельно больным. К тому же и дома у него была не очень, если не сказать больше, творческая обстановка.

Очень, очень я жалею, что свела нас судьба с Александром Николаевичем поздно и на малое время. Я и сейчас ещё не могу прийти в себя. Наталья Фёдоровна⁹⁴ хлопочет об издании написанного Александром Николаевичем и просит, чтобы я что-нибудь написал о нём, ведь у меня много писем его, умных, всегда почти шуточных, а за шутками столько грусти! Но я никак не могу, да и не знаю, как приняться за эту работу. Во-первых, мне не приходилось делать такое, а во-вторых, наверно, и тяжело очень будет. Ведь это как бы вдругорядь хоронить дорогого, незабвенного друга.

Я вот и сейчас пишу Вам о нём, а у меня в горле слёзы стоят, и дрожу я весь. Писанина моя нынче как-то не очень идёт. Много я писал и печатал в прошлые годы. Видно, выдохся и устал. Написал, правда, начерно небольшую повесть «Пастух и пастушка» с подзаголовком

⁹⁴ вдова А. Н. Макарова. – *Сост.*

«Современная пастораль», задуманную ещё в 54-м. Но приостановилось пока всё. Повесть очень сложная. Повесть о войне и любви. О том, как раздавила война накоротке вспыхнувшую любовь и уничтожила романтического, чистого и, следовательно, не подходящего для наших времён человека.

Как дальше пойдёт, не знаю. Должны нынче выйти «Кража» в «Молодой гвардии» и сборник рассказов в «Советском писателе». Я их Вам пришлю.

А в Перми моё постоянное местожительство. Раньше я жил за Пермью, но после Высших литературных курсов перебрался сюда. Не скажу, что Пермь самое подходящее место для пишущего человека, но город более или менее культурный среди российских городов и спокойней городов молодых – а впрочем, провинция, конечно, со всеми вытекающими плюсами и минусами.

Но в Москве я и вовсе жить бы не смог – меня разодрала бы суета и склочность литературной жизни. Я иной раз побываю там неделю и столько наслушаюсь, что неделю, а то и месяц отплёвываться нужно. Бог уж с ней, со столицей! Не опускаться если душевно, так можно и у нас жить и писать, оно даже и лучше – к природе ближе и к народишку нашему послушному, разгульному и затурканному.

У меня в деревне есть свой домишко, так большую часть времени живу я со своей дорогой супружницей там. А дети уж выросли. Дочери двадцать, сыну скоро восемнадцать. И на нас уж старость надвигается!

Всего Вам доброго, Вера Васильевна. Возможного здоровья, работоспособности и душевного покоя. Всегда Ваш В. Астафьев

Май 1968 г.

Быковка

(А. М. Борщаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Долго я Вам не писал и сейчас пишу уже на Кузьминское, памятуя, что Вы собирались туда после поездки в Данию. А судя по статье в «Литературке», Вы туда уже съездили. Пишу я из деревни тоже.

Мы с женой садим картошку, лук и прочую огородину. Никак не можем отвыкнуть от земли своей, и, хотя эту самую овощь легче купить, чем обиходить, – мы всё же садим каждый год и радуемся, если что-то вырастает, той здоровой радостью, которую нынешние советские писатели клеймят и проклинаяют, изобличают и умничают, а сами, конечно же, картошку едят и недовольны, если она дороговата и неразвариста. Мне всё кажется, что по отношению к сельхоз. труду у нас произошло какое-то умственное надругательство, и никто этого никак понять не желает.

Я вот помню, моя бабка-сибирячка, Екатерина Петровна, поизбалованная, как и все сибиряки, жирной, вольной и родливой землёй, в 30-е годы категорически отказывалась класть навоз в землю, и вся деревня наша против этого новшества вставала на дыбы: «Да чтобы картошку, да из говна вынутую ись?! Не-е, я её лучше садить не буду, мать её и перемать!..» Навоз наши весь отдавали китайцам, которые жили колонией на окраине Красноярска, и потом у них же на базаре покупали крупную раннюю редиску, великолепные красные помидоры и толковали меж собой: «Слова эти бляди-хунхузы знают, и от того у них растёт всё как дурнина...» А насчёт навоза нашего же, деревенского, и веры никто не давал.

Так вот и советские писатели, и журналисты многие, и многие советские бары всё ещё брезгают тем, что крестьяне вынуждены копать в говне, кормить их, и они им придумывают труд другой, более разуму их удобный и красивый. А раз придумывается труд, надо и людей придумывать, и не случайно такое яростное, просто оголтелое сопротивление

встретила Матрёна солженицынская. Её, этой живой, доподлинной бабы, испугались хуже, чем чернозёму, потому что она сразу выместила из русской избы и деревенской литературы мильёны жизнерадостных колхозниц, сбросила с книжных полок тыщи томов, состряпанных и сляпанных литературными деятелями, которые жили и живут по нехитрому правилу «что изволите?». Эти ловчицы отлично понимают, что появившись такие вот живые Матрёны, и они из-за них тут же лишатся куска хлеба с маслом, не говоря уже о круглогодичных путёвках в дома творчества.

Моя деревня Быковка состоит из десяти домов, и здесь всё есть, как во всяком русском селе: одна дура, одна припадочная, одна блядь, один современный куркуль. Всего по одному, а вот Матрён наберётся десяток, потому что в эти десять быковских старых-престарых изб не вернулось с войны 16 мужиков. А кто же возьмёт замуж таких изработанных, некрасивых, неразвитых баб? Вот они и ворочают землю. Одни таскают вязанки сена из лесу тайком, а потом наварят браги, да как напьются, да как запоют хриплыми голосами про Марусю, которая отравилась «от проклятой, от любви», так ажно сердце кровью и обливается, и хочется обнять их, этих баб, и к сердцу прижать да нареветься вместе с ними по-бабьи громко, с припевом, и обласкать их, а заодно и себя тоже...

Ездил ненадолго в Тюмень и день Победы пробыл там, а вернувшись, нашёл дома приятную весть. Из «Нового мира» сообщили, что люди сего журнала склонны взять мою повесть. Дело только за «небольшим», то есть за Твардовским, если он даст добро, можно приступать к редакции. Редактуру согласилась делать Берзер. Я её не знаю как редактора, но статьи её, по-моему, когда-то читал.

В связи с такой новостью меня сразу охватил трудовой зуд, и я начал гвоздить подборку лирических рассказов, давно задуманную, выношенную, но из-за того, что я расклеился и вышел из рабочей колеи, до сих пор не написанную. Тут уж очень упорно начали поносить лирическую прозу, и некоторые готовы стали утверждать, что был бы смысл, а всё остальное ерунда, а прозаики, преимущественно полковники и подполковники в отставке, всё жмут на героизацию, в открытую, с трибун съезда, проповедуя мужество, потому что они главной книгой в жизни почитают «Устав полевой службы», а из неё пункты такие, как: «Действия старшего начальника обсуждению не подлежат», «Смирно!», «Кругом!», «Прекратите разговоры!». Кто такой Ницше и почему его фашисты в боги взяли, наши подполковники в литературе понять не умеют. Не хватает ихого ума на это. А уж говорить им о том, что склонность русских писателей к лирической прозе, а русских читателей – к пониманию таковой есть национальная особенность, особенность народа, который нескладных песен не пел, имеет почти весь фольклор ладный и складный, да и сама природа с её зримыми сменами времён года, все её травушки-муравушки, цветочки-цветики, листики-листочки, то расцветание, то умирание на глазах русского человека делают его душу мягкосердной, протяжно-жалостливой. И недаром исконно русские поэты, выходцы из народа, отличались таким стихотворным ладом, такой душевностью, что народ наш пел и принимал их без подписки, принимал, как себя самого. И не знает до се наш простой люд таких поэтов, как Маяковский и ему подобные, хотя они и со «смыслом», а вот Есенина знает.

Наши молодые прозаики, слава богу, небольшая, но бойкая часть их, под шумок суют такие изделия, что в них сплошные афоризмы, переложённые из Ларошфуко или ещё из кого, сплошные эпиграфы и параграфы, подзаголовки занимают уже целые страницы, любовные записки, справки и накладные, целиком переписанные. И всё это для того, чтобы изловчиться и прикрыть отсутствие лирического настроения души, то есть прикрыть отсутствие самого себя, ибо в настрое вещи или в «звуке», как говорил Бунин, как раз и можно только проявить себя, свои чувства, опять же душу, потому что чувства без души не живут, как птицы без гнезда не выводятся, есть, правда, такие, как голубь и кукушка, но они иждивенцы в природе, по-прежнему тунейдцы и дармоеды.

Жуть меня берёт, как я подумаю, что скоро помрут Паустовский, Леонов, Никулин, Шкловский, а что взамен идёт?

Но это уж тема разговора на целый вечер. Письмо и так длинное получилось. Ну да Вы в деревне. Я люблю читать длинные письма, особенно Ваши. Всегда радуюсь им. Всего Вам хорошего. Главное, рабочего настроения. И бодрости. Крепко жму трудовую. Виктор

Июнь 1968 г.

(А. М. Борцаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Давно уже получил письмо от Вас, и нынче вот и книжку рассказов, но никак не мог собраться с силами написать Вам. Сначала все мои писания прервала поездка в Югославию. Был первый раз за рубежом и, может, оттого, что был в стране доброжелательной, неплохо живущей, почувствовал себя впервые настоящим человеком, причастным к Великому народу и Великой стране, человеком, которым гордятся и которому есть чем гордиться. Как жаль, что за утверждением собственного достоинства и достоинства своего народа стало необходимо ездить за границу, ибо громкие слова, что говорят нам всечасно равнодушным голосом, перестали уже действовать в своём доме, и если действуют, то даже наоборот. Словом, поездка была прекрасной. Впечатлений масса, и самых хороших.

Но начиналась поездка трудно, в беготне и нервогрёпке, ибо наши доморощенные деятели задержали мои документы в Перми. Оттого я и не повидался с Вами, а звонить не люблю. Надеялся сделать это на обратном пути, но не вышло – очень торопился. Надо было проводить сына в армию.

Приехал 1 мая вечером домой (в пути мне исполнилось 44), а 5-го проводили Андрюшку. Провожали тягостно, особенно мать. Она слегла сразу с тяжёлым сердечным приступом, а когда встала чуток на ноги, я увёз её в деревню. Там копались в огороде, садили кое-чего, а сегодня вернулись – и письмо от сына: отправлен в Германию. Я, как старый солдат, всё время держался, а вот сегодня навалилась какая-то дремучая тяжесть, и весь я как разбитый. И понимаю всё, а поделаться с собой ничего не могу – печально, смурно на душе. Писать о новобранцах всё-таки легче, чем провожать их. Да ещё в Германию, будто эта Германия и без того не сидит в моих печёнках. А тут – не парадокс ли! Письмо из Германии – в Берлине собираются издавать «Кражу». Полное содружество семьи Астафьевых с немцами! Один будет охранять их мир и покой, а другой чтением развлекать! Если бы мне сказали об этом в 44-м году – я бы, наверное, коньки отбросил бы от потрясения. А сейчас вот ничего – живём! Ох, всё же какая извилистая штука – жизнь!

Повесть свою «Пастух и пастушка», после третьего захода, я отложил до осени. Пока не я её, а она меня одолевает, потому пусть полежит, может быть, мы найдём общий язык. Да и могу я себе нынче наконец-то позволить не спешить. Если всё будет на горизонте прилично и цензура вовсе не освирепееет, у меня выйдут в нынешнем году четыре книжки и я буду долгое время, при наших скромных запросах, с хлебом и солью. А это такое счастье! Такая свобода, о которой я мечтал много лет.

Очень много появилось какой-то мелкой, суетливой работы, запросы, анкеты, ответы, а я отказывать не умею и считаю должным ответить вниманием на внимание. Вот и пишу всякую шелуху. И тоже волнуюсь, дурак!

Съездили ль Вы в Швецию? Что нового на литературном горизонте? Видел в газетах, как поспешно каются люди, живущие по принципу: не согрешишь – не покаешься. А мой выбрык против «отца русской литературы» стоил мне выброса из «Роман-газеты», и «доброжелатели» обещают, что на этом не кончится, он, мол, памятный. Да наплевать мне на

всё это. Мелочи всё это по сравнению с главными вопросами жизни, которые с возрастом всё меньше и меньше оставляют времени для сна.

Картину Вашу ещё не видел. Она идёт у нас с 27-го числа, но уже много о ней читал добрых слов! Радуюсь за Вас и желаю дальше так же действовать. Передайте от меня и моей бедной Маши привет Валентине, а Вас я обнимаю. Виктор

1968 г.

(Адресаты не установлены)

Уважаемые Элеонора Петровна, Инга Ивановна и Наталья Ивановна!

Я всё лето был в Сибири и потому не ответил на ваше доброе письмо. Да, как у всякого пишущего, у меня тоже появляется «кинозуд», но уж мало чего от него осталось. «Звездопад» пытались поставить на Свердловской киностудии, уже и деньги мне платили, но жена моя напугалась и велела мне их вернуть, ибо ни за один рассказ мне столько не платили, а тут за сценарий, написанный по готовой вещи... Кино не поставили. Сценарий вернули: то я что-то не так сделал, то режиссёра не нашли, то ещё что-то мне непонятное содеялось... Но на этом моя киноопупея не закончилась.

Узнал об этом Юрий Бондарев, что ввязался я в такое дело, а повесть ему нравится. И спрашивает: «Остался ли хоть какой-нибудь экземпляр?» – «Остался», – говорю. «Давай его мне, – сказал, – я его в своё творческое объединение отдам, там ребята хорошие, а про любовь хорошего ничего нет». Я послал. Жду-пожду. Год прошёл. Два прошло, а я всё жду, но не это главное. Главное, что я работаю там, где бог мне назначил, – пишу потихоньку прозу. Однажды у Бондарева спрашиваю: «В корзину его бросили иль как?» – «Не бросили, но потеряли», – отвечает мне Юрий. Кулик или Калик какой-то потерял мой «Звездопад». Как пели в детдоме мои друзья: «Утонул он, утонул, только хером болтанул!..»

Тут я успокоился и решил жить дальше в качестве прозаика и кинозрителя. Но раз! Зазвонили, затрещали телефоны. Студия им. Довженко: сейчас, моментом, с ходу или, как опять же острили орлы-детдомовцы: «С маху под рубаху!», хотят снимать полнометражный фильм по рассказу «Ясным ли днём». Режиссёр любит меня и обожает рассказ! Директор студии рыдает, ибо сам безногий, а тут герой без ноги. Ну, думаю, такое редкостное совпадение даст результат – уж две-то ноги на двоих кино вывезут!

Ан не тут-то было! Есть начальство на двух ногах и даже на трёх, которое попадаетея и лаёт: «Як цэ можэ буты, шоб громадяника, та ще червоноармейца бэз лапы на нашему лучшему, передовому, гуманному экране показуваты? Чи мы капыталисти, чи футурысти?.. Пэрэробыть!» Пэрэробляв я, пэрэробляв той горемычный киносценарий и однажды выразился, тихо, но матерно...

На том моя киноопупея будто и кончилась, если не считать нескольких коротких фильмов, снятых выпускниками, из которых я ни одного не видел. Говорят, на Одесской киностудии по рассказу «Солдат и мать» дипломная работа одного из выпускников получилась очень удачной, да и играют в фильме любимые мною актёры – Булгакова и Кононов.

Ну-с, режиссёр со студии Довженко, парень по духу мне близкий, не забывал меня и в покое не оставлял – уломал меня написать сценарий по повести «Пастух и пастушка». Студия сценарий приняла на ура. Режиссёр уехал в деревню, я – в Сибирь, а сценарий пошёл по инстанциям. Что, кто, где и как! – я ничего не знаю, иль повторяю, что лишь вчера вернулся с родины.

Вот и всё, что могу сказать я о своих отношениях с кино... Когда-то Джона Стейнбека спросили: имеет ли он какие-либо отношения с телевидением? И этот проклинаемый нами писатель, которого я, несмотря на поношения «Лит. газеты», до сих пор обожаю, отве-

тил перед самой смертью с буржуйской прямоотой: «Ну должен же человек иметь хоть одно достоинство! Моё заключается в том, что я не имею никаких дел с телевидением...»

Но там телевидение растленное, двенадцатипрограммное, там голых девок показывают, и друг в дружку стреляют, да банки грабят. А вот покажете вы, допустим, госпиталь в том виде, в каком я его написал, чтобы не рязить больных в пижамки, чтобы кровь и страдания были не красивенькие, а раны гноились, и любовник Миша Ерофеев ходил в кальсонах, подвязанных юбкой? Нет, конечно. А на нет и суда нет! Пусть дальше показывают Марью-большевичку, которая в берлогу залезла, изнасиловала медведя и вдобавок шкуру с него сняла! Во баба, а?! Родился в Сибири, крестился в Сибири, а таких впервые вижу! Медведя за всю жизнь нос к носу видел один раз, ружьё было в руках, правда, дробью заряженное, но... я – не Марья, далеко не Марья! Только и смог пошевелить губами: «Ну, уходи!..» – сказать. И он ушёл, а то бы и письмо писать мне вам не довелось.

Вот предложил бы вам попробовать снять многосерийный фильм по повести «Последний поклон». Добрый видится мне фильм. И режиссёр есть, который «по-телевизионному» его видит, а ну как в «Поклон»-то Марью-большевичку вставят либо Петю Вельяминова, старого моего знакомого, – сусальнёньким большевичком с усиками, речи произносить заставят? А?! Ой, люди, страшно!..

Ставили у меня в каком-то году «Дикий лук» на Центральном телевидении. Соседи сошлись, расселись. Ребята на полу разместились. Сосед мой в Перми в 28 лет доктором философии был. Глядел я, глядел кинопродукцию по своим «мотивам» и подумал: возьмёт сейчас сосед мой кирпич да как шандарахнет мне по башке за такое кино и отвечать не будет, ибо за такое говно убивать мало.

Ну и как вы после этого? Согласны приглашать меня ещё или уж бог со мною?

А телевизор я смотрю регулярно, иной раз с большим интересом. Ваш «Адъютант» мне очень понравился, особенно (в нём) Слава Стрельчик. Я как-то увидел его в Москве в гостинице, хотел сказать ему об этом, да постеснялся. А в «Вызываем огонь на себя» или «Операции «Трест» – очень понравилась Касаткина. Дай ей бог здоровья и вам тоже!

Я только что с родины приехал – брата похоронил (от рака умер). Всё лето умирал у меня на глазах, оттого и юмор мой злой. Простите!

В. Астафьев

1 сентября 1968 г.

Быковка

(В. А. Старикову)

Дорогой Виктор!

Письмо твоё привезли мне в деревню, где безвылазно сижу я уже два месяца, засгигнутый непогодой, скверным настроением и трудной работой. Делаю сценарий по «Звездопад» по договору со Свердловской студией. И так от него обалдел, что для радости и отдохновения души написал два небольших рассказа про разных животных, как то: «Коростель птица» и «Жеребёнок Яшка».

Сценарий я днями закончил. В конце концов он увлёк меня и, кажется, получился значительным, а потому и не видать ему жизни на экране, но аванс я отработал честно и тем хотя бы доволен.

Ездил я в июне в Вологду (не знаю, писал ли об этом тебе). В хорошей компании – Фёдор Абрамов, Вася Белов, Женя Носов, Саша Романов и ещё четверо интересных парней-художников прокатились от Вологды до Великого Устюга на пароходике, и это было самой большой отрадой в моей нынешней жизни, которая после смерти Александра Николаевича как-то сделалась очень уж квёлая и одинокая.

В Великом Устюге мы заходили к художнику Шельниковскому. Ему 85 лет, он основатель и утвердитель знаменитой северной черни по серебру, деятель искусств. Получает персональную пенсию 85 рублей, и дали ему двухкомнатную квартиру. И он так рад, доволен всем этим, особенно что сортир и ванная у него вместе, что и слушать его горько даже. И вот довольный всем и жалкий в этой довольности, большой художник жаловался лишь на одно: «Мне всю жизнь не хватало среды. Я засох тут один». И я понимаю его. И надумал я покинуть Урал – спившуюся, покрытую болотной ряской пермскую организацию, где не только не пишут, но и не читают даже, а только пьют, дерутся и изображают из себя писателей. С сорок пятого года живу я на Урале и не прирос к нему, не сделался он мне своим. Хватит! Слушался жены, тёщи, боялся ворохнуть, а сейчас всё – рублю концы! Звали меня опять ребята в Вологду. И хорошие они ребята, и город приятный, а всё же поеду я на родину в Сибирь.

С 4 по 8 сентября в Киеве будет встреча ветеранов нашей дивизии. Удостоился! После этого я заеду в Москву, там скопились у меня разного рода дела, в том числе, кажется, и редакция в «Роман-газете». И как только покончу со всем, получу деньги, сразу же начинаю дело с обменом квартиры и к весне думаю убраться в Сибирь, а может, и раньше. Тем более что задумал я большой роман, а без Сибири и каждодневно вливающейся живой речи мне его уже не написать. Мои языковые запасы и воспоминания почти иссякли.

Счастливо вам отдохнуть! Обнимаю вас обоих, ваш Виктор

1969

1969 г.

Вологда

(Е. Носову, И. Лободину)

Дорогие Женя и Игорь!

Получил ваше послание перед самым отъездом и разобрал письмо ваше после третьего захода! Был у нас на войне шофёр один, мог он ездить только пьяный, а трезвый на первый же «предмет» наезжал!

Слышал в Вологде, что Игорь оженился, в подробностях рассказали, как проходило это действие коллективное, с участием профсоюзно-партийно-комсомольской ячейки, без направления которых Игорь, видимо, не управился бы. Ну, да у нас русаков без фокусов, как без хлеба. Дал бы бог мира да согласия – это уж от меня древнее и традиционное пожелание. Лучшего пока не придумано.

Я очень забеган. Переезжать так часто да ещё при моей филантропической натуре... Удумал я перед отъездом сделать добро и вызвал из Уссурийска своего племяша с женой, уже беременной, желая, чтобы они не мучались без квартиры, как мы, и вдали от Родины. Полагая, что для этого угрюмого города я всё же сделал немало, ожидал, что помогут мне определить ребят на жильё, пусть и меньшее, чем моя квартира. Да наивен я, как всегда. Наткнулся на такие препоны, что и сам не рад своей затее. Сейчас главная проблема определить ребят – и можно ехать. Контейнеры сегодня заказал – 8-го погрузка, и в понедельник можно бы выезжать.

Ребята меня там приняли хорошо, и я этому рад. Надоело жить в одиночестве, среди Урала, от которого всё больше и больше болит голова. В связи с беготнёй ничего не делаю, хотя поступило очень соблазнительное предложение – быстро сделать сценарий по рассказу «Ясным ли днём» с тем, чтобы нынче же и фильм вышел. Рассказ ложится, ну а деньги за него позволили бы писать несколько лет всё, что душе, а не цензуре угодно.

Вероятно, переехав в Вологду, тут же и примусь за дело и сразу напишу вам, как и что, и в гости позову.

Дом в деревне на Урале я не нарушаю с тем, чтобы Марья могла ездить на родной Урал, и мне, когда захочется сбежать в леса, тоже можно будет им воспользоваться. Уж очень много в эту халупу вложено моего и особенно Марьиного труда. Покидать избушку жалко – единственное, что по-настоящему жалко покидать на Урале.

Обнимаю. Ваш Виктор

16 марта 1969 г.

Вологда

(А. М. Борцаговскому)

Дорогой Александр Михайлович!

Пишу Вам письмо из Вологды, куда я переехал жить. Долго объяснять, как надоело мне угрюмый Урал за 24 года со всем своим могуществом и героизмом, которым так любят кичиться люди, ничего героического, кроме подлостей, не сделавшие. Писательской среды нет никакой, то есть она есть, но такая, что не дай бог смотреть на неё – под стать своему городу. Словом, как писала Майя Борисова: «Не дай вам бог покидать нелюбимые города...»

И переезд, и всё связанное с ним было очень сложно и тягостно. Одна хорошо меня знающая особа сказала: «От себя бежишь, Астафьев! Не выйдет...» И это знаю – не выйдет!

А что же делать? Дожить до 50 лет в Перми и там окочуриться от болезней и в одиночестве? Ехать на Родину, в Сибирь? Но она, Родина-то, лишь в сердце моём сохранилась ласковой и доброй, а на самом-то деле пока она – край романтиков! А романтики эти так скоро обсерут мою землю, так её запакосят, что и не узнаешь.

Вот и выбрал я старинную Вологду, где есть друзья и ещё пахнет Русью, близкой моему сердцу. Пока мне здесь хорошо. Народ тут простодушнее, добрее, и природа сохранилась, и тихо тут, неторопливо.

Дали мне такую же точно квартиру, как в Перми, только получше построенную, на три метра поменьше, да это пустяки. Встретили меня хорошо и власти, и писатели. Я уже работаю и на рыбалку ездил два раза. Первый раз разбил себе локоть и термос, и ящик – до того «нарыбачился», а второй раз поймал судака и подлещика.

Летал в Киев. Там режиссёр Войтецкий решил ставить картину по «Ясным ли днём». Работали с ним. Режиссёр хороший. Последняя его работа «Скуки ради». Парень он винницкий, но без хохлацкого тупого фанфаронства и без картонно-игрушечного национализма, который ничего, кроме печали и обиды на людей, не вызывает в душе солдата, защищавшего эту землю. Сейчас сценарий должны утверждать два главка – украинский и московский. Как оно будет – не знаю. Может, и получится что. Режиссёр-то горит весь, желает сделать картину и меня воспалил своим энтузиазмом.

Женщины мои тяжело пережили разлуку с Уралом. Им тут одиноко. Ну, авось попривыкнут. А с меня схлынула суета, гнетущая обстановка, сплетни, наговоры и как-то даже дышаться стало легче.

Продолжаю работу над «Пастухом и пастушкой». Никакие литературные будни на меня уже не действуют, пишу, как хочется, хотя и знаю, что повесть не ко времени и не в «духе».

Читал про Колю Воронина, читал всё, что касается начинающейся облавы на честных писателей, и пожал плечами: «Собаки лают, а верблюды идут и идут». Бедный Коля – у него ведь всю повесть (роман был) изрубили ещё в процессе печатанья, а теперь самого в крошку рубят. Он обратился ко мне с просьбой – выступить в защиту повести. Только вот не подсказал – где. Ведь когда идёт облава, защищаться негде. Конечно, я напишу письмо в «Литературку» и назову автора статейки подлещом, каков он и есть на самом деле, но ведь что им: ссы в глаза – всё божья роса.

Не сетуйте, что долго не писал. По возвращении из Переделкино я почти всю зиму проболел – плохо было с головой, не писал ничего – плохо было на душе, а потом переезд, который решался быстро, а происходил медленно. Сейчас легче, гораздо лучше. И работать потянуло, а больше – рыбачить. Женщины мои завтра едут к тётушке в Хотьково, а я сверну свои срочные дела и заберусь надолго рыбачить, подальше от слухов о вылазках всевозможных хунвейбинов.

Вот и всё пока. Увидите Борю Можаяева, передайте ему привет и мой новый адрес: Вологда, ул. Урицкого, 94, кв. 8.

Валентине кланяюсь я и мои женщины. Будьте все здоровы. Виктор

P. S. Сегодня день выборов, и я с утра всё твержу стишок, который однажды прислал в «Чусовской рабочий» один гражданин: «Мы крикнем дружное «Ура!» И все пойдём на выбора. И я, советский гражданин, проголосую, как один!» Сильные стишки-то!

7 апреля 1969 г.

Вологда

(И. Степанову)

Дорогой Ваня!

Пришло твоё большое, как всегда, обстоятельное письмо, написанное, не в пример моему, человеческим почерком. Я всегда радуюсь твоим письмам – они как глоток воздуха Родины, и я завидую тебе, тому, что ты верен родному краю, видишь его каждодневно, дышишь воздухом и морозом Сибири.

Увы, я не мог и не смогу скоро оказаться в родных краях насовсем. Родина моя как-то до обидного сурово всегда обходилась со мной, много сил, горя и страданий принесла, и я, любя её, может быть, несколько выдуманную, боюсь в то же время её. Кроме родной деревни и Красноярска меня ничто в Сибири не привлекает на жительство, но воздух загрязнили на Родине моей не меньше, чем на Урале, а у меня и от Урала болит голова. Кроме того, далеко очень от центров и, соответственно, возрастает тупость литературная, начинает давать себя знать провинциализм в культуре и какая-то автономная замкнутость в оценке точного места, которое знать совершенно необходимо, дабы не впасть в самомнение и фанатерию.

Я достаточно насмотрелся на провинциалов-литераторов. В большинстве своём это безобразная картина. В Свердловске большая писательская организация, издаётся два журнала, театры, киностудия, и тем не менее большей провинции в культуре и литературе я не знаю. Зато сами о себе они понимают так много, что могут кому угодно права качать. Пробовали и мне, да я-то спереду артист, а сзади-то говнист и не больно потерплю. Я сам могу расшибить любого из них в лепёху, и они робели меня трогать.

По-моему, все с облегчением вздохнули на Урале, когда я уехал. Уж больно я их беспокоил своими откровенными словами о том, что говно – это говно, а иногда и статьи писал такие, что графоманы давиться собирались и словоблуды стишки писать бросали.

Вот так вот «спокойно». Литератор, мечтающий в наше время жить спокойно, то есть печатать всякую брехню, жрать сладко и срать гладко, – это уже в моих глазах не литератор, а человек-обыватель, которому до лампочки всё, кроме себя.

А в Вологде действительно очень небольшая, но крепкая и дружная организация. Здесь живёт превосходный прозаик Вася Белов, поэт Коля Рубцов (обязательно достань в библиотеке его сборник «Звезда полей»), Ольга Фокина, Саша Романов, и много на подходе интересных парней. Они понимают хорошо, что такое работа, и сидеть за столом не мешают. Нет здесь той массы необязательных знакомых, какой я оброс на Урале, меньше раздражителей в лице газет, издательства, телевидения, и потому я живу и работаю собранней, чем прежде.

Езжу на рыбалку и продолжаю работать над новой повестью⁹⁵. Вот уже скоро два года и третий пойдёт, как я бьюсь над этой маленькой повестью, и или рога себе на ней сломаю, или сделаю что-то заметное.

Посылаю тебе «Поклон» – свою самую любимую книгу и Марьину повесть, которую она написала между стирками, кухней и мной. Человек она очень одержимый от природы и цельный, и ей бы давно уж быть профессиональным писателем, но она посвятила себя мужу всю без остатка и детям. И другого своего назначения знать не хочет. Пишет редко и урывками. Получается у неё всё лучше и лучше, и большая вина моя перед ней за то, что заели мы её жизнь и талант, а я ещё нет-нет да и в капризы ударюсь, было влюблюсь и мучаюсь ещё больше, и её мучаю своим чёрствым отношением. Трудно с нашим братом жить и ладить.

Может, летом я побываю в Сибири. Попробую до тебя добраться и посмотреть настоящие Саяны. И верха Енисея. Загадывать трудно, но пометать можно. Сын мой служит в Германии. Мать с туристами в мае собирается его навестить.

Привет твоим всем – жене, парням. Обнимаю тебя. Виктор

16 апреля 1969 г.

⁹⁵ «Пастух и пастушка». – *Сост.*

Вологда

(В. Колыхалову)

Дорогой Володя!

Ну и толстую же книжку ты написал! Читал я её, читал... Я ведь толстые книги сейчас читаю трудно и долго – глядело моё послабело, и голова побаливает. Но твою добил – оттого, что люблю книги сибиряков. В них у талантливых, разумеется, авторов и не наезжих, а коренных сибиряков всегда покоряет выпуклая образность, сочный и богатейший язык, сочная природа. Наш грубоватый, не подмазанный крылышком юмор, не вымученная, не выставленная напоказ честность и правда. Правда непосредственная, неотразимая, как жизнь, которая вроде бы как сама собой разумеется и потому её обычно принимают и воспринимают без ахов и охов и никакой излишней подозрительности к ней не проявляют. Такова уж она, настоящая правда: её или принимают целиком, или отвергают, но тоже целиком, ибо она неделима и неотделима, эта «исповедальная проза».

«Верха» наши, наторевшие в надзоре за словом, совсем не случайно относились к этой прозе снисходительно – она была безопасна и «безвредна», ибо скользила по верхам событий и жизни, шибала больше в нос и не трогала сердца. К этакой литературе во все времена все привыкали очень быстро, а настоящего слова, по справедливому и потому уже осуждённому в «Огоньке» замечанию Гранина, Россия всегда боялась.

Твоя книга написана в лучших традициях сибирской прозы, которая была и осталась, по моему глубокому убеждению, лучшей и определяющей в прозе 20-х и 30-х годов. Зазубрин, Ошаров, Петров, Иван Кратт, Шишков, Жуков, Сейфуллина, Вс. Иванов, Черкасов (покойный, а не живой!) и множество других сибиряков зачали советскую прозу и продолжали её с новейшим живописным блеском, они как бы изголодались по живому слову, по живому разговору, в душах их скопилось столько красок, столько живописных образов и эмоциональности, что они её выплёскивали удало, безудержно, темпераментно, и иной раз одной страницы (у Шишкова, например) иному современному столичному «художнику слова» хватило бы на целый роман – так они бедно заряжены жизнью, так мало видели и пережили.

Всё это, присущее лучшим сибирякам, как бы само собой перешло к нам. Да и как могло быть иначе? Мы же росли и выросли на этой литературе! И всё это ярко, зримо и вещественно присутствует в твоей книге.

Но я глубоко убеждён, что сибиряки наши, если б дали им возможность созреть, жить и работать, вспомнили бы в конце концов, что до них были Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин – в прозе, Пушкин, Блок, Некрасов – в поэзии, которые умели – да ещё как! – писать: и образно, и живописно, и удало, и правдиво и... как хочешь. От стихийной, порой «голенькой» прозы они постепенно переходили к мысли. А если уж шла война, то и её описывали, и не одними батальными сценами отделявались эти воистину мудрые художники, мятущийся человек появлялся у них на позициях. И мятущийся, чего-то ищущий граф, и мужичок, со «своих позиций» пытающийся понять себя. Если уж нищий студент угрожал старуху, то за него нравственные вопросы решал не всезнающий майор Пронин или мимо ехавший и случайно завернувший в роман секретарь обкома, а сам он, студент, обращал свой взор вокруг и в самого себя. И всё вокруг постигал – и высшую нравственность, и падение – путём мучительного размышления над сущностью человеческой жизни, над её величием и мерзостью.

Тургеневы, Достоевские, Толстые достигли высших вершин в слове, потому что сделали слово мыслительным, и, мало того, пошли дальше, забрались туда, откуда возникает эта мысль, – в человеческую душу.

Увы и ах! При всём блеске прозы 20-х и 30-х годов, особенно сибирской, она лишилась основного достижения нашей русской великой литературы. Она изображала и только. Она,

захлебнувшись, спешила вперёд, летела, подхваченная запущенной во всю мощь и на всю «железку» круговертью событий и собственной жизни. Ещё раз говорю: дай ей время приостановиться, осмотреться, поразмыслить – литература эта непременно пошла бы в глубь явлений жизни, занялась бы самоанализом и осмыслением вновь народившегося общества.

Я думаю, не случайно почти всю сибирскую литературу вырубали под корень. Кто-то инстинктивно почувствовал, что она если не представляет, то будет представлять опасность. Такие мужики, как Зазубрин, Петров и Ошаров, очень много знали и даже сотой доли того, что знали, ещё не только не выложили на бумагу, но и не коснулись. И они-то в первую очередь и пострадали. Оставшиеся в живых Шишков, Сейфуллина, Иванов были травлены литературными гончими и по существу загнаны в угол. Взамен им хлынула в литературу та самая хевра, которая «счастье в том находит, что хорошо на задних лапках ходит».

Думаю, ни Зазубрин, ни Петров, ни тем более Павел Васильев не написали бы в самые страшные годы слов: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»

Именно потому, что они, настоящие бойцы-коммунисты, люди с чистой душой и прекрасной биографией, не делали этого и не сделали бы, их и не стало.

Не стало их, нашлись другие, те самые, которые для нас, мальчишек, писали книжки («Я сын трудового народа», «Белеет парус одинокий»), готовя из нас патриотов и тех самых бойцов, которые потом с этими книжками умирали в окопах. А авторы держали в столах или в душах уже заготовки «Травы забвения» или «Святого колодца», чтобы отречься от того, что они делали раньше, умыть руки, по существу, предав нас, смотревших им в рот и верившим на слово. «Пора подумать о душе», – пишет Катаев в «Траве...». А о какой душе-то? Души-то нет! Там уже банная мочалка, которой Катаев и иже с ним натирали спины в общественных банях всем, кто казался им шире спиной и влиятельней. «Его пример – другим наука!» Что и говорить, они многому нас научили, прежде всего, тому, что жить и работать в литературе так, как они, нельзя – это подло!

Вот я и подхожу к той мысли, ради которой и развёл всю эту прелюдию и которая, так сказать, навеяна твоей книгой. Литература наша сейчас в лучших своих книгах мучительно пытается пойти вглубь, вернуться к тому, что было ею уже достигнуто и развито, и пойти дальше. Логика жизни неумолима. Она требует этого от всякой созревшей или полусозревшей литературы. Всё чаще и чаще в книгах талантливых людей делается видно, что они (пусть и запоздало, с издержками, со скрипом в мозгу и в костях) хотят приблизиться к работе Толстого и Достоевского, не повторяя их, не эпигонствуя, не воображая, что им дан богом тот же талант, а ориентируясь на их совесть, самостоятельность взглядов на жизнь и явления общественные.

И снова как прежде! Только начала наша литература заглядывать вглубь, только приступила к осмыслению окружающей действительности, как её начали трясти за грудки и гнать. Вперёд! Вперёд без остановки. Некогда остановиться, некогда думать. Помогайте, раз вас кормят, решать хозяйственные и строительные вопросы. А в души заглядывать себе и другим – это потом, это непозволительная роскошь, это самокопанье! Кому оно нужно?

М-да-с! Цепь снова замыкается. На щит уже снова поднимаются бабаевские, семенихины, горбачёвы, которые, опять же по сибирскому выражению, трём свиньям пошло не сумеют разлить, а берутся писать и решать нравственные вопросы. Но как может решать эти вопросы человек, будучи сам совершенно безнравственным, бездарным, оголтело давящим всё талантливое вокруг, чтоб утвердить себя и посредственность, коя ему ничем не угрожает.

Сложный сейчас стоит вопрос перед каждым честно и даровито пишущим человеком. Куда и с кем идти? Стоит он и перед тобой, Володя, да ещё как! Ты, может быть, и сам того ещё не сознаёшь, переживая счастливую литературную юность. Книга твоя хороша, слов нет. Но вся она пока ещё от стихийного таланта, неорганизованного, невзнузданного. Я не

случайно вернулся и перечитал предисловие Залыгина. О-о, это мудрый мужик! И предисловие он тебе написал осторожное и мудрое.

Книга твоя ещё очень бытописательна. Её можно где угодно остановить и ещё сколько угодно продолжать. Из неё можно вынимать целые куски, главы и даже части – и ничего не изменится. Из неё можно вынимать людей или добавлять. А людей в книге целые роты и полки. А смертей сколько! А событий! И все они, за исключением главного героя, исчезают куда-то, как пешки с доски, – отыгрались и долой! Многие умерщвлены без всякого лукавства, по одному принципу: так в жизни бывает или было. С середины книги становится утомительно следить за судьбами людей, читать необязательные эпизоды и целые главы. Пятая, да и четвёртая части начали уже дробиться на эпизоды, и запоминается потрясающая новеллка, как утонул внук Ивана Сосипатьевича и как был убит председатель колхоза. Остаётся в памяти сенокос и ещё кое-что. А остальное уже вяло написано, многословно. Ну вот, спроси ты сам себя: зачем столько страниц написано о медвежонке и о том, как два дурака травили его?

На стихии таланта, на достоверности материала, на добротном языке и добром юморе, неторопливой и достоверной интонации стоит твой роман, который точнее бы назвать бывальщиной и которую так любят у нас читать везде и всюду. Ну, а дальше что?

Можно гвоздить дальше на этом же уровне, эксплуатируя биографию и дарование, – это очень простой и лёгкий путь. А если по-другому? По тому, о чём я, совсем неспроста, толковал почти всю остальную часть письма.

Ох, трудное это дело! Повесть «Перевал», написанную по тому же принципу, что и твои «Побеги», и о том же – я писал несколько месяцев, и её напечатали мгновенно. А хвалили-то как! Взхлёб! Повесть «Пастух и пастушка» (того же размера – 6 листов) пишу уже третий год, и конца работы ещё не видно, и я совершенно не уверен, что кто-либо решится её печатать. Пишу о своём примере не для ради хвастовства, а потому как он ближе.

В заключение моего затянувшегося письма прошу тебя воспринять всё тут написанное как субъективное, товарищеское и ещё вызванное тем, что ты сибиряк, а значит, родня, перед которой лукавить грех. Ещё извини, что отдал письмо на машинку жене. Почерк у меня ужасный, а тут ещё рука болит и пишу с трудом и вовсе неразборчиво.

Желаю тебе работы и творческих мучений, которые совершенно всем нам необходимы, особенно сейчас. Жму руку. Виктор

Апрель 1969 г.

Вологда

(Б. В. Ширшову)

Дорогой Борис!

Получил твоё письмо и газету уже давненько. Но как раз был очень загружен и оттого сразу не ответил и не поблагодарил тебя за хлопоты и письмо. Я доделывал сценарий и вычитывал вёрстку книги повестей. Книга большая, и я так устал с нею, что сразу же на рыбалку поехал. Рыбалка тут весной хорошая – привёз полную шарманку сороги, окуня, двух щук и одну нельму на кило.

Живу я пока хорошо, тьфу, тьфу! Город и народ здешний мне нравятся – очень спокойный город. В нём рано ложатся спать и никуда не торопятся, а люди приветливые и добродушные, с переездом им много хлопот было и всего, но нигде и никто нас не облаял, не трепал нервов, тогда как в Перми на одном только товарном дворе мы получили полную дозу хамства, зла и неприятия.

Организация писательская тут маленькая (я оказался 13-й член), но тоже дружная и деловая, выпивают ребята, конечно, но не в Союзе, и все работают. В организации очень

деловая и принципиальная обстановка. Недавно был на собрании по издательским вопросам и подумал: «Вот бы пермякам посидеть на этом собрании»...

Письма из Перми я получаю и в курсе всех дел. Получил и газету «Вечёрку» от Бориса Никандровича⁹⁶. Здесь телевидения (телецентра) нет, и смотрим мы московскую программу, одну, что тоже хорошо, меньше времени губится.

Ирина, дочь моя, уехала на праздники в Пермь, а после праздников поедет и Мария, а я уж где-то в августе побываю. Ездил недавно в Москву и Киев. Москва от нас близко, 8 часов на поезде.

Вот так и идут дела мои, всё дальше в лес, ведь мне 1 мая стукнет 45!

Поздравляю тебя с праздником весны. Желаю крепкого здоровья. Всем привет. Жму руку. Виктор

Июнь 1969 г.

(Жене)

Дорогая Маня!

В Красноярск я прилетел ночью с шестого на седьмое. Колька в больнице – язва. Утром я захватил его за пять минут до операции. Он маленько прибодрился, а когда я вышел из больницы, сразу же встретил... кого бы думала? Сидорини!⁹⁷ Ныне он главный режиссёр Ачинского театра. Поговорили, и от него я узнал, что умер Игнатий Дмитриевич Рождественский. Я, естественно, отправился к ним. Евгения Моисеевна лежит пластом, съехались ребята с зятьями и прочей роднёй. От Евгении Моисеевны я узнал, что не своей смертью умер Игнатий Дмитриевич, а повесился. Это ужасно. У Рождественских я пробыл весь день. Тяжело и горько было слышать подробности, хотя, в отличие, допустим, от Макаровой, Евгения Моисеевна держится стойко и, как подобает любящей женщине, достойно. А ребята, особенно девчонки, сразу вроде подобрались, строже и лучше сделались. Об отце вспоминают только хорошее, сразу научились быть внимательными ко всем, особенно к матери, и делать по дому стали всё, вплоть до приёма гостей и друзей покойного, которые идут и идут уже пятые сутки (он покончил с собой второго, а в пятницу его схоронили). Я не попал на похороны, потому что на сутки задержался в Новосибирске.

Сегодня пойдём на кладбище – Игнатий Дмитриевич похоронен в Николаеве. Здесь жара невыносимая, поэтому поедем утром пораньше. Я забегу в больницу, к Николаю, узнаю, как прошла операция, и пойду к Рождественским. За вчерашний день я страшно устал и думаю теперь о том лишь, чтобы поскорее приехал отец и можно было бы плыть по реке и маленько отдохнуть. Это тем более необходимо сделать скорей, потому что здесь, в Красноярске, 15-го начинается писательское сборище, посвящённое юбилею.

...Только 23-го я добрался до Ярцево. Телеграф здесь не работает, вот я и пишу письмо, авось скорее дойдёт. Ехал я, в общем-то, хорошо, и всё было ничего.

Колю я застал уже в худом положении: исхудал, страдает, ещё пытается ходить, но это уж двигает им трудовая сила, любой интеллигентик давно бы уж и головы не поднимал. Всё говорит: «Скорее бы умереть», – а ведь это только начало главных болей и страданий. Двадцатый день живёт на наркотиках, спит плохо, есть не может. А тут Вовка-«помощник» пьёт и лютует. Ночь сегодня не дал спать никому, а сам вот напился и свалился. И унять нельзя – папа родимый, руки и ноги вверх, орёт, психует.

⁹⁶ Назаровского. – Сост.

⁹⁷ Сидорин, бывший главреж Пермского театра. – Сост.

Была тут мачеха и тоже орала и головой трясла, слава богу, уехала в Игарку, поэтому я пока туда не поеду – уж с нею-то встречаться не хочу. Вот если она сюда нагрянет, как сулились, я сразу же сяду на пароход и уплыву куда глаза глядят. Прожил я здесь сутки, однако долго мне здесь не выдержать. Одна отрада – ребяташки. Брошенные на произвол судьбы, они как прилипли ко мне, так и не отлипают. Слушаются пока, как солдатики. Рыбаки оба заядлые – вот и займёмся этим делом.

Я ещё напишу, что и как. Пока остаюсь жив-здоров. Желудок пока нормально, мотор дюжит.

Приехал ли папа? Что слышно от Ирины?

...Сегодня уже 25 июня, а о чём писать, я и не знаю. Коле всё хуже и хуже. Страдает парень невыносимо, ищет место и не может найти. Навалится на что-нибудь грудью, постоит на коленях и говорит: «Где же это моя смерть заблудилась, блядь?! Ой!...»

Ну, а дома что говорить? Говорить не хочется. Звонил в Красноярск насчёт того, чтобы достать мумиё (каменное масло) – единственное, что ещё может если не спасти, то хоть как-то облегчить страдания парня. Пока нет никаких вестей. В Кызыле, у тувинцев, говорят, достать можно. Да я хоть к африканцам готов лететь – так невыносимо смотреть на страдания Коли.

Погода перемогается. Хожу с ребятами на Енисей рыбачить. Ключёт неважно, а за хариусами на речку не сунешься – много клещей. На берегах Енисея до сих пор ещё грядями лежит лёд, и в лесу, в глуби тайги, много снега, который начал бурно таять – так затянулась здесь весна.

Телеграмма от Вити Ермакова пришла. Сообщает, что ты уже в деревне, что звонили из Перми.

Вот и всё. Ничего я не делаю, даже не читаю. Всё спасение – Енисей. Спать приспособился на чердаке, а то первые дни спать совсем не мог. Володя пока с нами, но скоро уже пойдёт на работу. Без него тут будет совсем плохо. Он сейчас не пьёт и очень хорошим сделался, таким, какой он и есть на самом деле. Где Ирина? Что от неё слышно? Как дела у Андрея?

Пиши на Красноярск. Приехал ли папа?

...26-го днём Николай повесился у себя дома. Обнаружили 27-го, за час до моего приезда к ним. Он хотел убить бабушку и бил её до того, что она потеряла сознание, а он думал – умерла, и сам повесился на шпингалете окна.

Похороны в понедельник. И в понедельник же, может быть, возьмут бабушку в дом престарелых. Сегодня пятница, и я весь день в бегах и хлопотах – это как-то и помогло. Сейчас зашёл к Зине Шахматовой, поел у неё и отсюда – к Юре. Он один, Галя в отпуске, и мне будет у него удобно, хотя это и далеко от центра.

Я держусь, не беспокойся. Как только определю бабушку, уеду куда-нибудь в лес или на реку. Когда успокоюсь, напишу. А пока не могу, и в голове очень глухо, ровно ватой она набита... Не волнуйся очень-то – не впервой. Всё мне кажется: на семье Мазовских лежит какой-то зловещий рок...

...Вчера мы схоронили Николая. Я доволен лишь одним, что сообразил не взять тебя с собой. Всё так ужасно! Столько страданий и унижения. Были тётки, были Витя и Юра наш. После похорон они забрали меня, чтоб накормить, после еды я так разомлел и заглох, что на гору подняться уже не смог, а там шли поминки, у Валентины, притворной бабы, а бабушка осталась одна, так и лежит одна в пустой избе, замкнутая на замок. Ужасней ничего не представить.

Сейчас я тороплюсь туда, но дождь загнал меня на главпочту, где ждало меня твоё первое письмо. Не беспокойся за меня особо, я держусь! А врачи не везут бабушку в дом призрения, видимо, ждут, что она вот-вот умрёт, так чтоб меньше возни.

Сейчас пойду хлопотать, ведь до этого все хлопоты были о Николае. Он успокоился, а бабушка мается... Мутно и страшно. Слова бессильны всё выразить. Ну, никто как бог. Деньги мои тают как снег. Вышли мне на главпочту рублей 200 – останусь без денег, вовсе хана будет.

В Овсянке меня ждут, там надеюсь отдохнуть.

Целую. Виктор

11 сентября 1969 г.

(В. Потанину)

Дорогой Витя!

Я рад и счастлив, что могу написать тебе одобрительное письмо, ибо мне было бы тяжело, если б твоя повесть не понравилась и пришлось бы писать горькую правду, стараясь при этом не убить тебя, потому как я знаю, что ты – человек ранимый и довольно одинокий в своей рабочей грусти и сердечной печали.

Хороша повесть! Чистая и горькая, как и вся жизнь наших несчастных и добрых людей, особенно женщин. Всю ты свою тихую душу, всю сосредоточенно-умную печаль вложил в эту вещь. Спасибо тебе, особенно за язык – так он меня порадовал своей земной первозданностью, своей обыденной красотой и благозвучностью. Словом, приехавши с Тульщины, я тут же дал восторженную рецензию на твою повесть и оставил её в отделе прозы «Нашего современника» с настоянием, чтобы печатали её в первом номере 70-го года.

Не всегда, далеко не всегда мои восторги и моё негодование разделяют в журнале, чаще даже и наоборот. Но я всё же верю в благополучный исход с твоей повестью, и она будет, должна быть на страницах нашего журнала. Особенно я рад тому, что повесть твоя более зрелая по исполнению и мысли, чем предыдущие вещи. Растёшь ты сильно в прозе! Изобразительность твоя, звук твоей прозы меня растрогали и покорили до глубины души.

Обнимаю тебя, дорогой, и желаю всегда быть тем, что ты есть – светлая и чистая душа твоя исторгнет ещё не одну прекрасную страницу в нашей литературе. Верю в тебя, надеюсь на тебя, и это укрепляет во мне веру в наше литературное будущее, которое хотят и никак не могут остановить ни иноземцы, ни доморощенные литературные хунвейбины.

Исправленную немного и сокращённую повесть посылай прямо в «Современник». Я в скором времени уеду на Урал и всю осень буду работать там над книгою о войне.

После посещения могилы Толстого много дум и усталости во мне. Но об этом не напишешь. Об этом когда-нибудь поговорим. Твой В. Астафьев

20 октября 1969 г.

(Е. И. Носову)

Дорогой Женя!

Это пишу я тебе из деревни Быковки, где у меня сохранилась избушка и куда я, как обычно, забрался осенью. Будем жить здесь месяц, а потом с Марьей возвратимся в Вологду, о которой я уже и скучать маленько начал.

Лето на Урале нынче было дождливое и холодное, ничего не уродилось, кроме рябины в лесу, и сейчас уже трудящиеся, давя друг дружку, дорого покупают картошку и капусту, а что будет зимой, один только пророк Мао знает.

Рано выпал снег. Думали, быстро сойдёт, а он лежит и лежит. Охота плохая, харюз из реки скатился, и рыбалки тоже нет, так что ничего другого мне не остаётся делать, как браться за писанину. Я тут много работал, писал «затеси» свои, да написал зубдробительную статью в защиту русской песни, но печатать её, наверное, никто не захочет, потому что основной упор в ней сделан на то, что безнравственное общество и может рождать только безнравственное и чужое народу искусство, подавая вместо житного хлеба концентраты из суперинтеллектуального железа.

Перед отъездом на Урал прочёл твоё письмо, присланное всем нам, и не писал сразу, потому что хотел сделать это пообстоятельнее, из деревни. Саша Романов тоже сумел написать тебе, а Вася⁹⁸ укатил в Болгарию.

Многое в твоём письме мне понятно и близко. Я ведь тоже жил в литературном шалмане одиноко и обложен был, как медведь в берлоге, сплетниками да завистниками. В Вологде я себя чувствую так, как будто из курной бани выбрался на студёный снежный воздух. Хороший в Вологде народ. И не только писательский. Я дважды был в Никольском районе – какие бедные и добрые люди живут в глубине этой исконной русской земли, чистые, душевные, и как с ними легко и просто! Хоть остаток жизни доживу среди людей, мне близких и понятных. Хотел бы я предложить тебе сделать то же, но есть большое «но»: тебе-то придётся уезжать с родины, с Курщины. Как ты осилишь разлуку с ней? Я давно уж болтаюсь по свету, уже оторвался вроде бы от Сибири, а всё же завидую вологодским ребятам, что они живут дома и чувствуют себя домашними. Но и это преодолимо. В Курск ты смог бы ездить, когда захочется. Ещё одно «но» – квартира, тебе придётся её снять. А как домашние? Конечно, хорошо бы тебе переехать к нам. Всё же живём мы семейно, друг друга питаем. Много говорим о том, что кто напишет, а то я уж отвык от этого. Вологжане вообще большие работяги, пишут много и серьёзно, невольно и сам тянешься за ними. Творческая разболтанность, пустая болтовня тут не в моде, и это, пожалуй, самое главное.

В общем, Женя, все мы тебя любим, и надо нам как-то быть вместе, иначе заклюют. Вологдой, в связи с моим переездом, многие стали интересоваться, кто подозрительно, кто насмешливо, кто завистливо, кто опасливо. Идёт борьба за наши души, нам не всегда видная и понятная. Та группа писателей, а число ей с десяток-другой, что сколотилась во глубине России и является сейчас по существу надеждой и совестью этой самой России, как бельмо в глазу у литературных делег. Её стараются прибрать к рукам то подачками, то моралью, то запугиванием, то лаской те, кто будто бы за русский народ и кто берётся говорить от его имени и хотел бы диктовать свою волю в литературе. Их раздражает и бесит, что истинные-то писатели не с ними, а сами по себе, сохраняют самостоятельность, насколько она возможна в наши дни.

Недавно вызывали в «Огонёк» нашего Сашу Романова, Софронов даёт его поэму, обещает книжку.

Я очень рад, что Игорёк⁹⁹ наконец-то появился с рассказом, пора ему по-настоящему вкапываться в дело и печататься шире и больше. Поздравь его, пожалуйста, облобызай за меня. Отрадно и то, что ребята «во глубинке» пишут всё лучше и лучше. Вот как умно и тонко написал Витя Лихоносов! Хорошо и чисто пишет Витя Потанин, и как глубоко начал писать Володя Сапожников, у которого летом я был и перечитал всё, что он написал.

Ну, дай бог тебе закончить книжку, здоровья хоть немного и покоя возможного. Был я на Тульщине, посетил места боёв, где началось моё боевое крещение, и Ясную Поляну, где прежде бывал и откуда унёс много дум и всего на сердце. Андрей мой всё служит. Ирина учится в пединституте.

⁹⁸ Белов. – Сост.

⁹⁹ Игорь Лободин – прозаик, ученик и друг Е. Носова. – Сост.

Вышла у меня «Кража» в ГДР, сулятся туда послать на какую-то неделю.
Ну, обнимаю и целую тебя. Будь работоспособен. Твоим домашним – поклоны. Твой
Виктор

*5 ноября 1969 г.
(И. Степанову)*

Дорогой Ванюша!

Приехал я домой только что – осень просидел в деревне, работал. Получил твоё письмо, удостоверение, газету. Спасибо тебе за всё, туруханец. Ты так внимателен ко мне, а я вот летом не решился лететь к тебе, дабы не выбить тебя из колеи.

Прилетел я в Красноярск 6 июля (пробыл 5 дней в Новосибирске), а 2-го повесился наш Игнатий Дмитриевич. Так меня потрясла его смерть! Жара неопишуемая, болезнь и операция ближнего родича – Кольки, самоубийство товарища в родном селе, на похороны которого я попал прямо из машины. . . Напал на меня какой-то столбняк, и потом прямо-таки с рассудком начало неладное происходить – никого и ничего мне не хотелось видеть, сидел недолго в Красноярске в пустой квартире сродной сестры без еды и воды, видения какие-то стали мне являться.

Однажды я поднялся с кровати, уехал в аэропорт, улечу, думаю, к Ивану, может, развеюсь как-то, но в аэропорту было столько народа, что и невозможно понять было, кто, куда и зачем летит. Кроме того, был у меня билет в Игарку, на пароход, но тут я его сдал, каким-то образом приобрёл билет до Москвы (не полетел кто-то) и улетел домой совершенно больной и разбитый.

Отлежавшись, ездил по Вологодчине, затем в Туле был, в Ясной Поляне, а осень на Урале. Немного отошёл и работать начал. Писал мелкие вещи, но на подходе работа над книгой о войне, работа лет на 5—10, так что ближайшие годы заняты будут делом, а это лучшее лекарство от душевных недугов.

Вышли у меня повести в Москве, но книг я не имею – пока сидел в деревне, их продали. Может, авторские пришлют. Вышла «Кража» в Чехословакии, ГДР и в Болгарии.

Сын – служит, дочь – учится, Марья по дому вертится, жизнь идёт вперёд.

Весной был у меня в гостях фронтовой друг – он фотограф по нынешней профессии, сделал много снимков, шлю тебе на память три штуки. Живу я здесь спокойно. Русь кругом исконная и добрая. Будет отпуск – приезжай. От Москвы до Вологды 7 часов на поезде и 52 минуты на самолёте.

Скоро пойдёт на экранах американский фильм «Лучшие годы нашей жизни» (я его видел ещё на литературных курсах), обязательно посмотри. А пока поздравляю тебя и твоих товарищей с праздником. Всем доброго здоровья и успехов в работе. Супруге твоей и детям поклоны. Обнимаю тебя, твой Виктор

1970

28 января 1970 г.

Вологда

(Л. И. Кузьмину)

Дорогой Лёва!

От души поздравляю тебя с радостным событием!¹⁰⁰ Быть членом надо лишь для устойчивости духа, а больше ни на черта этот билет не нужен. А вот падать духом ни от чего не след. Много в литературе причин для отчаяния, и тут уж готовься к нелёгкой жизни. Много глупых людей потому что. Вот я в «Комсомолке» потолковал маленько, так зашевелился весь пермский областной писатель. Его, бедного, задели! Так он уютно сидел в чулане,пил на последние рублишки, укрывался ряднишкой, сотканной из собственной к себе жалости, умильности, обиженности, и тут с него и снимают такую удобную одежду, и беспокоят его. Вот он и забрюзжал, задёргался, болезный, ибо работать давно отвык, а только и тешится званием писательским и собственной значимостью, кем-то погубленной. Не опускайся никогда ни в работе, ни нравственно до этого, тихого с виду и сжигаемого ненавистью и завистью внутри областника! Им легче быть, удобней. Рабом вообще легче быть, хоть в жизни, хоть в литературе.

А я, брат, переехал на новую квартиру. Четырёхкомнатную дали. Простор такой и удобства. У меня теперь совершенно отдельный кабинет, и так он мне нравится, что не выходил бы никуда. Возни было много, ещё не совсем и устроились, книги ещё на полу лежат, но я начал работать. Готовлю «Пастушку» для «Нового мира» и сборник коротких новелл для «Советского писателя». «Пастушку» переписал восьмой раз и пока доволен ею. Не знаю, как изрубят её в журнале, а пока отнеслись к повести хорошо, дали договор, аванс и обещают напечатать после юбилеев.

Марья моя тоже отлежала в больнице с сердцем, но сейчас уже в ходу, печатает, носится по квартире, как иноходец, хотя и неможется всё ещё ей. Я обнимаю тебя и ещё раз поздравляю. Твой Виктор Петрович

Март 1970 г.

(Н. Волокитину)

Дорогой Николай!

Пока я хворал, много чего перечитал и прочитал вновь. У больного есть такие преимущества – никто ему не мешает читать и думать. Из-за хвори не поехал и на съезд, всё ещё болит голова и слабость большая.

Повесть Вы написали славную, непринуждённую, и всё, что я мог сказать доброго, сказал, а копию рецензии отправляю Вам. Самоё рецензию отошлю в «Литературку», и если там почему-либо не напечатают её, передам в журнал «Наш современник». Словом, рецензия где-то всё равно будет напечатана.

Само собой разумеется, в рецензии я старался поддержать Вас, обратить на Вас внимание критики и просвещённого читателя, а потому и вылавливал самое лучшее, что есть у Вас и что следует Вам хранить и развивать в себе.

В письме же я позволю себе немножко поворчать, ибо знаю, что в селе Казачинском, хотя оно и прекрасное село, никто Вам профессионально ничего сказать не сможет. Знаю,

¹⁰⁰ речь идёт о приёме Л. И. Кузьмина в члены СП СССР. – Сост.

потому что сам прожил 18 лет в глухой периферийной местности и варился, как говорится, в собственном соку.

О повести. Вы ещё пока плохо владеете композицией произведения. Конструкция повести случайна во многом и, несмотря на то, что она, повесть, невелика по размеру, кажется рыхловатой. Много людей в повести, зачастую совсем необязательных. Одну простую вещь усвойте – чем в доме меньше народу, тем ему, этому народу, удобней и вольготней жить, тем больше у вас возможностей рассмотреть каждого, остановиться на каждом и написать его подробней. Пока же цельным и полнокровным получился лишь образ тёти Оли. На ней стоит и держится повесть. Остальные – тени и отмечены лишь внешними чёрточками, а характеров персонажей нет или они слабо и опять же внешне намечены.

Но это издержки производства. Будете дальше писать, сами многое поймёте и усвоите. Талант Ваш несомненен. Только он, талант, нуждается в постоянном развитии и подживлении. Напряжённо надо будет Вам работать и писать много, особенно публицистики, чтобы развивать мысль свою и углублять чувство и восприятие окружающей Вас жизни.

Книга Ваша первая несёт в себе почти все недостатки первых книжек нашего брата. Главнейший её недостаток – она поверхностна. Вы в ней ещё скользите по верхам и снимаете глазом пенки с жизни. Слов нет, пенки вещь вкусная – это все мы с детства знаем, но пенками одними не проживёшь и не пропитаешься, литература – это чёрный хлеб и зачастую трудно добываемый.

Люди в Ваших рассказах почти все резонёры и бодрячки. Мало того, что они сплошь и рядом совершают благородные поступки, они ещё и говорят о них бодренько, а автор ещё и похвалит их, да и пояснит читателю, что шибко хороший это человек. Видно, нет уверенности, что читатель сам может разобраться в этом.

Постарайтесь мысленно избавляться от газеты всякий раз, как садитесь писать «для себя».

Я требую от Вас многого? Но что делать! Вы выплываете на литературный фарватер, и тут уж надо беречься, чтоб не понесло Вас по течению или вовсе из лодки своей не опрокинуло.

По письму судя, Вы человек искренний и серьёзный. Таким и будьте. Но строже, строже в работе. Кому много дано, с того много и спрашивается. Поэтому я комплименты Вам не говорю, толку от них мало, а предостерегаю от тех ошибок, которые сам совершал в одинокой литературной молодости и которые, будучи запущенными, как болезнь, с болью же большой и искореняются потом.

Теперь вот что. Я чуть помню село Казачинское, если это то, которое ниже или выше Казачинских порогов. Место прекрасное. Весна у меня занята, летом сын из армии вернётся, и лишь осенью, либо зимой или в 71-м году весной мог бы я приехать.

Напишите мне и не сердитесь на мою воркотню. Я хочу Вам только добра и всегда буду рад поддержать Вас где угодно и в меру сил помочь Вам. Желаю Вам настоящих, больших успехов в работе. Виктор Астафьев

12 мая 1970 г.

Вологда

(А. Щербакову)

Дорогой земляк – Саша Щербаков!

Я как раз лежал в больнице, когда пришла Ваша книжка. Я не успеваю читать все книжки, подаренные мне, но наши, сибирские – исключение, я их читаю обязательно, ибо всегда надеюсь услышать родную речь, увидеть что-то родное, поговорить с кем-то близким хотя бы мысленно.

Ваша книжка мне очень поглянулась, особенно её первая часть, где она меньше поражена газетчиной, этой всё живое съедающей ржавчиной. Много в очерках сыновнего чувства, много грустной и доброй улыбки, много тепла, согревающего человеческую душу вдали от родного дома. А главное то, что автор её сохранил чувство благодарности родной земле и людям её, а с благодарности и начинается человек, и благородство души его и помыслов отсюда же. Неблагодарные – всегда эгоисты.

Жаль, что у книги худое, тусклое название – она будет лежать на прилавках и полках с этим названием. И ещё, мне кажется, работу над книжкой нужно продолжить – на основании её и частично используя этот материал и фамилии людей, которые здесь названы (характеры их лишь намечены чуть), написать небольшую повесть о таскинцах, да так, чтобы наперёд выступило не только их дело и любовь к нему, а сами люди. Перенаселять повесть не нужно, сделайте отдельные главы-рассказы, связанные местом действия и общей жизнью.

Очень советую над этим подумать, если надумаете что и сделаете, присылайте рукопись – я с радостью её посмотрю и, если она будет того стоить, определю в журнал или ещё куда.

А пока желаю Вам всего доброго и лучшего. Рад был познакомиться с Вашим голосом – он очень доверителен и чист в Вашей милой книжке. Наверное, и сами Вы такой же. Раз в 56-м году поступали в институт в «смазных сапогах», значит, знаете, что такое труд, хлеб и честь.

Жму Вашу руку. Ваш В. Астафьев

Никогда и никому не пишите: «Не льщу себя надеждой...» Мы, люди русские, и без того унижены и оплёваны всеми, чтобы ещё унижать и самих себя.

12 мая 1970 г.

(Адресаты не установлены)

Дорогие Виктор и Галя!

Получил я ваше письмо и погоревал сильно. Я слышал, что Виктор заболел, но не предполагал всё же, что так страшно его потрянула болезнь.

Этот проклятый фронт так и перебирает нашего брага, перетряхивает наши кости. Видно, война для нас никогда не кончится, так и будем мы её носить в себе да мучиться болями и воспоминаниями.

Очень я рад, что Виктор начинает уже выкарабкиваться помаленьку и что ты, Галя, рядом с ним. Как это важно и неопределимо! Хочется сказать тебе спасибо от всего нашего мужицкого роду, и вообще мне часто хочется поклониться российским бабам за то, что они есть на земле и возле нас. Мы без них ни хрена не стоим. И только кажемся себе повелителями да головами, а на самом-то деле путаники и слабаки.

Но об этом уж так много написали признательные мужчины, в том числе и я, что повторяться не след.

В скором времени мне предстоит быть в Ленинграде. Там живут многие мои однополчане. И вот надвинулся юбилей командира дивизиона и юбилей нашей бригады. Соберутся фронтовики, будут разговоры разговаривать, и нужно их послушать, потому что я начал писать большую книгу о солдатской житухе на войне, в окопах. А последние годы я бился над небольшой повестью «Пастух и пастушка», да и сейчас бьюсь ещё. Повесть пасторального типа, о войне и о любви. Сложная оказалась вещь в работе, а ещё сложнее для публикации. Но вроде бы «Новый мир» собирается летом её напечатать. Дали договор и аванс, но требуют значительных сокращений, а повесть сокращать трудно, потому что за три года

я её так уплотнил на шести-то листах, что теперь где-то только чего вынешь – остальное рушится¹⁰¹. Ещё пишу короткие новеллы и готовлю из них книжку.

Живу я в Вологде хорошо, спокойно. Город здесь тихий, ребята-писатели хорошие. Дали мне здесь четырёхкомнатную квартиру, и работать хорошо. Дочь у меня учится в здешнем пединституте, сын служит в армии, а старуха моя мне помогает и суп да кашу варит. Так вот и живём.

Поправляйся, Витя! Нельзя нам, фронтовикам, сдаваться. Рано. Надо ещё пожить за себя и за тех, кто не вернулся с войны, да и сделать много ещё надо.

Обнимаю тебя крепко, по-солдатски, дорогой. Привет от моей Марьи.

В. Астафьев

1970 г.

(Адресаты не установлены)

Дорогие мои землячки Золотухина и Долгополова!

Очень жаль, что не знаю ваших имён-отчеств и вынужден так вот, официально, начинать письмо.

Спасибо вам, дорогие люди, за тёплые слова, поздравления, за значок и все ваши добрые послания ко мне. Я всегда бываю рад всякому привету и вниманию с Родины, и дорога мне память и доброжелательность моих односельчан. Так уж водится среди русских людей: на большой своей Родине они выделяют и любят больше всего свою маленькую Родину и, как тому кулику из русской пословицы, – «своё болото всего дороже!».

И вот я, если больше года не бываю в Сибири, не повидаюсь с Енисеем и Овсянкой, начинаю видеть их во сне, а сон и воспоминания всегда «редактируют» действительность, отбирают всё самое лучшее и красивое, и потому сны о родной земле – самые прекрасные и сладкие сны, а воспоминания грустные и в то же время солнечные. Вот из этих воспоминаний, из этой тоски по Родине, о детстве (а наше, в частности моё, детство было богато впечатлениями, событиями, потому и вспоминать детство радостно) и родилась книга о детстве, писать которую было тоже сладостно. Оттого так и работалось мне ненатужно, весело и в удовольствие над «Последним поклоном». Ни одна книга не принесла мне столько внутреннего удовлетворения этим воистину каторжным трудом.

Я в жизни переработал множество всяких работ, но даже кувалда, которой я в своё время орудовал в литейном цехе, не брала столько здоровья и не выматывала так, как «лёгонькое» писательское перо. И конечно же, ни одна работа и не приносила мне столько счастья и восторга, как это литературное дело. И счастье не тогда, когда выходит книга (хотя это – всякий раз праздник), со временем привыкаешь к этому празднику, начинаешь относиться к своей работе так же, как и ко всякой другой. Плотник, построивший дом, или кузнец, хорошо подковавший коня, думаю, испытывает то же самое, что и я, получив книгу из издательства. Но счастье бывает самое большее тогда, когда вдруг из ничего, из обыкновенного пузырька с чернилами извлечёшь что-то похожее на жизнь, воссоздашь из слов дорогую себе, а иногда и другим людям картинку или характер и замрёшь, как художник перед полотном, поражённый этим волшебством – ведь из ничего получилось! – сам себе удивишься: «Господи! Да неужели это я сделал?!»

Вот это и есть счастье творчества, редкое счастье, но ради него и работаешь, напрягаешь память, перенапрягаешь сердце, и всё же, как оно получается, никому и никак не сумеешь объяснить и передать. Научить писать нельзя – подучить можно.

¹⁰¹ повесть впервые будет опубликована в журнале «Наши современники». 1971. № 8. – Сост.

Сейчас я начинаю писать роман об инвалиде войны, и хватит мне его надолго. Говорить о романе ещё очень рано. Всё ещё в заметках. Не бросаю работать и над маленькими рассказами, которые именую сибирским словом – «затеси». Они публиковались в первом и втором номерах журнала «Наш современник» за прошлый год. Иногда бывают в журнале «Сельская молодёжь». Книга «Затеси» включена в план издания 1972 г.

Три последних года я работал над повестью о любви и войне – «Пастух и пастушка». Работа закончена. Повесть включена в мой однотомник, который должен выйти в этом году в издательстве «Молодая гвардия». Кроме этой повести туда войдут: «Стародуб», «Кража», «Последний поклон».

Есть и другие дела и задумки, но о них говорить преждевременно. Времени для работы остаётся очень мало. С годами обрастаешь знакомствами и всевозможными обязательствами, которые сильно отвлекают. Порою месяцами не удаётся по-настоящему сесть за стол. Всё мечтаю забраться к тётушке в Овсянку, засесть в закутке месяца на два и поработать в стороне от почты, звонков и всяческих мелких забот-хлопот.

Что же касается вашего вопроса насчёт деревенской темы, то на вопрос этот отвечать не так просто. Думаю, масса книг о дореволюционной деревне и деревне тридцатых годов была вызвана прежде всего тем, что авторы их были свежеходцами из деревни и корни их ещё не отсохли и, главное, не отболели и не оторвались от родной земли. Да и события, происходившие тогда в деревне, были остры, значительны и волнующи по содержанию. Шла ломка старой деревни, тысячелетнего крестьянского уклада – это не могло не вызвать пристального внимания со стороны литераторов, не могло всё это не потрясти писателя своей жгучей драмой.

Современная деревня, особенно послевоенная, сделалась монотонной в жизни своей, невесёлой, неяркой (я говорю о старой, обезлюдевшей деревне). А новая деревня, напоминающая не то рабочий посёлок, не то городок, очень смахивающий на приснопамятные «соц-городки», не может тронуть сердце и глаз художника своей одноликостью как в домах, так и в отношении к труду. Эта деревня должна родить своих писателей, которые увидят в ней свою поэзию, свой смысл, свою красоту и философию. Мне же и моим друзьям-деревенщикам ближе, роднее и понятней та разнопёстрая, тихая и очень разная деревня, которую мы знали и запомнили с детства.

Вопрос этот и разговор очень болезненный, и в письме всё не скажешь. Этот вопрос задаётся писателям с трибун съездов, и в письмах, и в критических статьях. Нужно время. Нужно расстояние, чтобы приглядеться к новым явлениям в деревне и осмыслить их. Те, кто пытается наскочить на эту тему не подумав, рожают «слепых котят», которые, в отличие от котят живых, так и не прозревают, а на корню засыхают и опрокидываются кверху лапками.

Могу расширить список писателей и к тем, которых вы перечислили, добавить Фёдора Абрамова («Две зимы и три лета»), повесть Василия Белова «Привычное дело», повести и рассказы Евгения Носова, Троепольского, В. Распутина (в седьмом и восьмом номерах «Нашего современника» напечатана замечательная повесть этого автора «Последний срок»). Можно порекомендовать читателям книги Юрия Бондарева, Константина Воробьёва, Александра Борщаговского, Бориса Можаяева, Виктора Лихоносова. Эти все писатели, пишущие о деревне, в том числе и современной, и пишущие, на мой взгляд, довольно прилично, есть среди них и пишущие о сибирской деревне.

Вот пока и всё, что я могу вам написать. Ребята из Овсянской школы прислали мне гербарий цветов, и я часто его рассматриваю и гостям показываю – хвастаюсь, какие дивные цветы цветут у нас! Может быть, в начале июня, в пору цветения, мне удастся приехать в Сибирь и побывать в Овсянке вместе с моим другом, хорошим писателем Евгением Носовым. Но сейчас зима, за окном светит морозное солнце, и лето кажется таким далёким, и мечта о нём – такой несбыточной, что и загадывать что-либо страшно...

Пожелаю всем вам всего самого лучшего! Ещё раз спасибо за внимание и добрые слова в письмах. Низко кланяюсь родному селу и сердечно приветствую читателей нашей библиотеки. Ваш Виктор Астафьев

23 октября 1970 г.
(И. Степанову)

Дорогой Ванюша!

Получил твоё длинное грустно-элегическое письмо. Сейчас я от друзей получаю письма в основном такие же, все жалуются на одиночество, покинутость и пр. Сказывается возраст, неудовлетворённость жизнью, дни из которой отнимает у нас суета, но и мы ими сорили, не задумываясь о днях грядущих. И ничего с этим не сделаешь – так было, есть и будет. Я, что ли, разумней распорядился собой? Кто его знает. Повезло, может быть, но к этому везению выстраивается целая цепь жизненных обстоятельств, в том числе гибель матери. Все свои нынешние «блага», всю не совсем заслуженную славу свою (на безрыбье и я рыба!), всё, что есть у меня, я не задумываясь отдал бы за обыкновенную деревенскую жизнь с матерью под одной крышей. Нет для меня ничего выше и дороже на свете, чем мать. Но так уж заведено у людей – надо потерять, чтобы оценить. Но я потерял мать на седьмом году и не помню её, даже облика не помню, и если я через сорок лет говорю это, значит, нет тут ни литературного лукавства, ни личной корысти.

Я тоже бросил курить и тоже стал пузат и толст. Курить заставил меня бросить сердечный приступ, который случился после празднования дня рождения – первого мая праздник, второго в больницу. Там и бросил. Что делать? Не помирать же из-за курева. Есть более веские причины.

Лето всё проездил. Сначала был в ГДР – очень полезная поездка для будущей книги, потом месяц был на Урале – делал инсценировку по любимому тобой рассказу «Руки жены» для Пермского драмтеатра; пьеса уже репетируется, зимой обещают премьеру, называется пьеса «Черёмуха».

Затем ездил в Салехард, где с женой и одним другом-художником на рыбнадзорском катере совершил «кругосветку» по малой и большой Оби. Удивительная получилась поездка! Край этот не тронут ещё. Поел осетрины, максуна, чиря и пр. Настрелялся, насмотрелся, шишек кедровых побил, брусники поел и ровно бы очистился душой, и такая меня охватила жажда к работе, что, вернувшись, я тут же сел и начал давно задуманный роман об инвалиде войны, начал уж «входить», начал уж размахиваться – бац, телеграмма! Вызвали в «Роман-газету» готовить «Последний поклон». Пока его готовил, тут секретариат в Архангельске подкатил, я прямо из Москвы и туда. На пути в Вологде подхватил Марью свою, и она хоть пить шибко-то мне не давала, тормозила всякие мои загульные действия. Кроме того, в Архангельске у неё вышла книга из двух повестей («Отец» и новая), так она и дело сделала.

Вот теперь я лишь оказался дома... Но через два дня, 25 октября, исполняется четверть века, как мы заключили брачный союз с Марьей Семёновной, свадьбы у нас тогда, в сорок пятом, не было, так решили погулять нынче, и опять долой неделя. А там ещё что-нибудь, ну вон в Пермь на 14 ноября зовёт слёзно друг фронтовой – ему 50 исполняется. «Не приедешь если», пишет, «обижусь», «зазнался, значит», пишет. Ко всем моим погодкам и друзьям подступают юбилейные годы – запьёмся, наверно! Мне и самому скоро 50! Это я к тому, Ваня, что если весной не приеду – не суди, но хоть позднее, а всё равно на Родине буду и к тебе загляну.

Дело в том, что ТЮЗ Красноярский намеревается сделать постановку по «Краже», инсценировку пишет зять покойного И. Д. Рождественского, и как он её сделает и когда – не

знаю. Если он сделает и начнётся работа, мне придётся подъехать в Красноярск, я обещал помогать театру своими действиями. А если это не получится – летом двину в село родное на месячишко, ждёт меня дядя рыбачить – вот с ним и к тебе по морю прикатим (у дядьки моторка есть). Будем ехать, песни петь и рыбачить, а ты выйдешь на бережок и скажешь: «Что же вы, бляди такие, так долго едете? Уж самогонка вся прокисла!» «Мечты, мечты, где ваша сладость?!»

Но мечты бывают осуществимы, надеемся. Вот мечтал на Оби побывать и побыл! «Пастушка» моя не пристроилась ещё. Все ахают и охают, но не печатают. В однотомику я её вставил, если не снимут, выйдет в книжке хотя бы. Вот, Ваня – Ваня-паренёк, и всё вроде. Чего забыл – не обессудь.

Поздравляю тебя и супругу твою с праздником и белоснежной зимой. Катайтесь чаще на салазках, и брюха не будет! А у нас нет ещё снега – тепло и сыро.

Ваня! Не горюй! Думай о тех людях, которым ой как хуже тебя, и будет тебе легче. Мне такое сопоставление с другими всегда помогало. А «Тают снега» – это говённая книга. Я её мысленно вычеркнул из своего актива, и никому дарить мне её не хочется. Раз её спёр какой-то дурак, пусть ему хуже будет, как говорили о секретаре колхозной парторганизации, которому дали на премию собрание сочинений Карла Маркса: «Так ему и надо!»

А ещё я тут на севере услышал хорошую наинovejшую частушку: «Я у милки под рубахой облигацию нашёл. Расстегнул свою ширинку – тут же номер подошёл!» Хорошо, а? Вот он, народ-то, творец какой!

Обнимаю, твой Виктор

P. S. Недавно с твоей родины, из Туруханска, одна сибирячка-читательница прислала мне сельдюшки (севрюжки) и осетрины. Добрая какая-то и чудная рыбачка, которую так растрогал мой «Последний поклон». Кстати, он выходит в «Роман-газете», кажется, в январе.

*Ноябрь 1970 г.
(В СП СССР)*

Уважаемые руководители писательской организации! Старшие товарищи по труду!

Нерадостные думы, озабоченность нашими делами заставили меня, одного из работников нашей литературы, оторваться от повседневного труда и написать вам это письмо. Вызвано оно тем, что вы самовластно, не поставив в известность даже нас, членов правления российской писательской организации, не говоря уж просто о членах писательского коллектива, – исключили из членов Союза писателей писателя Александра Исаевича Солженицына, которому и без того выпала доля мученика в жизни и в литературе. А ведь даже в колхозах, перед тем как изгнать кого-либо из членов артели, собирают общее собрание!

Не один я ждал, что нам хотя бы через писательские газеты наконец будет объяснено, чем и почему вызвана крайняя акция в отношении к одному из наших братьев по труду, но и этого не произошло. Объяснение секретариата с надёрганными цитатами из письма А. Солженицына и превратно истолкованными удовлетворить может разве что и без того озлобленного, горя и боли жаждущего обывателя.

Нам, и так давно уже и прочно устранённым от решения жизненно важных писательских дел (нельзя же всерьёз относиться к тем реденьким приглашениям на очередные пленумы, где, по существу, не решается и не обсуждается ничего дельного), как бы стукнули ещё раз по носу и дали понять: мол, знай, щенок, свой куток. Этак ведь дело может снова обернуться тем, что наши дела и судьбы в конце концов решать будет уже не секретариат, а кто-нибудь один, ответственный, к литературе приставленный товарищ.

Случилось так, что после выхода своей первой книжки я, больной, ехал в санаторий и в Москве оказался в день смерти Фадеева. Никогда не видевший его живым, знавший только

по его произведениям, с детства преданно любивший, особенно «Разгром», был я ошеломлён этой смертью. Несколько раз прошёл я мимо гроба Фадеева в Колонном зале, я мучительно пытался понять: что же это случилось? Что произошло? Вот он, человек, который меня учил и миллионы таких, как я, быть мужественными, прямыми, не жалеть себя во имя друга, земли родной, отцов своих и матерей, – взял и застрелился!

Нет, не там, в Колонном зале, а гораздо позднее, я, ещё только вступающий в литературу, сделал для себя вывод, что Фадеев предупреждал нас, литературных юнцов, этим выстрелом, оберегал от тех роковых ошибок и заблуждений, которые совершил он, и не хотел, чтобы мы их повторяли. Может быть, это и не так. Толкуют этот мужественный (иначе я не могу его назвать) поступок и иначе, толкуют выгодно для себя и текущего времени. Но я склоняю голову перед человеком, который так много сделал литературным трудом своим для того, чтобы мы выросли бойцами и честными людьми и не задумывались: выгодно это или нет.

Я склоняю перед ним голову и за то, что эхо его выстрела звучит в моей душе до сих пор и не даёт покоя, предостерегает от лёгкой жизни, равнодушия и литературных компромиссов, на которые, к горькому моему сожалению, так склонны сделались те, кто учил нас в детстве своими книгами быть непреклонными в испытаниях, быть всегда, в беде и в радости, со своим народом.

Как-то всё больше и больше ощущается попытка наших старших товарищей отмахнуться от нас либо заморочить голову. Но ведь мы уже не юнцы! У нас за плечами война и нелёгкая послевоенная жизнь. У нас уже головы седые, и мы вправе не только ждать, но и требовать, чтобы с нами разговаривали как с ровней, а не как с бедными родственниками. И тем более вправе требовать, чтобы с нами считались, когда решаются вопросы, для литературы насущно важные, болезненно острые.

Волевые, келейные решения многих наших дел уже привели к тому, что надзор за словом писательским у нас стал такой, какой и не снился писателям в «проклятом прошлом». Он, этот надзор, сделался многоступенчатым, нашему брату даже и допуску нет к тем, кто решает судьбы новых книг. «Невидимки» точат древо нашей литературы, и прав Солженицын, указавший на то, что она утратила своё ведущее положение в мире. Как ни отмаливайся от этого, как ни ораторствуй, ни прикрывайся цифирью валовой продукции литературы, а ведь так. Работать в нашей литературе всё труднее и труднее из-за внешнего давления да из-за того «внутреннего цензора», который в каждом из нас домовито живёт и сердце в кулаке сжимает.

Можно от всего этого отмахнуться. Можно и себя убедить в том, что живём ведь, пишем, даже издаёмся, хоть и в «кастрированном» виде. Но нас воспитывали не себялюбцами-одиночками, не мещанами, у которых хата с краю, и потому не можем мы быть безразличными к судьбам и делам товарищей по труду, к тем, наконец, даровитым людям, что идут уже следом за нами, дышат горячо в наш затылок.

Мал, немыслимо мал для такой страны, как наша, приток одарённых людей в литературу. Вспомните только, каков был «улов» на обширных семинарах в Чите и в Кемерово: Распутин, Вампилов, Машкин, Колыхалов, Якубовский, ну и ещё два-три человека, фамилии которых не вдруг и вспомнишь. В молодых числимся мы, сорока- и сорокапятилетние, – это ли не показатель застоя мысли в обществе, это ли не тревожный сигнал того, что потенциальные творческие возможности сдерживаются у нас?!

А поглядите, полистайте внимательней книги моих сверстников по возрасту и труду. Какая бездонная усталость в прозе сорокалетних, какая печаль в интонации талантливой прозы! И кабы эта усталость была и оставалась в книгах! Она ещё и в душах наших. Закройте глаза и заставьте кого-нибудь вслух прочесть талантливую книгу сорокалетнего – вам послышится голос старца. Неужели вы этого не знаете и не слышите?!

Ныне в Москве повесился Юрий Добряков; летом в Красноярске повесился Игнатий Рождественский. Первого я почти не знал, второго знаю с детства – он был моим школьным учителем. Он учил меня русскому языку и литературе в игарской школе. Хорошо учил. Прекрасный был преподаватель и прекрасный человек, безмерно любивший русскую поэзию и землю родную, особенно Сибирь. Всегда он поражал меня юношеской восторженностью, незатемнённым оптимизмом в восприятии жизни, и вот... повесился в 58 лет. Анатолий Кузнецов за рубеж смылся, трусливенько, подло смылся, не по-русски, хлопнув дверью и пославши по матушке тех, кто ему не нравился, а втихаря, исподволь изготавившись к бегству. Теперь вот учинили расправу над талантливейшим писателем России.

Не довелось мне читать его новых романов – не люблю я читать и думать под одеялом – унизительно это для бывшего солдата и русского литератора, но и то, что я читал, напечатанное в журнале, особенно «Матрёнин двор», – убедило меня в том, что Солженицын – дарование большое, редкостное, а его взашей вытолкали из членов Союза и намёк дают, чтобы он вообще из «дома нашего» убирался. А мы сидим и трём в носу, делаем вид, будто и не понимаем вовсе, что это нас припугнуть хотят, ворчим по закоулкам, митингуем в домашнем кругу.

Стыд-то какой! Вчерашние бойцы, неустрашимые фронтовики и их сопутницы делают вид, будто ничего не произошло и не происходит. Будто и не ведают, что кровью нашей завоеванное в мире уважение распыляется, улетучивается, и те, кто был за нас, отвёртываются один за другим. Говард Фаст, Фрэнк Харди, Андре Стиль и покойный Джон Стейнбек, даже Луи Арагон...

Что же – опять изоляция? Опять пресловутый железный занавес? Опять это зловещее: «Я не прошу вас доносить друг на друга, но прошу проникнуться друг к другу здоровым недоверием»? А ведь если так и дальше дело пойдёт и все мы по углам отмалчиваться будем – до новой беды снова докатиться возможно.

Горько и тяжело писать вам, убелённым сединами, много пережившим и передумавшим, но ещё горше и тяжелее молчать.

Честный выстрел, пробивший сердце русского писателя Александра Фадеева, не даёт права молчать тем, кто пришёл сменить его на боевом и нелёгком посту.

С уважением, В. Астафьев, член правления Союза писателей РСФСР

В Союзе писателей отмолчались, сделали вид, что письмо не получали. Может, и не получали, были конторы, которые, заботясь о нашей нравственности, упрятывали и бумаги, и нравственность, и авторов вместе с тем в долгий ящик. А может, и Господь меня снова спасал от бед и писателей. Что касается секретариата нашего Союза, то невольно вспоминается анекдот: «Мама! Письмо, в котором ты просишь денег, я до сих пор не получил», – не хотели там расширения скандала и огласки, шуму лишнего не желали.¹⁰²

¹⁰² Авторское пояснение через много лет. – Сост.

1971

Октябрь 1971 г.

(Адресат не установлен)

Дорогая Каролина Алексеевна!

Я был в отъезде и оттого не ответил сразу на Ваше письмо. Очень рад, что моя новая повесть понравилась Вам¹⁰³. Много взяла она у меня сил и боли, прежде чем появилась на свет. Но в журнале печатался сокращённый вариант. Может быть, Вы подождёте выхода книги до середины будущего года? Или всё-таки прислать журнал?

«Затеси» тоже немножко подождите. В начале будущего года в издательстве «Советский писатель» выйдет моя книга «Затеси», и я пришлю её Вам, где Вы можете найти и те вещи, которые печатались до и после семидесятого года.

Очень рад, что М. Дудин так хорошо говорил Вам о моей повести, он – фронтовик, и его мнение мне особенно ценно. Друг Дудина, поэт Сергей Орлов, также был в Чехословакии осенью и говорил о моей повести. И мне тоже захотелось повидаться с Вами и поговорить. Но как это сделать, я не знаю. У меня ведь вышли уже две книги в Вашей стране, и любопытно было бы узнать – читаются ли они? Заметил ли их Ваш читатель?

Что касается слова «затесь», оно есть в словаре Даля и в разных местах нашей страны пишется и произносится по-разному: затёс, затёска, а на моей родине в Сибири – с мягким знаком – затесь. Происходит оно от слова тесать – рубить топором, затёсывать на дереве отметку и идти дальше, а потом, на расстоянии, снова делается затёска – таким образом остаются меты на стволах, чтоб человек не заблудился, а когда он часто ходит по своим затесям – оставляет тропинку, затем может получиться и дорога, так что все таёжные дороги начались с затесей. Я и поговорку слышал в Сибири: «Поход начинается с песни, дорога – с затесей».

Вот пока и всё. Поздравляю Вас с праздником Октября. Желаю всего доброго и буду ждать ответ. Моё отчество – Петрович.

Да, ради бога не беспокойтесь насчёт какого-то сувенира – ничего не надо. Ваш В. Астафьев

1971 г.

(Н. Волокитину)

Дорогой Коля!

Я тут приболел немножко. Ходил по дивному осеннему лесу с ружьём и разопрел в тёплой одежде, а потом попил холодного и спать лёг в нетопленной избе, назавтра же и зачихал, и домой поехал, добывши одного рябчика. Но уже очухался, ничего особенного – катар верхних дыхательных путей, по-мужицки просто – простуда. Вот я и читал всласть стихи, окунался в русскую поэзию – это диво дивное. Даже и жалко людей, лишённых этой чудесной страны. Бедные, они просто и сами себя лишают, может, самого большого после любви наслаждения, а так как наслаждений ноне раз-два и обчёлся, то вдвое обидно за людей, не полюбивших поэзию. Вот пишу тебе, а в голове звучит совершенно потрясающая строчка Тютчева: «О, господи, дай жгучего страданья!» Не дожили эти ребята до наших дней! Они б молили господу, чтоб он хоть маленько поубавил сих страданий. Правда, они молили всё о страданиях возвышенных, нам вовсе недоступных и непонятных, как свинина казаху.

¹⁰³ речь идёт о повести «Пастух и пастушка». – Сост.

А на столе ждёт масса необходимейших дел, и в первую очередь гранки «Пастушки», которые надо было срочно читать. Прочёл. Повесть едва ли пойдёт, а надеяться надо.

Мозги у меня всё ещё нараскоряку, и поэтому не могу собрать мысли воедино и толково написать всё. Вот-вот должна быть вёрстка однотомника, тоже работа большая, да и с «Пастушкой» ещё горя хвачу. Но сил я у вас поднабрался и могу ломить теперь. Вот вернулся домой, вздохнул облегчённо вроде бы, а на сердце какая-то тоска и несбыточная мечта: мою бы Вологду с её добротой и зеленью и квартирой четырёхкомнатной перетащить бы в Сибирь и поставить супротив Караульного бы быка... Вот бы да бы!.. Маниловщина! А сладко помечтать.

Нового я ничего не написал. Добил лишь большой рассказ о космонавтах¹⁰⁴ – вся надежда на зиму, надо бы роман замесить и повесть небольшую, да всё недосуг, всё дела более «важные». Рукописями заваливают меня молодые со всех концов – из двух одно: или вывелись хорошие люди, готовые жертвовать собой и временем во имя молодых, или же молодёжь настырная и одолевает всех своими рукописями.

Ну вот, пишу-то я без повода, а без повода русские люди ничего не умеют, даже прогуляться на двор, и то им надо, чтоб попутно в нужник завернуть. Вот и расползся я и ничего путного не сказал тебе, а всё представляю, как притих сейчас Казачинск среди пожухлых лугов, нарядного, уже сквозящего леса и как неотвратимо надвигается на вас всех тоскливая, долгая и воюще-печальная зима. Зато сейчас пора прекрасная! Выдаются солнечные дни, в лесу маслята, рыжики, а у вас грузди. Утки тревожатся, ласточки и стрижи улетели, скворцы клубятся в небе и перед вечером поют в палисадниках молодые, готовясь к будущей весне. Будем и мы мечтать о ней и согреваться мечтой о тепле и солнце в зимнюю стужу.

Обнимаю тебя. Прости за грустный тон письма – это немножко от хвори и немножко от осени. Твой Виктор Петрович

1971 г.

(С. Шумскому)

Дорогой Сергей!

Рассказы твои, присланные Лёней Фоминым, подзалежались у меня – опять я был занят последние полтора года, и рукописей скопилось много. Но вот попал в больницу – простудился и нарушил роздых – и листаю рукописи, отвечаю на письма.

Рассказы твои написаны уверенной рукой, они почти уже «на уровне», но им мешает некоторая эскизность – в обоих рассказах взят как бы один только, верхний пласт, а этого очень мало. Полнее написан рассказ «Ночь после пожара» (лучше б назвать просто «После пожара»). Лучше постоянно задерживаться на образе пожара этого самого, пристальней и на протяжении всего рассказа описывать пепелище, как оно то разгорается, то вновь затухает, и как с него уже тащат столы и ещё чего-то, как оно пахнет, как дети детсада с ужасом смотрят на то место, где они раньше играли, веселились, пели, как раньше сама Лида почему-то врала и явилась на пепелище, стоит, смотрит, плачет, не зная зачем и почему. Но мы-то знаем, знать будем – это её жизнь сгорела случайно, запросто, и из этой жизни все как-нибудь воруют, ворует и главный герой тайную и грешную любовь и т. д., и т. п. – вот Вам второй пласт. Ну а если Вы напишете все муки женщины, живущей с пьяницей, о том, как из-за него, возненавидев всех мужчин, она всё же, влекомая плотью, ползёт ночами украдкой к молокососу и видит его насквозь, и потом, как бы получив плату за весь стыд и муки, тая ребёнка, посланного вместо потерянной дочери, она отваливает от него, уходит в себя, в свою «тайную жизнь», то вот Вам и третий пласт.

¹⁰⁴ «Ночь космонавта». – Сост.

Вообще рассказ получится только в том случае, если Вы примете сторону «зрядадельную», т. е. женскую. Как ни крути – она блядь, и от этого на рассказе лежит печать случайности, поверхностности. Вот так. Второй рассказ Вам лучше бросить, использовать материал его где-нибудь в другой вещи.

Желаю Вам всего хорошего, не бойтесь работы, особенно в рассказах, писать их всё же – большое удовольствие. Кланяюсь, В. Астафьев

1972

Май 1972 г.

(В. Г. Летову)

Дорогой Вадим!

Давненько уж я получил твоё письмо, а ответить не мог – свалился. Всё было хорошо. Перед праздником с Марьей Семёновной поднялись легко и быстро и двинулись во Псков. Побывали в пушкинских местах. Экое диво! Сколько радости дала нам эта поездка. Потом, перед самым праздником и после него малость схватывало сердце. Оклемався вроде и в Киев собрался, с режиссёром работать, но б-го как взяло...

Вот второй только день брожу по избе и пробую водить ручкой по бумаге. Билеты в Киев сдали, чемоданы распаковали. Режиссёру самому приходится лететь ко мне, и сегодня он будет, а с ним уж хрен чего напишешь. Вот я и стараюсь все мелкие дела приделать. Рукописи разгрёб, почту и даже почитал кой-чего для души. Есть преимущества у филоня...

Теперь мечтаю, как поскорее выбраться в деревню, пожить на чистом воздухе, на чистой воде, и может, наладившись, и пописать чего. Хочется что-нибудь про природу написать для ребят, и рассказ хочется написать о том, как Ваську одного в леспромхозе товарищеским судом судили и что из этого получилось. По демагогии вдарить хочется.

Ринка наша¹⁰⁵ была в Сухуми по какой-то туристической путёвке. Грузинцы-молодцы вологодских туристов блокировали, и девки боялись в одиночку нос куда-либо показать. Так что Ринка, не найдя тебя, отсыпалась. Мне вот тоже надо бы в Эссентуки ехать, да ведь собраться-то, путёвку-то достать – целая история с географией!

Роман я окончил. Чтобы его, собаку, делать, надо ба-альшое здоровье иметь. До осени пусть терпит. Где-то вышла моя книжка «затесей», в газете видел, а наяву ещё нет. Когда её пришлют к нам в край северный? Далеко ведь – семь часов поездом! Однотомник мой, великомученный, задержали было, в который уж раз чего-то напугавшись, на сей раз рецензии в «Новом мире»! И сейчас, говорят, опять ему ход дали. Комики и труссы!

Очень рад, что дела твои тихонько налаживаются, но ещё больше буду рад, если тебя «Известия» изымут с южных краёв, где, я понял по рассказам Ринки, живут сплошь плуты и дикари. С ними поживёшь, так и Салехард сказочным городом вспоминаться будет.

У нас весна никак не наступает, но каждому погожему дню радуемся. И жизнь течёт хоть необычная, но добрая.

Обнимаю, Виктор Петрович

20 сентября 1972 г.

(В. Г. Летову)

Дорогой Вадим!

Я только что вернулся с Оби. На этот раз с бригадой ух, хорошей бригадой-то, по средней Оби крутились, парходом и на вертолёте. Я при встрече расскажу тебе, что и как, а пока пишу, чтобы ты дал сигнал к отъезду. Мы можем поехать в конце сентября, начале октября.

Я очень себя плохо чувствую – гастрит обострился, а главное, поднялось давление, и мне надо отдохнуть и воды какой-нибудь попить. А устал я и надсадился с одним художественным произведением, которое заканчиваю и скоро отошлю в журнал. И как вышлю, то буду свободен пока ото всех дел.

¹⁰⁵ так по-домашнему звали Ирину. – Сост.

Затею с путёвками в Гагру пришлось оставить – мы не можем так надолго отлучаться из дому, а вот если бы ты подыскал заранее нам комнатку через бюро какое-нибудь на двоих, было бы хорошо. Может, у твоей прежней хозяйки? Нам очень не хотелось бы тебя стеснять и отвлекать от работы. Словом, ждём от тебя сигнала – телеграмму, письмо, как угодно, и тогда собираемся и едем.

С книгой опять, кажется, всё накрылось по причине пессимизма, а и Бог с ним. У меня нет сил и на свою-то работу.

Ну, будь здоров! Твой Виктор Петрович

1972 г.

(А. С. Филипповичу)

Дорогой Александр Сергеевич!

Я слышал, что Вы в Москве. Значит, что-то сдвинулось в кино! Я тоже месяц назад, по просьбе своего несчастного режиссёра, побывал у высокого киношного начальства и порадовался тому, что я работаю в литературе и могу от кино не зависеть. У нас всё проще, доступней и, наверное, человечней. Когда со стороны посмотришь, конечно.

А на Новый год меня свалило с тяжким приступом – гриппом, а потом начались осложнения, которые и до се не кончились. Болезнь, как всегда, способствовала тому, что когда я смог глазом глядеть и башкой немного шевелить, то прочитал все рукописи, скопившиеся у меня. Первым я читал Ваш сборник и потом долго не мог отделаться от гнетущего чувства одиночества, тоски и какой-то волчьей зимней озяблости. Часто такого рода настроения и такие ощущения я списываю на болезнь – при гриппе все они появляются разом и долго не отступают. Остальную же часть всё-таки списываю на Вашу рукопись и теперь понял – прежде всего поэтому, отчасти исключительно поэтому, Вас и не печатают и печатать скоро не будут.

Конечно, Вы вправе мне заметить – настроение «духа» саму душу художника не придумывает – она одинока, и в рукописи одинока. Правильно. Вы же ещё и усугубляете эту заунывную безысходность, часто неосознанно. В Ваших старомодно и неудачно названных рассказах столько смерти, тлена, старческой покинутости!..

Я понимаю, рассказы писались в разное время, и в это разное время Вы целиком выполнили, даже перевыполнили программу российского новеллиста, который вовсе уже и не русский новеллист, если: а) не напишет о собаке, б) о лошади, в) об одичавших и одиноких стариках, г) он не современный русский новеллист, если не напишет об истреблении (бесцельном, конечно) огромного и доброго зверя-лося и ещё о корове. Я тоже обо всём этом писал, и все мои друзья писали. Кажется, у меня ещё корова в запасе? А за лошадь я уж раза четыре принимался!.. Но спасло меня то, что об этом обо всём я писал на протяжении многих лет, и между этим были другие рассказы, как бы разбавлявшие роковую неизбежность тем русского новеллиста. Потом я научился кое в чём себе отказывать, то есть не касаться тем и предметов, которые как бы заранее обрекают на сочувствие и успех данное произведение (именно поэтому шибко очеловеченный белый Бим с чёрным ухом пользуется таким ошеломляющим успехом у нашего слабо подготовленного, но жалостливого к животным читателя). Именно поэтому я бы и не стал писать, а если бы написалось, никому бы не показывал рассказа о смерти одинокого пса и псовой одинокости его хозяев. Человек, так хорошо научившийся владеть пером, как Вы, должен взять себя за руку, как хороший ягожник не коснётся пусть спелых, пусть ярких ягод, оставляя их легкодоступными для ребятешек, коим пока ещё тяжело и жутко ходить в лес одним.

Вы меня поняли?

Ваши рассказы о людях (название «Смерть музыканта» – действительно худое и даже вычурное в данном случае и опять же плохо названный рассказ «История одной любви») – лучшие и наиболее цельные в сборнике. К ним присоединяется свежо (видимо, недавно написанное) этакое славное вступление к сборнику. Остальное надо как-то разбавлять, надо как-то освежать, а то ведь дышать нечем – такая духотища и тоска. Причём рассказ об охотничьей собаке написан в духе «Бима» – это когда собака очеловечивается до того, что и мыслит за человека и её глазами обсуждаются и решаются поступки человека. Но так как они всё же от собаки и совсем «по-человечьи» не может быть, начинается то хитренькое упрощение под хитренького Троепольского, когда поступки человека излагаются как бы со стороны и поверхностно – вот и гадай, отчего хозяин сделался таким. В мать свою сволочную удался, в армии ли особачился? От роковой ли любви озверел до того, что собаку свою стрелять взялся!..

Всё слишком сверху нахвато, слишком везде в рассказах о животных этот самый натурализм и жалость эксплуатируются. А когда начинается о людях, появляется другая беда: разобщённость и житейская, и душевная. Есть она? Есть. Но так ли уж остро воспринимается и претерпевается, как нами – людьми пишущими и, жеманно выражаясь, интеллигентно чувствующими? Нет и нет!

Я много лет знаю свою деревушку Быковку на Урале – она постепенно вымирает, народу в ней остаётся всё меньше и меньше, но всё-таки мои быковцы (а у меня уже есть основания называть их своими) хоть и отдалены, хоть и шибко оторваны от остального мира – тоже тоскуют, и работой заняты, и загулять могут. А летом: грибы-ягоды, сено, дрова да гости городские, – им не до тоски, однако, а то, что у них на душе, – они выскажут хотя бы моей жене и облегчатся, и живут просто, ненадоедно: попивая, сплетничая, помогая друг дружке. И мир их этот, и жизнь ихняя не нуждаются в нашем сочувствии. И не нужно навязывать им своё настроение, свой псевдоопыт и взгляд на жизнь хотя бы потому, что их «тёмной» жизни уже много тысяч лет, а нашей, «просвещённой» – и сотня не наберётся. Однако ж нам и сотни хватило, чтоб душевно разрушиться. Не верите мне, прочтите свой сборник – его написал если ещё и не разрушенный душевно, то смертельно усталый человек. Вот какие невесёлые думы были у меня после прочтения Вашего сборника.

Виктор Астафьев

1972 г.

(Н. Волокитину)

Дорогой Николай!

И я радуюсь тому, что стал ты членом организации, в которой имею честь состоять я и мои товарищи. Да, радуюсь, и не только потому, что, как говорится, руку к сему приложил, но и потому ещё, что верю в нашу захламлённую, не раз уже распроданную с молотка, замордованную и всё-таки живую литературу.

Счёт у нас пока ещё на единицы, однако эти единицы составляют сейчас суть и всё в литературе, и они в большей степени, чем рвущая зубами мясо и деньги приспособленческая орда, влияют на формирование общества, на его совесть, честность и здоровье. Пусть внешне это ещё не столь ощутимо, как хотелось бы, но и не столь ничтожно, чтобы с ним не считались. Во всяком случае, я по себе знаю, как на меня и на моих друзей надеются, ждут многого от нас и боятся, чтобы мы не предали свою душу и перо. А распродать то и другое и прожить лёгкую – вот лёгкую ли?! – жизнь в нашей литературе очень просто.

Вчера появились в газетах портреты Корнейчука с дежурными словами скорби. У меня был как раз режиссёр из Киева и сказал страшную, на мой взгляд, вещь – никто, ни один человек не помянул покойного добрым словом, все почему-то в день его кончины вспоми-

нали о нём мерзости, а сам он, умирая от рака крови, кричал: «Отдам миллион, только спасите!» Вот и ни званья, ни миллионы не нужны сделались, как смерть подступила.

Всё это я к тому пишу, что нашёл ты путь сложный, трудный, трудности которого, сколь бы я тебя к ним ни готовил, будут всегда пробующими твой позвоночник на прочность. Сейчас у тебя в душе праздник, в голове туман и растерянность, как в половодье, – плыви в любую сторону, ведь просторно! Хорошее состояние, но оно пройдёт, начнётся работа, работа, работа. Тебе нужно очень много сделать и, прежде всего, в направлении самоусовершенствования. Жить нужно напряжённо, особенно периферийному писателю. Ему, горемыке, всё время приходится ходить с котомкой и нести груз той самой продукции, тех знаний и информации, за которыми в столице лишь стоит через улицу перебежать и вот они.

Не дай бог тебе заболеть чванством и самолюбованием, какая бы на тебя слава потом ни свалилась. Но не дай бог остаться робким и застенчивым провинциалом, которых у нас просто готовы на руках носить, потому что провинциал – он же ребёнок, которому можно и соску дать, и по попе похлопать ласково, и идти в нужную сторону научить, держась за руку дяди, ласкового дяди из журнала или издательства, который дни и ночи не спит и всё думает, как несмышлёнышу глазки открыть и ходить его ножками научить. Ходить надо самому, и как можно твёрже, говорить своим голосом, но как можно реже и только по делу. И помни две заповеди – первая житейская: «Жизнь свою держи за узду, на жребий свой не ахай, и если тебя посылают в ... ты посылай на ...» Вторая – литературная:

Орёл был у нас председатель,
Зайчишка был наш издатель,
А критиком был медведь.
Чтобы быть российским писателем —
Ба-а-а-льшее здоровье надо иметь.

Вот и помни всегда о нём, о здоровье. Я вот с фронта его ещё немного привёз, а потом не жалел, развеивал, и не всегда на работу, но было и на застолья. Конечно, я не жалею о том, чего было не так уж и много – о гулянке, но вот хворать стал всё чаще, и хворь из-за стола надолго вышибает, а там уж и старость костями постукивает – через два года пятьдесят! Третий день пробую садиться за стол, а и то накоротко, а сделать хочется ещё много.

Ну, написал я тебе семь вёрст, читай знай. Крепко тебя обнимаю. В добрый путь. Твой Виктор Петрович

*Ноябрь 1972 г.
(Н. Волокитину)*

Дорогой Николаша!

Из Гагры, из Дома творчества шлю тебе, Тамаре и Лене приветы и поздравления с праздником, к которым подсоединяется и Марья моя, здесь со мной пребывающая. Из дома я уже давненько, был в Боржоми, пил воду, пытаюсь подлечить брюхо гнилое, но мало пил воду, а больше пил вино с хитрыми грузинами. Затем несколько дней был у приятеля в Сухуми и оттуда уж в Гагру переехал, где нам удалось хорошо отдохнуть. Я ничего не делал, написал лишь предисловие к повести одного томича и всё, да несколько писем. Тепло здесь было, и я до 3 ноября купался. Вот какая есть сторона! И какая наша страна! В Верхоянске минус 41, а здесь вода, как в лучший месяц в Енисее – 18—19 градусов тепла.

Письмо твоё мне сюда переслали. Рад, что у тебя всё хорошо пока идёт, что пишется, что легче дышится, а на дураков внимания не обращай. Когда я жил в г. Чусовом и писал,

на меня смотрели, по крайней мере, как на проходимца, а теперь гордятся и трезвонят, что я написал «у них», на «уральской земле».

Здесь, в Доме творчества, работает и отдыхает критик Виктор Васильевич Петелин, который когда-то писал о тебе в «Правде», и он очень хотел бы иметь от тебя книжку.

Кстати, ставши членом, ты получил все права ездить в дома творчества вместе с семьёй и без оной. И надо этим пользоваться весной, а лучше осенью, в октябре, продлить можно лето на месяц и хорошо здесь поработать. Каждому писателю или семье даётся отдельная комната у самого моря – тишь, благодать, кормят на убой и ещё кино показывают. Я не пользовался этими дарами Литфонда прежде и жалею об этом, ибо от горя и работы дожил почти до полного нервного истощения и психоза.

Написал я «Оду русскому огороду», и её в «Наш современник» № 12 быстренько поставили, но так изредактировали, напуганные тем, что с десятого номера цензура сняла рассказ Жени Носова, и мне пришлось протестовать, ругаться по телефону, словом, снова и снова тратить нервы.

За роман пока не принимался. Видимо, прежде напишу большой рассказ о войне «Ванька-взводный», а потом уж, взявши «разговор», где-то зимой и роман ковырять примусь. Он ведь у меня вчерне-то написан, и нужно теперь главную и самую нужную работу продолжить: доводку, отделку и прочее.

Может быть, в связи с изданием книги доведётся быть в Красноярске и повидаться с вами со всеми, а пока обнимаю всех вас, желаю тёплой зимы, доброго здоровья, а тебе писучести и всего самого хорошего.

Твой Виктор Петрович

27 декабря 1972 г.

Вологда

(Е. Городецкому)

Дорогой Женя!

И за посвящение, и за поздравление, и особенно за цитату из «Экклезиаста» – спасибо. Эту цитату я пришила к роману, чтобы неповадно было тем, кто хочет и добивается того, чтобы властвовать над всеми и иметь себе даже на войне отпуск, пока умирают другие...

Кстати, книгу повестей, где есть и «Пастушка», выдвигают на Гос. премию на 1973 год, но это пока «тайна». Действие сие начинается в четвёртый раз, я уж было в дыбы, да Бондарев, бывший вояка, Ванька-взводный, умница и хохмач, смеётся: дают на четвёртый раз, говорит, мне на четвёртый дали!..

Где-то я слышал: что такое затурканный еврей? – это еврей-турок, а что такое затурканный русак? – это я, мудака! Веришь, нет? Как в Боржоми прочёл хорошую книгу «Великий человек», так с тех пор ни одной не прочёл. Правда, правда! Справа от меня уже три ряда книг на столе, в основном подаренных, и не могу прочесть – готовил том избранного. Как ковырнулся – батюшки мои, а говна-то, а мусора-то в тексте. Свою раннюю повесть «Звездопад» переписал заново, «Перевал» исчеркал до основания, а надо ещё предисловие, а надо и рукописи читать, и письма писать, и в Москву по делам съездить, и там, конечно же, напиться и неделю лежать, не поднимая головы, – контужен ведь, дурак, давление мгновенно подскакивает, да и глаз-то один всего видит и сдаёт, подлюга. Но живу и даже умудряюсь, в общем-то, всё почти сделать, в смысле почты, но уже с поздравлениями оплошал, поэтому у ребят у всех прошу извинения и всех чохом поздравляю.

А тут ещё упал и не упал, а прямо сказать, ё...улся, идя с базара, и отшибнутость всю. Видно, остарели там все кишки-то, и аж что-то треснуло и пискнуло в моём толстом брюхе, оказалось, почки отшиб – тоже неплохо!..

Женя! А ведь А. Романов раздухарился, и ещё двое вологодских парней и просятся в Сибирь... А ну-ка, парень, давай-ка посоображаем насчёт августа или начала сентября, но чтобы банда была небольшая и этих выступлений поменьше. Конечно, всё это можно сделать через Красноярское отделение Союза писателей. Но они же заставят выступать и речи травить, а мне их травить на любимой земле всё равно что в ухо лучшему другу по пьянке посрать. Мне на Енисее хочется сидеть на палубе, молчать, глазеть и слушать воду, а потом потрепаться бы маленько с хорошим человеком насчёт того, как тут хорошо и почему всё это хорошее губят мудаки, мои земляки и всякий блудный люд...

Виктор Астафьев

1973

27 января 1973 г.

(Н. А. Горбачёву)

Уважаемый товарищ Горбачёв!

Я внимательно ознакомился с перечнем названных книг, уже изданных в библиотеке «Родная земля», и с проспектом на 1974 год. Мне кажется, библиотека довольно полно охватила имена писателей, наиболее причастных к «теме земли», хотя некоторые произведения я не считаю лучшими в нашей литературе и достойными быть представленными в общесоюзной библиотеке, но это моё мнение, оно не бесспорно, и я на нём не настаиваю.

Однако же недоумение вызвало у меня отсутствие таких произведений (как среди изданных, так и намеченных к изданию), как «Привычное дело» Василия Белова и «На Иртыше» Сергея Залыгина, а также, к примеру, и произведений Анатолия Знаменского из Краснодара и Валентина Распутина из Иркутска. Думаю, отсутствие произведений уже общепризнанных, получивших огромную прессу и известных читателю писательских имён – Белова, Залыгина, Распутина, не могут заменить такие, как «Пласты» Грачёва либо «Белый свет» Бабаевского и др. Замена настоящей литературы второстепенной не делает чести ни библиотеке «Родная земля», ни планам общественного совета, ни комитету по печати, да и никому вообще. Просто массовому читателю лишний раз подсовывается книга серая вместо настоящей, делающей большое дело литературы, всеми принятой с любовью и почему-то игнорируемой нашим комитетом.

Я надеюсь, что это печальное недоразумение будет устранено и имена умнейших и одарённейших писателей нашего времени: Сергея Залыгина, Василия Белова, Валентина Распутина ещё украсят библиотеку «Родная земля», в противном случае моё присутствие в общественном совете теряет смысл – я никогда не был склонен к тому, чтобы вместо хорошего произведения поддерживать посредственное и плохое, какие бы соображения высшего (читайте – перестраховочного) порядка тому ни были причиной. Они не могут и не должны влиять на взгляды литератора так же, как и на само литературное движение. От этого нет никакой пользы, а вреда много.

Желаю всего доброго. Виктор Астафьев

4 февраля 1973 г.

(В. Г. Летову)

Дорогой Вадим!

Тут после месячного перерыва (всё-таки угодил в больницу с осложнением – воспаление лёгких после гриппа) забрёл я в Союз наш, а там никого нет и лежит куча газет, а сверху «Известия». Я возьми да и подумай: «Вот сейчас открою газету, а там очерк Вадима». Открываю – точно, есть! И очерк-то славный про буровиков и жизнь ихнюю «романтическую». Всё-таки удел твой пока – очерк. На очень короткой и малой площади ты сумел много сказать, а главное – характер написать.

А тут мне предстояло готовить сборник юбилейный. Подумал я, подумал, да сам к нему и предисловие написал, чтобы снять с себя ореол некоего страдальца и оградить от праздного сочувствия и оков «за трудную жизнь». Жизнь как жизнь. Я на неё не в обиде. Она даже интереснее других получилась, может, во всяком случае – насыщеннее. И не надо было мне вытягивать из себя жилы, чтоб набрать на книжку материал, а только выбирать, и всё.

Постарался написать строго, спокойно и по возможности без той саморекламы, в которую ударились наши многие писатели, ещё при жизни жаждущие быть «классиками».

Кроме того, хотел почистить все тексты, «прибрать» их, вытереть сопли, смести мусор, и оборачивалось это неожиданностями. Некоторые вещи, например «Звездопад», переписал почти заново. Если увидишь мою «Излучину», не читай пока рассказ «Ночь космонавта». Испохабили рассказ-то, выщелочили всё, что составляло его суть: надо свою землю беречь и жить на ней как следует, бо за нею пустота, тьма и ни хера там нету для жизни годного. Хотя ты ведь вроде в рукописи читал рассказ или нет? Память моя слабеть начинает, и весь я какой-то разваренный. Не успеваю отвечать на письма, рукопись сдал почти на три месяца с опозданием, а ведь вкалываю, суечусь. Господи! Неужели так рано старость наступает? Никогда я прежде не отставал и, дав слово, в лепёшку разбивался. Тут уж из пермского издательства обеспокоенные звонили – не отдал ли я сборник в другое издательство? Всяк судит и рядит о жизни и литературе в меру своей испорченности.

Сборник я назвал спокойно и хорошо – «Вести». Моим читателям и друзьям посылаю свои лучшие вещи доброй вестью. Даже надежду слабую питаю, что пройдёт в нём «Пастушка» целиком.

Вадим, милый! А сколько же тебя «известинцы» всё же мариновать будут и эксплуатировать?! Когда они тебя во Сибирь сошлют? Вот уедете вы в Сибирь, потом ещё кой-какие друзья уедут, и я, наверное, тоже туда уеду. Что-то я хвораю тут каждую зиму от сырости, и на родину меня очень тянет. Прочитал тут про великого земляка Сурикова Василия Ивановича. Тоже вот в Москве жил, мировую славу имел и денег много, а всё мечтал в Сибирь вернуться, в Красноярск. Такая уж это наша болезнь сибиряцкая.

У нас Ринка всё чего-то никак нигде не приткнётся. В Удмуртии ввели в университете удмуртский язык. На хрена он ей сдался? И куда её ещё посылать? В Сибирь, наверное, на родину мою, там, может, повезёт. Сегодня приезжает на каникулы Андрей, а до сего дня жила тётушка Марии, этакий славный шустрый человек, опрятный. Та самая тётушка, которой посвятил я рассказ «Курица не птица».

Обнимаю тебя, твой Виктор Петрович

*Февраль 1973 г.
(Н. Волокитину)*

Дорогой Николаша!

Вот я и дома. Больных много, мест мало, на мою радость меня и отпустили из больницы. Сегодня я впервые за месяц вышел на улицу, аж кругом пошло. И сегодня же пришлось начать работать – надо сдавать книгу, время жмёт, а ещё не выслал «Пастушку». Вот читаю и вижу, и душа стонет оттого, какая ошипанная повесть попадёт к читателю, повесть, по существу, с отсечёнными крыльями и перебитой ногой. Ах, как трудно всё же работать в нашей таратуре, как её называл покойный Самед Вургун, а кино он ещё лучше называл – кьибиниматография, и когда люди покатывались, он недоумевал и сердился.

Пишу тебе вот чего. Пробовал я тут закинуть удочку насчёт «Молодой прозы Сибири» и убедился, что ты сам себе палки в колеса суёшь. Ты тогда мне написал, что не надо обращаться к Лиханову, я ведь подумал, что вопрос уже решён помимо него, и поэтому не поговорил с главным редактором Новосибирского издательства насчёт тебя, а сейчас, когда спросил в письме насчёт твоей книжки у одного из редакторов, он ответил, что нет тебя в плане и уже поздно в него попадать – серия заканчивается.

Ну, парень! Так тебе в карман наладут и хлеб изо рта вынут. Нельзя так! Надо немножко пожестче быть. Я сам мягкотел, добёр и уступчив чересчур, да и застенчив тоже, вот и могут мне иногда позволить говорить всякие снисхождения и хлопать по плечу, выби-

вая пыль из пиджака. Не хочу, чтоб в этом ты походил на меня, изжуют, проглотят, как пельмень.

Ну, ладно об этом. Теперь слушай сюда!

Перепечатай на машинке старые повести, приложи новую и пришли ко мне. Дело вот в чём. Будучи в декабре в Москве, обласканный любящими меня людьми в «Молодой гвардии», я воспользовался благостным моментом и выговорил место в новинках молодой прозы для автора, которого буду сам рекомендовать и напишу одну из двух рецензий. Я имел в виду одного очень хорошего парня из Перми, но по прочтении увидел, что книжка его не тянет и с уверенностью её рекомендовать нельзя, а место, мной выговоренное, пустует. Теперь, когда я узнал, что нет твоей книжки в «Молодой прозе Сибири» и в Красноярске ты «опоздал» (блядство какое, и когда это кончится?), так, значит, шли мне рукопись, первый экземпляр, и я постараюсь хоть в год 74-й или 75-й пристроить её, что, между прочим, не мешает ей быть изданной в Красноярске, равно как и напечататься в альманахе, а затем и в журнале, была бы вещь настоящая.

Вот. Давай не тяни с этим делом. Привет Тамаре и Лене. Обнимаю.

Твой Виктор Петрович

8 февраля 1973 г.

(В. Юровских)

Дорогой Вася!

Уже давненько пришло Ваше письмо, но я болел и продолжаю болеть (осложнение после гриппа) и лишь недавно начал садиться за стол.

Мне близки и понятны все Ваши слова и мысли. И надо мной когда-то диковалось быдло, то в лице начальника литейного цеха, то газетного царька районного масштаба... Люди эти, как правило, невежественные, завистливые, своих баб боятся, пьют под одеялом, только втихую слушают «Голос Америки», маринуют грибы, садят викторию, посылая на рынок родную мать поторговать ею, шлют деток в музыкальную школу (а мать живёт на кухне), сплетничают с инструктором райкома, раболепствуют перед секретарём и больше всего в жизни боятся потерять насиженное тёплое место, ради которого заложат что угодно – Родину, мать, жену, детей, даже яйца дадут себе выложить, и всё это на «принципиальной основе»!

Ах какое мещанство-то мы возродили взамен низвергнутого пятьдесят лет назад! Не простое, а золотое! Большой оно крови и денег стоит!.. И затопит, задушит мещанство, как чёрной сажой, всё разумное, доброе, ибо, как и всякое зло, оно бесстыдно, бессердечно и ничего кроме себя не уважающее, а желающее только, чтоб вместе с ним, мещанином, все подошли, ибо он считает – на нём мир стоит, им и кончится.

Общество уже начинает расплываться за своё благодущие, думая, что исчезло мещанство, умер обыватель, оставшись лишь у Чехова и Горького. Ан нет, он только затаился и, как кокон, превратился сначала в гусеницу, потом, сожравши светлые побеги дерева, окуклился и запорхал над нами нарядной бабочкой, имеющей высшее образование и рассуждения насчёт чести, совести и морали.

Ах, какая мораль, какая мораль! Вот уже и в литературе она восторжествовала – чем больше болтовни, суматохи, тем меньше стоящих книг, а значит, и отвечать таким руководителям, людям бездарным, угрюмым, скаредам и демагогам, как Марков и Сартаков, ни за что не надо. Покойный Яшин как-то крикнул нам, молодым петухам: «Чего шумите?! Вам ещё деньги будут платить за то, чтоб вы не писали!..» Кажется, дело к тому идёт, потому что писать против сердца мы не приучены. Или же путь наш закончится так же, как у Рубцова Коли или Алёши Еранцева (я ведь знал его, встречался с ним два раза на разного рода сбо-

рицах – молодой, умный парнишка был, что он, повесился, что ли, если бы не затравили?). За последние годы много уж перевесилось и перестрелялось... В Сибири лет пять назад повесился мой школьный учитель, поэт Игнатий Рождественский. Эдакий был восторженный человек и патриот. И на вот, залез в петлю! Думаю, что молчание не убавит жертвы в литературе, а наоборот...

Рассказы Ваши я ещё не читал. «Новый мир» после ухода из него А. Т. Твардовского принципиально не выписываю, а в Союз не могу пойти – тяжело подниматься по лестнице. Но наша секретарша обещала найти и принести.

Вот пока и всё. Работа у меня всякая стоит. В № 12 «Нашего современника» за прошлый год напечатана дорогая мне вещь – «Ода русскому огороду», она хоть и усечена, но многое из того, что я хотел ею сказать, осталось. (Это всё, что я сумел сделать за прошлый год!) Посмотрите.

Желаю Вам и семье Вашей здоровья. Пишите и работайте больше, пока есть силы и здоровье. Всего Вам доброго! В. Астафьев

*12 марта 1973 г.
(А. Г. Зибзеевой)*

Дорогая Аля!

Посылаю тебе сказочку Вали Петровской – это та самая девушка, которая без рук и без ног и которую однажды я рекомендовал с очерком в «Молодом человеке». Увы, она так и не поддержана никем и одинока, а я-то думал...

Впрочем, что тут думать – общество наше погружается всё глубже в тяжкий быт-ельский сытый сон и в равнодушие, до убогих ли тут?!

Прошу тебя, Аля, приспособить эту милую сказочку. То-то радости будет у одинокого человека! Я маленько сказочку эту подправил. Первый экземпляр повезу в Москву, может, в «Мурзилку» приспособлю.

Еду завтра. А так всю зиму проболел и вот с полмесяца как стал работать, но «паров» ещё мало, точнее, «пары» уж не прежние, хотя телеса и раздались вширь.

В мае мы с Марией Семёновной, точнее, в конце апреля двинем в Быковку – подышать весной и поработать, тогда и поговорим о житье-бытье, а пока приветы всем от меня и Марьи Семёновны. Что с «Пастушкой»? Пора бы ей уже выйти.

Ну, бывайте! Ваш В. Астафьев

*1973 г.
(Н. Волокитину)*

Дорогой Николаша!

Сегодня я купил тебе и себе, конечно, по несколько разнообразных пластинок, и серьёзных, и душещипательных, памятных по детству, для разнообразия настроения. Надо сказать, что от моего южного настроения не осталось и следа – всё взяла текучка, почта, какие-то сумбурные, никому не нужные дела.

А на дворе слякоть, мразь. После холодов лёгких и белого снега раскисло всё, туман, сыр, все кости болят, и на душе такая слякоть! Не знаю, куда бы себя дел. Из рук всё валится, потому что ложь кругом, паскудство, и с годами видишь это отчётливей, переживаешь острее. Начал писать статью для «Избранного», дошёл до смерти мамы, и так стало плохо, так больно, так заболело сердце, что и жить-то уж как-то даже не то чтобы не хочется, а тошно. Пишу и поэтапно вижу, как разрушалась и уничтожалась наша семья, большая, безалаберная, и среди всех жертв самая невинная, самая горькая и невозвратная – моя мама.

А биографию надо написать. Пишут все и врут либо нажимают на жалостливые и выигранные моменты: «тяжёлое детство», «солдат», «рабочий» – и вот вам – писатель, ай-лю-ли, ай-лю-ли, как его мы довели! Обрыдло всё это. Так маскируют трагедию личности и литератора, значит, и всего общества, так охотно и поспешно теряющего своё нравственное и национальное достоинство.

Хочется с кем-то поговорить, поболтать. А с кем? Живу я всё же в чужом краю, с чужими людьми. А где они, родные-то? И Родина где? Овсянка? Это уже не моя Родина, это лишь её тень, напоминание и могилы, заросшие крапивой, без догляду и слёз оставленные. Я только и плачу ещё про себя обо всём – и о Родине моей, и о могилах родных. А сколько их, слёз-то моих? Тут и моря мало, чтобы затопить всё горе людское.

Биографию я всё же напишу, пересилю себя. Большую, беспощадную, и из неё уж выберу сокращённое изображение для «Избранного».

Клею повести, правлю, пишу выступление к 50 годам, и страшное моё ощущение и отношение к этому – по длине жизни чувствую, что мне лет полтора, и в то же время кажется: не заметил, как всё это было. Видимо, самый длинный отрезок времени – это юность. И отнятая, убитая, сожжённая, она пеплом своим стучит в сердце, требует какого-то возмещения, компенсации, но компенсацией может быть только сама юность, а она бывает раз. «Ах, юность, юность, нет к тебе возврата, не воскресить – зови иль не зови! На дне души светло и виновато лежат осколки дружбы и любви!» Осколки! Разве из них что склеишь? Я же не археолог, а всего лишь литератор, иногда впадающий в детство и умеющий более или менее выдумать юность чью-то, воображая её своей, и прилепить к этой воображаемой юности воображаемую любовь, потому что любовь есть самое естественное чувство, и изображённое на бумаге, оно уже становится словом, а слово есть всего лишь слово. Музыка ещё способно добраться до тех чувств, из которых берёт начало любовь...

Боюсь сбить тебя с толку, заразить своим нытьём – у тебя сейчас ведь хорошая пора. Ах, как я был счастлив в эту пору, хотя у меня был полон дом прожорливых ртов, и жилья не было, а всё равно петухом на заборе чувствовал себя, и хвост распущен!

Пиши, ради бога пиши! Это ведь я так, раскис. Очень уж болит всё, раны ноют. И как мне хочется жить возле вас, возле Енисея! Я бы, наверно, вышел на берег, и мне бы лучше стало, а может, наоборот? Может, всё уж в воображении только, но я умирать всё равно в Овсянку приеду. Я тут начал писать поэму! Да-да! И называется она «Прощание с собой». В стихах. И серьёзную. Мне её надолго хватит, до смерти, она так и задумана, чтобы прощаться с каждым уходящим днём и с дорогими людьми, которые всё падают и падают, как солдаты на марше.

Отправляю тебе вместе с пластинками «Оду русскому огороду». Я уже подготовил расклейку сборника для Красноярского издательства. Дело за «Пастушкой». Жду письма – не разрешат ли мне её издать в целом виде. Так хотелось бы всю целиком издать! Или всё же придётся по расклейке однотомика?

И ещё, Коля, просьба! Я в Томске покупал рюкзак орехов кедровых, но уже все исщелкал. Судя по лету, нынче в Сибири должен быть урожай. Будь добр, пришли мне орешков. Привык к ним, и они как-то отвлекают и утешают.

Обнимаю. Ваш Виктор Астафьев

*23 апреля 1973 г.
(А. Войтецкому)*

Дорогой Артур!

Вчерашний разговор не ободрил меня, наоборот – расстроил, и я почти до утра не спал. А тут работа над новой вещью идёт к концу, силы на исходе.

Знаешь, что мне не понравилось вчера, да и раньше не нравилось и настораживало? Вот это самое: «Витя, никому ничего не говори!..» Какие-то недомолвки, прятанье, хитрости и намёки – зачем мне всё это? Я ведь ещё во время разговора в комитете¹⁰⁶ понял, отчего завалился в первый раз сценарий – ты намеревался, да уже и начинал ставить «Вишнёвый сад», а мой сценарий держал на всякий случай, потому и не знали о нём ничего и никто в комитете... Теперь опять какие-то секреты, увёртки постоянные, снова разговоры о деньгах! Вероятно, ты так и не поверил мне, не захотел поверить из объевренного Киева, что я не хочу получать никаких денег, боюсь быть ими связанным.

В доказательство своей искренности могу тебе сообщить: я так и не востребовал недополученную мной тысячу рублей со студии Довженко за «Ясным ли днём», и вполне может быть, её кто-то присвоил. Мне на моё житьё хватает заработка прозой, и поэтому я и сейчас не хочу ничего получать со студии, а если переведут деньги, я их верну в бухгалтерию либо положу на отдельный счёт и буду держать на нём с надеждой, что смогу всегда вернуть их. Кроме того, 28—29-го я на месяц уезжаю на Урал и перевод могут вернуть на студию по причине неполучения (на почте).

И всё это потому, что нет у меня ни от тебя, ни от студии никаких гарантий на то, что вы готовы и можете сделать фильм на уровне если не повести, то хотя бы того сценария, который я, а не ты предлагал для съёмок. Ты же лишь обстрогал мой сценарий, и он сделался вроде щуки – везде проходимым. Побудь одну минуту на моём месте и посмотри моим глазом на всё. При печатании в журнале повесть претерпела выкидыши и кастрации. Предупреждённый и настроенный тобою, я многое обошёл и многое сам обстругал при переработке повести в сценарий, затем прошёлся по нему ты, уже с режиссёрским, а точнее, цензурным топориком. И теперь вот ещё предлагается мне: «подумать над этим», «заменить то-то», «выкинуть это»... Плюс к этому твоя твёрдая настойчивость поставить на главную роль 35-летнюю Аду Роговцеву, твои осторожные намёки: «Вполне может быть, что я и вытяну», затем упорное стремление «украинизировать» героев, но так, чтобы это было «сладко», отчего исчезли из сценария две хохлушки, имеющиеся в повести во время прощания, да и ещё кое-что...

Я живу не на Украине, и фильм должен делаться не только для украинцев. Мне на всю эту «национальную» гриппозную погоду начхать, и потому я не пойду ни на какие заигрывания по этому вопросу ни с тобой, ни со студией. Но... где гарантия, что ты, начавши снимать фильм и ставши его хозяином, не распорядишься во всём по-своему и не сделаешь такую штуку, что мне стыдно будет на люди показаться? Я хотел бы эту гарантию иметь хотя бы в письме от тебя и не хотел бы, чтоб темнили и хитрили вокруг первого моего фильма.

«Пастушка» – вещь долговечная, это-то я знаю твёрдо. И может ждать долго. Я – тоже. Подумай и ты: готов ли ты для работы над нею. Недавно один режиссёр, возжаждавший во что бы то ни стало снять что-нибудь из «Последнего поклона», отказался от этой затеи, признался, что «не созрел», и пошёл работать оператором к хорошему режиссёру, мол, «а потом уж... может быть...» – написал он в своём письме. Вот такая честность и прямота мне по душе.

И ещё. Я посмотрел «Ромео и Джульетту» не так давно. Шедевр. Шедевры и в мире снимаются не каждый день, но каждый должен к ним стремиться. А уж если и стремления связаны условностями работы, характером, жизнью и т. д., то наши киношники хотя бы должны понять после этого фильма, что молодых должны играть молодые, тогда половина успеха гарантирована. Вот такие мои мысли и соображения.

Со сценарием я ничего делать не буду и прошу не посылать мне никаких денег, пока не получу от тебя, желательно и от студии, на моё письмо прямого и внятного ответа.

¹⁰⁶ комитет по кинематографии. – Сост.

Будь здоров! Виктор

1973 г.

(С. Шумскому)

Дорогой Серёжа! Ты, может, и мимоходом, невсерьёз предложил мне семян, а ведь не откажусь от них. У меня дом в деревне и огромный участок, на котором растёт трава, в основном дикая, пырей и деревья там и сям. Я и не пытаюсь облагораживать участок, но я люблю, чтоб в нём была всякая всячина.

Пришли мне всего помаленьку и напиши, как, где и с чем садить. И если есть у тебя, анису! Вывелся на Руси анис! А вся Европа пьёт водку с анисом, нам же он нужен для засолки капусты, да и для распространения по нашей глухой и оглохлой деревне.

Я закончил, начерно, правда, весь «Последний поклон», устал, и даже вчерашнее сообщение о том, что утверждено моё собрание сочинений (его несколько раз бодали), меня не встряхнуло. Едва ноги таскаю, давление, болит голова, толстопуз, сам себе противен. Собираюсь на юг – отдохнуть и подлечить лёгкие. Будешь писать Лене, передай привет.

Кланяюсь, Виктор Астафьев

1973 г.

(И. Соколовой)

Дорогая Ингрида!

Как раз сегодня, когда пришла от Вас телеграмма, я собрался Вам писать. Раньше никак не мог – второй год нахожусь в страшной запарке, нет никакого роздыха, и запарку эту сделал я себе сам – добиваю новую повесть «Царь-рыба», делал пьесу и массу других текучих дел, не отдыхал нисколько – болит контуженая голова, скопилась масса рукописей и почты.

Недавно, болея гриппом, я взялся читать Вашу рукопись, а читаю я медленно...

У меня очень сложное, если не сказать – растерянное состояние после прочтения её. Я совсем не был готов к такого рода чтению. Прочитав «моя», я полагал, что буду читать книгу «о себе», то есть о Вас, которая не может быть неинтересной, ибо сам «материал» не позволяет ей быть таковой. Но вышло всё не так, как ожидалось. Книга произвела на меня удручающее впечатление. Что это? Мемуары? Исповедь? Самодоклад? Для мемуаров слишком мало оснований. О себе писать мемуары, видимо, надо как-то иначе, какую-то форму надо искать. Лекция, исповедь? Но тогда личный материал в ней выглядит оказённым, случайным, часто – давно известным по газетам и мемуарам маршалов. Но такого жанра никогда ещё не было, да он и невозможен, ибо докладывающий о себе человек, хочет он того или нет, впадает в самовосхваление, а где и в бестактность по отношению к близким своим...

Часто Вами поминается Островский. «Как закалялась сталь» – эта книга уже набила мозоли на наших мозгах, но тем не менее пусть она и плохо написана, да в ней найдена форма повествования от третьего лица, герой имеет отличную от автора фамилию (это уж стараниями всевозможных лизоблюдов, демагогов произведено полное, безоговорочное слияние героя и автора, что сам он едва ли согласился бы с этим живой да в здравом уме и памяти). У Вас, да и в любой вещи, где есть «я», – оно, это «я», ко многому обязывает, прежде всего к сдержанности, осторожности в обращении с этим самым «я», и, главное, необходимо изображать, а не пересказывать. У Вас поначалу семнадцатая артдивизия находилась на марше... Но это именно наша бригада, вооружённая гаубицами образца 1908 года системы Шнейдера, выплавляемыми на Тульском заводе (гаубицами, у которых для первого выстрела ствол накатывался руками и снаряд досылался в ствол банником), оказалась на острие атаки немцев. Сначала нас смяли наши отступающие в панике части и не дали нам как следует зако-

паться. Потом хлынули танки – мы продержались несколько часов, ибо у старушек-гаубиц стояли сибиряки, которых не так-то просто напугать, сшибить и раздавить. Конечно, в итоге нас разбили в прах, от бригады осталось полтора орудия – одно без колеса и что-то около трёхсот человек из двух с лишним тысяч. Но тем временем прорвавшиеся через нас танки встретила развернувшаяся в боевые порядки артиллерия и добила вся остальная наша дивизия. Контрудар не получился. Немцы были разбиты. Товарищ Трофименко стал генералом армии, получил ещё один орден, а мои однополчане давно запаханы и засеяны пшеницей под Ахтыркой...

Был я и в Опошне, и в Катильве, и в Миргороде. Эти гоголевские местечки стояли в перевозданной целости, с беленькими хатками, как и сёла вокруг них. Мы обжирались там фруктами и после страшного удара приходили в себя. Были у Вас и ещё какие-то попытки хоть слабо изобразить, написать свою жизнь, потом они совершенно исчезли. Не знаю, возможно ли без изображения рассказать о чём-либо художественно вообще, а о войне и сложной бабьей доле на ней – в частности.

Очень гнетущее впечатление произвело на меня то, что рассказано о войне, – виденье виденью рознь, как и память памяти, но какой-то привычный, газетный стереотип у Вас присутствует во всей книге, странно и, по-моему, нескромно названной.

Очень часто совпадали наши пути на войне: весь путь к Днепру почти совместный. Я был под Ахтыркой. Наша бригада оказалась той несчастной частью, которой иногда выпадала доля оказаться в момент удара на самом горячем месте и погибнуть, сдерживая этот удар. Ахтырку, по-моему, заняла 27-я армия и устремилась вперёд, оголив фланги. Немцы немедленно этим воспользовались и нанесли контрудар с двух сторон – от Богодухова и Краснокутска, чтобы отрезать армию, которую так безголово вёл генерал Трофименко вперёд.

Вы возносите до небес разведку. Я был один раз в разведке, ходил за «языком» – ничего похожего на то, что Вы рассказываете. Что это за разведка, где могут сразу погибнуть десять человек? Фронтовая? Но она ходит в глубокие тылы. Армейская – тоже. Дивизионная? Полковая? Так я и не понял: почему разведкой может распоряжаться, пусть и бездарно, какой-то хмырь, явившийся из тыла?

И вообще к концу войны чины всякие реже и реже появлялись на передовой – хотели выжить, обзавелись бабами и комфортом, а на передовой их обманывали или пугали. За полгода я только раз видел газетчика на передовой, из нашей, дивизионной газеты «Сокрушительный удар», который, пощёлкав фотоаппаратом, мгновенно смылся, хотя обстановка была далеко не смертельная. Никакого комиссара на передовой ни разу не видел, кроме капитана Мартынова из нашего артдивизиона, он был совестливым человеком и, зная, что солдатам не во что завернуть табак, иногда приносил нам газету. Комиссар бригады товарищ Сафонов или Сафронов, точно уж не помню, нажил на войне брюшко и румянец, имел две легковые машины и первым, даже вперёд комбрига, мирового мужика, получил боевой орден.

На встречу ветеранов нашей дивизии приезжала какая-то шушера, обвешанная орденами и медалями, хвалилась подвигами, жаждала о себе книг и кинофильмов, а хватились их спросить мы, четверо солдат, в конце концов угодивших на встречу, почти никто из них на передовой и не был, там ведь убивали, ранили, там орденов мудрено было дожидаться...

Днепровские плацдармы! Я был южнее Киева, на тех самых Букринских плацдармах (на двух из трёх). Ранен был там и утверждаю, до смерти буду утверждать, что так могли нас заставить переправляться и воевать только те, кому совершенно наплевать на чужую человеческую жизнь. Те, кто оставался на левом берегу и, «не щадя жизни», восславлял наши «подвиги». А мы на другой стороне Днепра, на клочке земли, голодные, холодные, без

табаку, патроны со счёта, гранат нету, лопат нету, подыхали, съдаемые вшами, крысами, откуда-то массой хлынувшими в окопы.

Ох, не задевали бы Вы нашей боли, нашего горя походя, пока мы ещё живы. Я пробовал написать роман о Днепровском плацдарме – не могу: страшно, даже сейчас страшно, и сердце останавливается, и головные боли мучают. Может, я не обладаю тем мужеством, которое необходимо, чтоб писать обо всём, как иные закалённые, негибимые воины!

Сейчас, когда я Вам пишу, по телевизору показывают спектакль «Из записок Лопатина» в исполнении «Современника». Этому автору¹⁰⁷ всё даётся, всё нипочем! У него сердце не останавливается и не болит! Экая тёпленькая, удобненькая всем демагогия! Экая рассудительная война! Экая литература! Задача которой – забыть, что счёт нашей Победы – десять к одному не в нашу пользу (это официально!), да миллионы, десятки миллионов калек и умерших сразу же от ран, болезней и голода. Правильно, хоть и нечаянно кто-то из националов назвал этакую стряпню – таратурой. Именно таратура – иначе не скажешь!

Не знаю я, что Вам посоветовать. Кроме всего прочего, вещь плоха по языку, изобилует выпяченными отступлениями «по поводу искусства», а об этом надо бы в другом месте, в другой раз. Здесь же место лишь судьбе женщины на войне и изувеченной войною. Где она, та женщина? В книге всего лишь тень её, какая-то парадная вывеска. Надо, видимо, Вам написать о себе «для себя», вот тогда, глядишь, выйдет «для всех», а пока же всего лишь сумбурный набросок с претенциозным заголовком.

Я знаю, что Вам нелегко будет читать моё письмо, надо бы «повежливей» быть с женщиной, но литературу я ставлю на один шаг с тяжелейшей службой и мужской работой. Вы часто употребляете «фронтовики», «солдаты», а солдат перед солдатом не должен кривить душой, мы, во всяком случае, избегали этого делать на передовой, иначе все погибли бы. И вот я как солдат солдату говорю то, что думаю, а Ваше дело принимать – не принимать!..

Кланяюсь. Виктор Астафьев

6 декабря 1973 г.

(В. Юровских)

Дорогой Вася!

Очень рад, что ты появишься в нашем журнале. Маловато, правда, они отобрали, но лиха беда начало!

Я вот уже скоро два месяца не вылезая из-за стола, наконец-то смог выкроить время и для себя, но запустил все текущие дела. Передо мной лежит письмо Феликса Витольдовича Шпаковского – «счастлив писатель, который может получить такие письма!», сказал мой близкий товарищ, бывший у меня в ту пору, когда пришло это письмо. И потому не могу я отписаться на него «просто так», а на большое письмо не выкраивается времени – работа идёт к концу (пять новых глав «Последнего поклона»), силы мои на пределе, нервы суди сам какие. Я вообще изнашиваюсь сильно, когда работаю, даже и бабу не надо делается после страшного напряжения, через какое-то время начинаю прибегать к помощи снотворного, но я контужен сильно и встаю, как с глубокого похмелья, поэтому и снотворное стараюсь принимать в чрезвычайных случаях.

Однако погода у нас установилась славная, сухой морозец, нет сыри, так изнуряющей мои дышалки, и я работаю, хоть не так прытко, как прежде, но сосредоточенно, напористо, и на душе праздник, а усталость, что ж усталость – это наш удел. Даже богатырь Толстой, умевший так хорошо отдыхать, жаловался, что он после каждой книги чувствует себя вконец

¹⁰⁷ *Константину Симонову. – Сост.*

разбитым, правда, он не чета нам, и книги писал толще и глыбже, да и ума у него было столько, что страшно становится, когда подумаешь, чего и сколько он видел и понимал...

Поклонись своим, Вася! Обнимаю тебя. Виктор Петрович

*Декабрь 1973 г.
(С. П. Залыгину)*

Дорогой Сергей Павлович!

Сердечно поздравляю Вас с шестидесятилетием, несколько удивлённый, что Вам уже столько лет! Ваша моложавая внешность и звонкий голосок – немалая тому вина, да ещё и бег времени, сумасшедший, часто бестолковый, когда и свои-то года не видишь – как и куда улетают!

Прежде всего желаю я Вам крепкого здоровья и теперь уж навечно остаться тем, что Вы есть, – совестливым человеком и писателем, коих после смерти Твардовского у нас осталось так мало. А Вы есть и помогаете нашей не такой уж и здоровой литературе устоять на ногах, не потерять веры в совесть и порядочность человеческую, а значит, и писательскую.

Давно мне хотелось чем-нибудь отблагодарить Вас за всё то, что Вы делаете для нас – литераторов, живущих в провинции, и в частности за себя: я-то ведь знаю, что не раз на меня налаживалась облава и Вы её прихватывали в самом начале, не давая разогнаться «борзым кобелям». И вот, как мне кажется, написалась вещь, которую я, не стыдясь, могу подарить Вам – это новая глава – рассказ из «Последнего поклона». Как и все главы, она совершенно самостоятельная и в то же время какими-то нервами, а где и нитями связана со всей книгой.¹⁰⁸

Всего я – вдруг! – накатал пять новых глав! «Вдруг!» я обронил не случайно – вся книга писалась и пишется как-то внепланово и настигает меня неожиданно. И эти главы схватили меня на пути к совсем другой работе. Как когда-то сказал покойный Коля Рубцов: «О чём писать – на то не наша воля». Воистину так. Они, новые главы, заполнят «прораны» до «Где-то гремит война», после «Бабушкиного праздника». А та, что посвящена Вам, встанет за «Где-то гремит...» перед заключительной главой.

Я много над этой главой работал, много себя в неё вложил – мне всё хотелось написать что-нибудь высокое, но не риторичное, не демагогичное о нашей, такой Великой и такой горестной Победе. Саму Победу я встретил препаскудно, горько до слёз – после госпиталя был в Ровно, в полку по борьбе с бандеровцами, и стоял на посту у казармы в ночь с восьмого на девятое мая. Поднялась стрельба, крики, ликование, и я выпалил с радости вверенную мне обойму из винтовки, за что и был отправлен на губу дураком старшиной, да и проревел до вечера, одиноко лёжа на деревянных, карболкой воняющих нарах. А хотелось написать о торжестве души, хотелось много-много дать свету, подурчиться хотелось, как мальчишке, на траве поваляться, отпраздновать, погоревать и подумать о жизни будущей – всё это в одном рассказе. Как я её, эту задачу, выполнил – судить не мне, но дарю Вам эту вещь от чистого и благодарного сердца.

Все вологодские ребята гордятся тем, что был у них Яшин, и скорбят, что не стало его. Я горжусь тем, что есть у нас Залыгин, и слово «земляк» поставил в том большом и братском смысле, с каким оно воспринималось и жило в нас всю войну на фронте, да и сейчас не всеми и не везде ещё захватано нечистыми руками.

Низко Вам кланяюсь, Сергей Павлович! Обнимаю Вас! Живите долго. Вечно Ваш по земле родной и помыслам. В. Астафьев

1973 г.

¹⁰⁸ глава «Пир после Победы». – Сост.

(Н. А. Драгану)

Дорогой Николай Андреевич!

Приветствую Вас и поздравляю с Новым годом! Надеюсь, что старый Вы благополучно отплавали и теперь стоит Ваше судно пустое и грустное, а Вы проводываете его и, небось, уже тоскуете по весне, по путине и своей беспокойной работе.

Я давно собирался Вам написать, но так сложились обстоятельства, что ни Вам, ни в газету написать не сумел. Заболел воспалением лёгких, а когда вышел из больницы, закрутили меня дела и до сих пор не дают передышки. Надеюсь, в январе буду здоров, повезу в Москву рукопись. А тогда, расставшись с Вами в Туруханске, мы с Женей Городецким (ребята через несколько дней улетели в Красноярск) подались на Тунгуску. Комара была тьма-тьмушая, но я всё равно рыбачил, не сдавался, поймал десятка полтора сигов, с десятков хариусов, насмотрелся, надышался и вместе с Женей вернулся в Туруханск, затем три дня побыл в родной Овсянке и затем уж улетел домой...

В то лето поездка с Вами оказалась единственной, но не только поэтому я её так хорошо вспоминаю. Думаю, повезло нам, что с нами был такой общительный и славный капитан, прекрасная повариха и весь коллектив, какой-то свой в доску! – так и остались в душе родственные связи. Я очень прошу Вас и всех, кто есть из команды в Подтёсово, поздравить от меня с Новым годом и пожелать, чтоб все были здоровы, счастливы в жизни, скорой, дружной весны и всегда глубокой воды под килем!

По сей день перед глазами у меня стоят Осиновские пороги – ничего красивей я в своей жизни не видел и едва ли уж увижу. И вообще для меня нет красивей реки, чем Енисей. В моём рабочем кабинете, за спиной у меня, висит карта Красноярского края, и я часто «путешествую» по Енисею – это помогает мне жить и работать. Работаю я сейчас над продолжением повести «Последний поклон», а потом продолжу работу над новой повестью «Царь-рыба». Её мне хватит надолго.

В 77-м году в Красноярске выйдет том новых моих произведений, а пятидесятилетие своё мне очень бы хотелось отпраздновать в родных местах. Я постараюсь найти Вас, повидаться с Вами и подарить свою «толстую» книгу. А пока ещё раз поздравляю Вас и Ваших близких с Новогодьем!

Всегда о Вас тепло вспоминаю. Поклон заснеженному Подтёсово и всем подтёсовцам. Обнимаю. Ваш Виктор Астафьев

1974

4 января 1974 г.

(С. Задерееву)

Дорогой Сергей!

Тут у меня большой был завал в делах, и он не кончился бы, если б я не сбежал из города в глухое село, где меня и найти не смогут, а жене не велел сказывать, где я. Вот и прочёл там много скопившихся рукописей, в том числе и Вашу.

Вы прислали мне уж очень много всего, в голове и памяти – каша, но всё-таки из этой каши что-то и задержалось в уме. Главное, что человек Вы, несомненно, способный, есть у Вас и слух, и нюх, и глаз приметливый, то, что необходимо писателю, хотя чувство меры Вам иногда изменяет, склонность к какому-то слововывёртыванию встречается, но это всё пройдёт, будете больше писать – разовьётся вкус, и сами всё повычёркиваете манерное и заумное...

Вот что мне хотелось бы Вам сказать. Почти все, кого я, доводилось, обсуждал на семинарах, да и те, кто присылает рукописи на дом и в журнал, почти все (!) молодые пишут миниатюры и коротенькие рассказы. Ну, это они так называют, а там нет ни рассказа, ни притчи, а так, что-то приблизительное, мимоходом написанное. Что это – лень, нежелание перетруждать себя, перенапрягаться и работать в своё удовольствие, писать, будто цветочки собирать? Как Вы сами-то к этому относитесь? Многое из того, что Вы напечатали на машинке, есть не что иное, как заметки из записной книжки, мимоходные, часто необязательные в исполнении и не могущие претендовать на какой-либо из жанров, ибо есть они – ну штришок, заметка, чёрточка...

А между тем мне видится в Ваших коротких рассказах повесть. Да, да, повесть! Они все в одном ключе сделаны, у всех один настрой, и герои как-то бок о бок ходят. Надо их объединить сюжетом, притереть друг к другу и попробовать сделать повесть. Она, конечно, требует большого труда, сосредоточенности и просто крепкой жопы, но без этого всего нет и писателя. Вот и испытайте на прочность своё заднее место, поработайте, как следует, иначе так приучитесь ловить солнечных зайчиков, что Вам тяжело будет, а может, и невозможно переходить к формам и жанрам более трудоёмким. Человек Вы, повторяю, способный, но одних способностей в нашем деле ещё мало – труд, труд, труд и упорство – вот что ещё нужно.

Желаю всего доброго. В. Астафьев

P. S. Лично я пишу свои «затеси» только после серьёзной работы или в перерывах, удовольствия для...

1974 г.

Вологда

(Е. А. Лебедеву)

Дорогой Евгений Лебедев! (Извините, что запамятовал Ваше отчество.)

Это пишет Вам и посылает свои книжки человек, с которым Вы встретились в 1957 году на берегу Енисея, там, где ныне располагается не по заслугам воспетый молодой да ранний городок Дивногорск.

Тогда в качестве корреспондента журнала «Смена» начинающий писатель и уроженец этих мест был послан воспевать немало великих строек, а вы – бригада ленинградских артистов – развлекать строительную публику. Тогда там был великий бардак (он и потом продол-

жался, и по сю пору не кончился), и воспевать было особо нечего, царила там безработица, хаос и вам тоже вроде бы развлекать особо некого было, да и не хотелось. Вы ютились в грязной комнате конторы, отданной норильским пионерлагерем гидростроителям, и я обитался по соседству, и молодой инженер, меня опекавший и просвещавший, всё толковал мне, что я всё равно «правды не напишу».

Правду и в самом деле писать трудно, однако в меру сил и способностей, Богом мне отпущенных, я описал тот великий бардак, что мы видели, и редактор «Смены», прочитавши моё творение, заявил, что я рановато туда поехал!

Я и позднее бывал там, и вообще на Родину езжу каждый год. Вот только что вернулся. Был в низовьях Енисея, рыбачил, съеден комарами дотла.

Тогда в Скиту (Знаменском), так зовётся то место, мы с Вами как-то хорошо поговорили, и я с тех пор слежу за Вами и радуюсь Вашей работе, последнее, что видел, – это чеховские короткие рассказы по телевизору, которые Вы играли вместе с очень хорошим тоже актёром (фамилия у него грузинская). Хорошо, славно у Вас всё получилось. Я вообще-то Чехова не очень люблю, а такой рассказ, как «Дорогая собака», считал просто пустячком, и тем поразительнее Ваше искусство, когда Вы из пустяка... козюльку сделали! Ну вот, в тот же приезд на великую стройку родилась у меня мысль написать повесть о моей Родине и родичах, дабы самонадеянным преобразователям и освоителям Сибири не казалось, что до них тут никто не жил. Жили! Жили, да ещё и какие люди жили!..

Так и родился «Последний поклон». И писался десять лет. Книга эта уже много раз издавалась, была в «Роман-газете», но я шлю Вам (из последнего!) издание отдельное, лучшее по оформлению.

К сожалению, нет у меня (не осталось дома) сборника моих повестей, однако к юбилею (мне весной стукнет 50 лет) выйдет однотомник, и я пошлю Вам его с радостью.

Я и раньше всё собирался послать Вам что-нибудь, да всё наша российская скованность, застенчивость, которую интеллигентностью зовут, мешала. Но вот пришёл «Экран», увидел Вас на обложке, и так чего-то захотелось поговорить и вспомнить...

Как я оказался в Вологде? Долго рассказывать. Письмо и без того затянулось. Работаю я сейчас над романом о войне и второй книгой «Последнего поклона», где-то, как подземный гром, начинаются и докатываются до меня известия о кино. Кажется, не ставили, не ставили, да сразу два фильма вроде бы собираются ставить. Но это так, между нами.

Низко Вам кланяюсь. Шлю близким Вашим наилучшие пожелания. Больших Вам ролей и удач, таких, как гоголевский Поприщин – он меня потряс. Будьте здоровы. Ваш Виктор Астафьев

*24 февраля 1974 г.
(И. Степанову)*

Дорогой Ваня!

Не ропщи ты на нас, грешных, что пишем редко, и не думай ничего худого – старимся, много хвораем и ещё больше суетимся, а меня заживо похоронили в рукописях графоманы и молодые, в меру талантливые писатели – облеплен рукописями, как горчишниками, и не могу справиться никак. Ведь каждому молодому кажется, что пишет-то он один и посылает мне рукописи тем более один.

С большим трудом, лишь изредка могу заняться своим делом. Но я пишу тебе не для того, чтобы жаловаться, а вот для чё. Первого мая мне стукнет 50 лет. Хотел я умотать из дома в лес, в тайгу от юбилея, но нельзя, положение обязывает, иначе будет истолковано как неуважение к друзьям, властям и т. д., и т. п.

Но сразу же после праздников я, буде жив и здоров, умоваю в деревню, на Урал, а оттуда уж к выходу книги в Красноярске (Избранные повести) – и в Овсянку (конец июня – начало июля). Погуляем там с родней, попьём, попляшем, и надо бы проветриться. Я помню, что от Дивногорска вверх по Енисею ходит «Метеор» и что езды до тебя 8 часов!

Так хотелось бы побывать у тебя вместе с супругою. Будешь ли ты дома в это время? Я ведь совсем не видел и не знаю верховьев Енисея – нужно не только для прогулки, но и для работы. Отпиши мне. Вот тогда и поговорим обо всём. А пока кланяюсь всем твоим, а тебя обнимаю. Виктор

Март 1974 г.

Вологда

(В. Юровских)

Дорогой Вася!

Пишу тебе коротко – приболел опять, да дело срочное одно пристало. Я ничего, кроме миниатюр в «Новом мире» и в «Нашем современнике», твоего не читал. Ты писал, что у тебя выходила якобы книжка миниатюр? И всё? Или что-то есть более крупное твоё напечатано? Если нет, то тебя просто не примут с таким «малым багажом» в Союз, и ты переживёшь большую душевную травму. Не лучше ли повременить и сделать всё наверняка, а? Я, например, оформлялся только наверняка, имея уже четыре книги и много публикаций в центральной прессе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.